

П. В.
АННЕНКОВ

Сочинения

Павел Васильевич Анненков

Письма из-за границы

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2669565

Аннотация

«Письма из-за границы» писались Анненковым во время его первого зарубежного путешествия и по мере написания публиковались в журнале «Отечественные записки» за 1841–1843 гг., в отделе «Смесь». Отдел был выбран не случайно: он позволил скрыть «Письма» от цензуры. Стилистая манера «Писем», их иронический тон, обилие информации о культурной жизни Запада, обилие имен второстепенных актеров – все направлено было к тому, чтобы отвлечь внимание цензуры от основного – социально-политической и философской информации.

Содержание

I	4
II	15
III	19
IV	23
V	31
VI	59
VII	73
VIII	83
IX	109
X	127
XI	144
XII	156
XIII	173
Примечания	184
Комментарии	

Павел Васильевич Анненков Письма из-за границы

I

Гамбург. 12-го ноября 1840 года.

В три часа ночи снялись мы с якоря, отъехали восемь верст или немецкую милю и остановились: нас захватил туман и прикрыл словно матовым, стеклянным колпаком. Целое воскресенье простояли мы на якоре; кругом какая-то белесоватая мгла, и точно зашили нас в мешок и кинули в море, как неверную ханым. Мы начинали приходить уже в отчаяние и, как матросы Христофора Колумба, в безумном ропоте хотели посягнуть на особу капитана Босса, который в огромных медвежьих сапогах, с сигаркой во рту, стоял почти весь день у компаса, как вдруг в понедельник, часа в два утра, приятное колыхание в моем гробике возвестило мне, что мы тронулись. Я выбежал на палубу: море было тихо, да ненадолго. Со вторника на среду в ночь ветер начал крепчать, крепчать, пароход заскрипел, стал качаться из стороны в сторону, а с ним вместе и мой мозг, и вся моя внутренность. Почти на корточках притащился я к трубе; там уже

лежал К<атков>^{1}, и мы, упираясь головами, пролежали так до глубокой ночи, не говоря, не думая, а следовательно, и не кушая... Гнусное положение! А между тем пароход то подымался, то уходил в волны: несколько раз белоголовая волна, как тень Сумбеки (в балете того же имени)^{2}, выростала перед нами и, опрокидываясь, обливала пеной палубу и нас: однакож чистоплотный капитан Босс на этот случай поставил матроса с метлою и велел сгонять без пощады всякую потаскушку такого рода. Наконец, в четверг прояснилось, утихло, успокоилось, и в 8 часов мы прибыли в Травемюнде^{3}.

Прежде, чем стану описывать впечатление, произведенное на меня первым местечком Германии, скажу, что в ночь с середины на четверг я очнулся по случаю уменьшившейся качки, осмотрелся кругом и вдали увидел яркую, огненную точку. Самым скверным немецким языком, какой только может существовать, спросил я у матроса: «Что это за маяк?» – «Es ist¹, – отвечал он мне, – шведский остров Борнгольм». Не поверите, как живо представилась мне комната, в которой читал я, сидя за столом, измаранным чернилами и изрезанным перочинными ножичками, длинную книгу под заглавием «Сочинения Карамзина». Я тут все вспомнил, до последней подробности: и девушку, и страдальца, и стихи, и фразу: «Я стоял на палубе, прислонясь к мачте; слеза катилась по щеке – ветер снес ее в море»^{4}, и все, все... Мне

¹ Это (нем.).

еще кажется до сих пор обманом со стороны географии и истории, утверждающих, будто Борнгольм принадлежит какой-то другой стороне, а не России. Ну, да это в сторону!.. Травемюнде! Травемюнде! Захватив чемоданы, бросились мы на берег. Я смотрел, вытаращив глаза, на эти домики, прижавшиеся друг к другу так плотно, как стадо оленей в Сибири, захваченное сорокаградусным морозом, и вытянувшиеся, как пиявка, из которой выжимают кровь. Несмотря на глухую ночь и позднее время, мы пошли осматривать местечко в сопровождении одного немца и одного француза, наших товарищей по пароходу. В 12 часов были мы уже на ночлеге в Hotel de Russie, но заснули только в 2, болтая обо всех вас^[5]. В 7 часов утра стоял уже у крыльца штульваген² с почтальоном в фуражке с красным околышем, с красными и белыми шнурками по синему мундиру и рожком. Мы сели и покатались в Любек. Тут проехали мы мимо часового из милиции... Что за пышная фигура! Я по глазам и по всему выражению лица узнал тотчас, что он отец многочисленного семейства и еще три четверти ночи провел в объятиях доброй своей женушки, под двумя пуховиками. Вообразите маленькое существо с кривыми ногами, которые так не привыкли к узким панталонам, что непременно должны ныть и тосковать; маленький, сплюснутый кивер на огромной тевтонской голове и страшное ружье, на которое он посматривал с недоверчивостью... За часовым открылись нам поля,

² Штульваген (от нем. Stulnwagen) – общественный экипаж.

разделенные кустарником на многочисленные участки; река Траве, которая несколько времени бежала за нами, но потом, вероятно, наскучив нашими веселыми лицами, повернула и скрылась куда-то; крестьянки в фартучках, в соломенных шляпках и с коромыслами на плечах; краснощекие граждане в огромных телегах, заваленных мешками с хлебом; фермы и деревни по всем сторонам, и всюду на улицах, земле, строениях, камнях, людях выражение благосостояния и довольства, которые в единый момент пояснили мне «Германа и Доротею» Гете^{6} и действительность этого поэтического произведения. Так въехали мы в Любек.

Любек поразил и очаровал нас. Мы переехали не только Балтийское море, но переехали прямо в Европу средних веков. За исключением стен, разрушенных Наполеоном^{7}, город остался таким, как застал его Лютер^{8}. Поразительны эти узкие улицы, эти огромные дома, страдающие чахоткой, дома в семь и восемь этажей, с готическими фасадами, выступами, балконами, завитками, и все так тесно, так сжато, что скрывает свет божий, и кажется, идешь не по улице, а по ущелью, образовавшемуся от раздвоения огромной скалы. Мы остановились в Штат-Гамбурге для того только, чтоб съесть дюжину-другую устриц, и тотчас же отправились в кафедральную церковь Дом-Кирхе. Здесь видели мы перл Любека, которым он гордится и кокетничает перед путешественниками. Это картина Иоганна Гемлинга, одного из уче-

ников Дюрера^[9], изображающая на трех раскрывающихся досках «Несение Креста», «Смерть Спасителя» и «Вознесение». О, какое важное дело было искусство для этих благочестивых мастеров средних веков! Трудно себе вообразить, до каких мелочных подробностей доходили они, как вникали они в самомалейшую часть целого и как с равным тщанием и с равной любовью отделявали последнюю шашечку креста на башне церкви и главный алтарь ее. Вот и Гемлинг на образе святого выработывает каждую кисточку его ризы, каждый алмазик и украшенище, всякий волосок в бороде Каиафы^[10] режет глаз своею оконченностью, и наконец, труженик-живописец доходит до того, что группу кидающих жребий об одежде Христа^[11] отражает целиком в латах близстоящего воина. Еще более подтверждается эта мысль о важности священного искусства в те времена необыкновенною религиозностью самих изображений. Тут все плачут: женщины, ломающие руки у подножья креста, поразительно страдают; сами исполнители казни взирают на божественного страдальца с соболезованием, и Каиафа даже задумчив и печален! В довершение всего, на картине «Несение Креста» сам художник в своем национальном костюме изобразил себя. Чудо, какая картина! Мы едва оторвались от нее. И вот Овербек^[12], проживающий, как говорят, теперь в Риме, хотел забыть все успехи живописи, обратиться к этой Чрозаичности, так сказать, объявить себя не знающим перспективы,

лишь бы произвести столь же простое, теплое, паразительное. Надобно было необычайное усилие, чтоб сделаться младенцем в душе, и действительно, он употребил пятнадцать лет, чтоб произвести картину «Вшествие Христа в Иерусалим», которая стоит в другой церкви Любека, Мариен-Кирхе, и считается вторым перлом города. Выражение лица Спасителя удивительно: такое спокойствие, такая глубокая дума и такая скорбь! Разнообразие ощущений на лицах, составляющих толпу, поразительно. В любекских церквях меня еще поразило соединение самых строгих предметов с самым безграничным, свободным юмором; об этом я слышал – теперь увидел своими глазами.

Наконец, отправились мы в ратгауз и в большой зале видели покойные софы для членов магистрата^{13}, и у каждой софы по чистой плевательнице. По стенам развешаны десять аллегорических картин, вероятно, придуманных самим магистратом, ибо еще ни один земнорожденный, как отдельное лицо, не мог бы снести на плечах такой огромной ноши поэзии и воображения. Тут ключи изображают молчание, дети – скромность, зеркала – осмотрительность, женщины – твердость духа, мужчины – целомудрие, собаки – коварство, и проч. и проч. Вечером пошли мы гулять с К<атков> кругом города по валу – прежде бывшим укреплением, Обратившимся в сады; видели бедный памятник мяснику Пралю, расстрелянному в 1813 году за смелые слова^{14},

«für ein kiihnes Wort»³, как сказал нам мимо проходивший бедняк-немец. Во время пребывания французов он обмолвился замечанием, что не худо бы «выгнать французов», и был без суда расстрелян.

Луна ярко горела на небе (когда вошли мы в город Holsten-Thor)⁴, Освещая огромные башни этих ворот, соединенные переходами (единственный остаток прежде бывших стен), и отражаясь в Траве, бегущей в этом Шесте между рядами спершихся домов, из коих многие уже наклонились, а многие стоят с пустыми стеклами – они, слышавшие звучание рыцарских шпор, звон палаша по каменному полу и крики чудных оргий. Уж мы мечтали, мечтали с К<атковым>, стоя на мосту, откуда виднелись и позолоченная месяцем река, и посеребренные окна Holsten-Thor... На другой день, рано утром, сели мы в колясочку и отправились в Гамбург, беседуя с любовью о старом Любеке, который пользуется, как в Германии, так и в России, репутацией самого скучного города весьма неосновательно. Вот дорога так уж скучна, нечего сказать: через каждую милю кучер въезжал на постоялый двор, покрывал попоной лошадей и давал им по клочку сена; потом отворял дверцы колясочки и говорил самым спокойным голосом: «Погуляйте, покуда лошади перекусят». Шестьдесят верст ехали мы ровно 12 часов. У во-

³ «За одно смелое слово» (нем.).

⁴ Holzern Thor – деревянные ворота (нем.).

рот Гамбурга Stein-Thor⁵ подошел к нам чиновник и, вынимая учтиво часы из бокового кармана, поднес их к самым глазам нашим. Я хотел поблагодарить его за такое внимание, как, отняв часы, он подставил чашку и повелительным голо- сом произнес: «6 шиллингов». У других ворот та же история. Это, извольте видеть, маленький штраф за позднее вступ- ление в город^{15}: старый обычай! Но странно, что большая часть старых обычаев уже истреблена, а для этого старого обычая правительство поставило даже две прекрасные ка- менные будочки.

Гамбург! До тех пор, пока не наскучит путешествие, я буду ставить перед каждым городом восклицательные зна- ки. Итак – Гамбург! Что это за чудесный Альстер, два раза разлившийся озером и, как поясом с бриллиантового пряж- кой, сжатый аллеями вала и мостом, связывающим их! Что за чудесная Эльба, усеянная пароходами и судами, когда смотришь на нее сверху из павильона! Город так же тесен и узок, как Любек, но торговля, богатство совлекли уже с него несколько строгий, готический вид, и старые суровые дома изукрасились огромными зеркальными стеклами и велико- лепными магазинами. Не знаю, по той же ли причине, или самая реакция против католицизма была здесь сильнее, или время и французы 1813 года грабили здесь дружнее, – толь- ко главные церкви не сохранили в себе от давно прошедшего ничего, кроме наружного вида. В одной только Petri-Kirche

⁵ Каменные ворота (нем.).

с чудесным остроконечным шпилем отвели мы душу портретами толстощекого Лютера и холерика Меланхтона ^{16}, да картиною Франка ^{17}. Лучшая церковь – это, без сомнения, Michaelis-Kirche, во вкусе Возрождения. Мы залюбовались гармонией во всех частях и украшениях ее, вошли на самую вершину стройной башни, и весь Гамбург с соседкою своею Альтоной, городом, уже принадлежащим Дании, представился нам в полной красе с остроконечными черепичными кровлями, как толпа бояр русских в стародавних шапках. В Гамбурге есть еще другой Гамбург: это задняя сторона улиц, омываемая каналами у самой подошвы домов, куда стекает нечистота и где на бесчисленных переходцах, балкончиках и выступцах развешено белье сенаторов и проч. Кто не бывал в Гамбурге, тот не может понять, что значит переулок, закоулок, нора, чердачок, дырочка. И везде живут, и все это днем ходит, торгует, просит милостыни, играет на улице из Вебера и Моцарта и пропадает ночью, – зато нельзя и представить себе, какое оглушительное Движение, какая жизнь и суэта днем.

Вчера были мы в Stadt-театре ^{18}, лучшем из трех театров города. Концерт давал знаменитый Лист. Магистрат повестил ему, что он не позволит ему положить ни одного лишнего шиллинга на места против обыкновенной цены, а обыкновенные цены следующие: нумерованные скамьи – 2 марки 4 шиллинга (около трех рублей ассигн.), а партер – 1 марка

12 шил. (два рубля с небольшим). И согласился Лист. Вот в восемь часов вся небогатая зала театра наполнилась черными шляпами, под которыми находились музыкальные головы немцев. Сперва посидели тихо, как прилично воспитанным людям, потом стали шушукать, потом стучать, наконец, со всех сторон слышались крики: «Начинайте, начинайте!» Несколько благоразумных особ хотели успокоить это нетерпеливое шиканьем, в котором ясно слышался упрек; противная сторона обиделась; начался шум. Вдруг кто-то свистнул, и вся эта толпа вдруг почувствовала неприличие поступка и всеобщим шиканьем и криками «heraus»⁶ наказала шалуна. Наконец, поднялся занавес; все скинули шляпы; сыгралась увертюра из «Эгмонта» Бетховена, и вот вышел небольшого роста бледный молодой человек, с длинными волосами. Публика захлопала, музыканты троекратно проиграли туш; он поклонился публике и музыкантам и сел за фортепьяно. Гиммеля^{19} концерт исполнил он гениально; игра его невыразима; это соединение Тальбега^{20} с Фильдом^{21}, удивительного механизма с самым страстным выражением и самую увлекательную грацией. Потом стал он выбирать для импровизации темы, положенные заранее в урну, стоявшую в зале: публика^{22} потребовала тему из «Нормы», «Фигаро» Моцарта и ««Лукреции»^{23}, и он играл, играл... Ему кричали, ревели – он все играл и кончил страшным, громовым

⁶ «Вон» (нем.).

чем-то, произведшим необыкновенный эффект.

Я вам не говорю о бирже^{24}, куда стекаются тысячи каждый день в час, и Borsen-Halle⁷, ллойдовой кофейне Гамбурга^{25}. Тут все газеты Европы, тут получают все книги, чем-нибудь приобретшие известность, тут тотчас выставляется на черной доске всякая новость, случившаяся в каком-нибудь уголку Европы и по чему-либо примечательная. Я купил Гейне, который так расхвывается, что восемь частей его стоят уже семь червонцев. Когда я говорю об этом с кем-нибудь из платдойчеров⁸ трак он на меня всегда так смотрит, как будто у него изо рта выскочила ящерица, и по глазам его вижу, что он рассчитывает, сколько в этих деньгах стаканов пива, билетов на представление «Фрелиха»^{26}, обедов с пуддингом и проч. В Гамбурге все чрезвычайно дешево: сюртучная пара с жилетом, очень хорошая, 90 рублей, а за 120 – превосходная. А у нас в Петербурге!..

Наконец, в субботу 14-го ноября, а по-вашему 2-го, выезжаем в дилижансе в Берлин, где и ждем ваших писем.

⁷ Биржевая зала (нем.).

⁸ Платдойчеров (от нем. platt Deutsche) – филистеров, пошлых немцев.

II

Берлин. 10-го января 1841 года.

С первым дыханием весны я буду в Италии. Я счастлив, друзья! В Берлине К<атков> хотел было засадить меня за книгу, да я вырвался и прямо побежал в погреб, где пьянствовал Гофман^{27}. Там, под картиною, изображающею Гофмана в ту минуту, как, устремив масляные глаза на Девриента, вынимает он часы и напоминает знаменитому пьянице-трагику о времени идти в театр на работу, а Девриент, как школьник, почесывает в голове и высоко поднимает прощальный бокал, – там уселся я ипил иоганнисберг. Тут я сам профессор, и такой же гениальный по своей части, как Вердер^{28}, Гото^{29} и Ранке^{30}. Вообрази, что недавно один путешествующий чужак (еще из ученых!), выслушав несколько лекций в Берлине, сказал: «У меня пот выступил от умных вещей, которые я здесь слышал» (здесь очень много смеются над этим восклицанием). Ну, если у ученого выступил пот, то у меня, профана, должна уж выступить кровь; а потому, сберегая благородную кровь фамилии А<нненковых>, я предался площадям, погребам, картинным галереям, дворцам, музеям, театрам и т. п. Немецкий язык делается, сказать без скромности, очень ручным и начинает уж приходиться есть ко мне из собственных рук моих. Я почти так же знаю по-

немецки, как Фарнгаген^{31} по-русски, потому что у Е<лагиных>^{32} видел я книжку «Отечественных записок»^{33}, которая была в руках Фарнгагена, в которой читал он повесть Гребенки «Верное лекарство»^{34}: первые две страницы порядочно помараны черточками под словами, ему незнакомыми. Всех отчаяннее черточки были те, что стояли под словами *мозоль*, *морицина*, *стклянка* и т. п. И потому я советую Гребенке больше не употреблять этих слов.

Любо мне было видеть в Берлине студентскую серенаду. Студенты, восхищенные лекциями профессора, нанимают музыкантов, приходят под окна учителя и после увертюры поют песни в честь науки, университета и преподавателя. Такую серенаду давали при мне профессору археологии. Старик вышел на балкон, все скинули шапки; он благодарил за честь, примолвил, что вдохновение слушателей сообщается профессору и что, может быть, лучшие соображения преподавателя зависят от этого взаимного энтузиазма. Вообще, университет поглощает всю жизнь и все толки лучших голов Берлина^{35}; а для нашей братьи, имеющей несчастье носить на плечах весьма посредственные, существует изрядный балет. Гропиус^{36} за безделицу построит вам целую кучу фантастических дворцов, а г-жа Тальони (сестра нашей по мужу)^{37} пляшет посреди водопадов, бамбуковых деревьев, солнечных лучей и лунного блеска. Танцы здесь состоят, по старой методе, в преодолении таких трудностей, что

индийский фокусник разинул бы рот от удивления, – да еще в неистовом метании ног на воздухе. Но бог с ними! Скажу вам нечто лучшее, а именно нечто о великом актере Германии Зейдельмане^{38}. Я видел его в роли Полониуса^{39} и в роли Мефистофеля в Гётевом «Фаусте», который – сказать между прочим – от совершенно бесталанности актера, игравшего самого Фауста, от выпуска многих сцен, от совлечения лирического характера, от частых перемен декораций, сделался на сцене весьма похожим на плохую бульварную парижскую мелодраму. Но Мефистофель!.. О, мне ужасно хотелось бы дать вам понятие о Зейдельмане в этой роли. Кажется, у <Боткина> есть транспарант с изображением Мефистофеля, по рисунку Ретча^{40}: ну, это наружность Зейдельмана. Невозможно более отделиться от собственной личности; притом же, он еще создал какие-то особенные ухватки, свидетельствовавшие о его чертовском происхождении: так, он беспрестанно выправлялся, как будто испанская куртка помяла его крылья, ходил неровно и большими шагами, как будто копытцам его неловко в узких башмаках; страшная улыбка, не сходявшая с лица с начала до конца пьесы, довершала различие его от окружающих его людей. Но это только наружная отделка роли; внутренняя еще совершеннее. Несмотря на видимую зависимость от Фауста, он господствовал над ним всею силою своего духа, а когда снизошел он до волокитства за старую вдовую, ирония была поразительна. Высокий комизм этой сцены он умерял страшным вожде-

лением, с каким смотрел и приближался к Гретхен, сочетая таким образом глубокое трагическое впечатление с комическим. Из всего этого, вы еще ничего не поймете; но у меня Мефистофель, созданный Зейдельманом, стоит до сих пор за плечами. Говорят, что торжество его – «Нафан Мудрый» Лессинга^{41}, но я не видал его в этой роли. Что же касается до Полониуса, который у нас на сцене дурачится, словно желая вознаградить публику за обязательный приход ее на такую скучную драму, как «Гамлет», – то здесь дело совсем другого рода. В буффонской сцене с королем он мастерски выказал иронию Шекспира на людей, которые мелким умишком своим хотят пояснить великие явления, а интриги и пошлости светские считают колоссальными происшествиями. Все сделалось мне ясным в этом человеке после Зейдельмана, и все неровности, на которые я прежде натыкался, пропали, как будто их никогда и не бывало.

Не буду описывать вам столь известные прямые и однообразные улицы Берлина, а также и новейшие его здания в игрушечном роде: род архитектуры, доведенной здесь до совершенства, как то видно в *Wewer-Kirche*, построенной на манер готической, и в музее Шинкеля^{42}...

III

Вена. Февраля 1841 года.

В Потсдаме и Сан-Суси я посетил прежнее жильё Фридриха Великого^{43} и нынешнее – в склепе гарнизонной церкви. Тут кистер^{44} показал мне место, где стоял Наполеон в задумчивости над гробом Великого. С Наполеоном встретился я ещё в Лейпциге, когда, после двухнедельного Пребывания в Берлине, отправился туда в дилижансе: я говорю о поле битвы^{45}, где я осмотрел три четвероугольных камня, один на том месте, Где Шварценберг начал атаку, другой, где Наполеон стоял с штабом своим, и третий на берегу Эльстера, где утонул Понятовский. Уж возможно ли, чтоб мой приятель К<атков> пропустил знаменитый погреб Ауэрбаха^{46}, откуда Фауст, по народному преданию, выехал на площадь с помощью дьявола, верхом на бочке? Но у К<аткова> есть особенная манера осматривать погреб: он спрашивает, например, из которого угла двинулся Фауст, садится в этот угол, приказывает себе подать устриц и бутылку иоганнисберга, и когда то и другое придет к концу, ему действительно кажется возможным такое воздушное путешествие: даже кажется, будто оно уже и свершается: только вместо Фауста сидит на бочке он, добрый товарищ мой, и вот несется он мимо чудесной готической ратуши (так, по

крайней мере, он сам рассказывал), и на балконе ее бургомистр объявляет народу о побиении – ганзеатических купцов в Новгороде^{47}, а между тем часы начинают шуметь, смерть бьет в колокол, и все фигурные горельефы на стенах домов начинают под этот звук двигаться, рыцари шевелят мечами, дамы сбрасывают покрывала и проч. и проч. Товарищ мой всегда бывает этим доволен. Через два дня, по прекрасной железной дороге я отправился в Дрезден, через две недели в Прагу, а оттуда в Вену, где я нахожусь теперь, ожидая только первых ласточек, чтобы ехать в Венецию.

Что за счастливая земляца Саксония! Что за богатство почвы! Что за роскошь видов! Я ездил в дурное время года, но застал еще Эльбу в полной красе, текущую между гор, усеянных деревьями, загородными домами, садами, колокольнями. Долина, в которой стоит Дрезден, показалась мне очаровательною, и как бранил я зиму, не позволявшую мне ехать в Саксонскую Швейцарию! Я видел ее, Рафаэлеву «Мадонну», «Мадонну» Мурильо, «Ночь» Корреджио, «Спасителя с монетой» Тициана, и надолго останутся со мною эти чудные лики. Не могу описать тебе теплого чувства, исполнившего меня, когда по выезде из дрезденской долины (на пути в Прагу) поднялись мы на горы, и с обеих сторон открылись нам лощины, поросшие лесом, деревни, разбросанные промежду скал, и вдали верхушки Кёнигштейна в тумане. Ты знаешь, как редко видел я не только природу, но просто горизонт неба, и потому впечатление это было совершен-

но ново и как-то освежило меня. До сих пор я только понимал условно все, что может заключаться усладительного во взгляде на землю: теперь понимаю иначе.

Прага, первый католический город на пути моем, показался мне преддверием в Италию. Бесчисленные статуи святых стоят на мосту, на площадях, на перекрестках; каменные мадонны возвышаются решительно на каждом выступе, и даже простенки домов расписаны происшествиями из священной истории. Св. Непомук, покровитель Богемии, оберегает входы, выходы, дворы и службы. Бездна монастырей, и, наконец, первая церковь светлого готического стиля (св. Вита, или иначе Dom-Kirche), со столбами, каменными кружевами и проч., которая в неоконченных частях своих показывает, что в голове архитектора была она совершенно полным, правильным, гармоническим созданием. Тут также впервые ухо поражено славянским говором, и вообще Прага походит на Москву, как Москва могла быть до Петра. С высоты здешнего Кремля, именуемого Градчин, виден дом Валенштейна^{48}, Вышгород, с остатками замка кровожадного Либуши^{49}, и проч. Богемия играла некогда добрую роль в европейской истории^{50}.

Наконец, я в Вене; но здесь совсем другая жизнь^{51}. Ты можешь здесь, сколько душе твоей угодно, послушаться вальсов и галопадов Штрауса^{52} в Ланнера^{53}, приволкнуться за кем угодно, ибо женщины тутошние прежде

всей Европы эмансипировались, закупить очень хороших вещей в магазинах, заказать прекрасную коляску, потанцевать на публичных балах, которых здесь бездна ^{54}, наконец, даже прочесть русскую газету; но для всего этого у меня нет охоты. К счастью, нашел я здесь З<аики>на ^{55}, с которым живу почти об стену, и мы вдвоем стараемся перенести тягость необычных здешних удовольствий, ожидая весны, чтоб ехать мне в Италию, ему во Франценсбад и в Берлин.

IV

Вена. Март 1841 года.

Прежде, чем буду описывать житие-бытие мое в Вене, скажу вам, что две усладительные недели провел я в Саксонии. Перл Германии – это Саксония! Массивный и мрачный Дрезден на берегу веселой Эльбы в зелени (еще была зелень при мне) гор, садов и загородных дач кажется старым каравансераем^[56] в роскошной долине: он таков и есть. Как только блеснет теплое солнышко на небе, все народонаселение его выходит из всех ворот города и рассыпается по горам, пешком, верхом на ослах и проч. Иностранцы и туземцы все живут около столицы, а не в ней. Туда приезжают переменять рубашки, сделать маленький хальт⁹ и опять, и опять под открытое небо. Зимой приобретает он какой-то особенно строгий вид, и этот оттенок уже лежал на нем, когда я прибыл; ВО Эльба все еще текла, горы все еще, хоть и тускло, а зеленели, и дилижансы в Пильниц и другие места ходили порядком-таки набитые. На зиму здесь все запираются, да вместе с собой запирают и музеумы, галереи и кабинеты. Чтоб повернуть на крюках железные двери их, надобно всякий раз приготовить два или три талера, а если сообразить, что целые дворцы Обращены в коллекции, так

⁹ Хальт (нем. *Halt*) – остановка.

тайны расходной моей книжки будут вам Очень понятны. На искусство смотрят здесь строго и серьезно: это особенно заметно в театре, на который много действует пребывание в городе Аудвига Тика^{57}, самого короля и пьесы принцессы Амалии^{58}. Последние разыгрываются превосходно, и от этого все их недостатки делаются очень ясны и ощутительны. Наиболее страдают они неимением верного основания, так что комические сцены, иногда хорошохошенько придуманные, выходя из неестественного, а чаще ничтожного начала, кажутся неуместными. Конечно, Зейдельмана, о котором я уже писал вам, тут нет; но зато труппа как-то ровнее, чем в Берлине, и в исполнении пьес особенно Сличается общностью и литературностью: я не знаю, какое другое слово употребить, чтоб объяснить вам эту тщательную критическую обстановку пьес и старание выполнять знаменитые произведения с той точки зрения, с которой смотрели на них лучшие германские критики. Это познакомило меня с новым родом наслаждения, доселе мне незнакомого. Лучшие актеры – бывшая петербургская актриса Бауер^{59}, Паули^{60} для высокого комизма и муж и жена Девриенты^{61}.

И не воображайте, чтоб я вздумал описывать вам президентную картинную галерею или так называемый Зеленый Свод с королевскими драгоценностями. Вы хорошо понимаете, как следует говорить о них. Разве только для одного <Боткина> упомяну о музее Менгса^{62}: это собрание

всех знаменитых статуй, разбросанных по дворцам и виллам Италии, в бесподобнейших копиях. Тут Менелай, выносящий из битвы Патрокла; Лаокоон, сидящая Агриппина, Венера Медичейская, Венера родильница, Венера Каллипига, спящий гений и, еще лучше, спящий гермафродит. Когда я очутился в этом музее, теплая кровь прилилась у меня к голове и сердцу, закружилась первая, застучало ретивое. Что за красота! Что за роскошь! Что за наслаждение! Если называют человека царем вселенной, то, конечно, уж не того, который ходит в штанах и фуфайке, и не того, у которого сочинился горб от наклонного положения за письменным столом, а вот этого, у которого каждый мускул – прелесть, мощь и жизнь... Неосторожное соприкосновение с нагою красотой сделало меня почти сумасшедшим: целую неделю казались мне отвратительными рожи с бакенбардами, шляпы с отворотами и плащи с полинялыми, плисовыми воротниками... Повторяю, я провел в Дрездене две восхитительные недели.

На австрийской границе нас тщательно осмотрели, отыскивая всего более книг и табаку^[63]. Последний составляет монополию правительства. С нами ехал честный уроженец Гамбурга, который не позаботился засвидетельствовать своего паспорта у австрийского посланника. Его вынули из кареты и объявили, что он должен возвратиться восвояси. Немец побледнел и чуть-чуть не упал в обморок. Трепещущим голосом стал он уверять чиновников, что у него тесть в Вене болен, при смерти, да и родной его брат умирает, да

и лучший его друг, с которым сидели они на одной скамье в школе, тоже не очень хорошо себя чувствует, да и сам он давно уже страдает завалами и едет совещаться с венскими докторами. Его пропустили до Праги, где он целые дни бегал по канцеляриям, выхлопывая позволение ехать далее, и, кажется, выхлопотал.

С самого Любека не встречал я города, более Праги наполненного легендами, преданиями и памятниками старины, потому что в северной Германии реакция Лютера была так сильна, что уничтожила все это^{64}. В церквях я ничего не находил, кроме портретов протестантских проповедников¹⁰ около алтарей, с строгими лицами и книжками в руках^{65}. Здесь что шаг, то легенда. Вот место на мосту, с которого низвержен был в реку св. Непомук, покровитель Богемии, обозначенное врезанным в камень крестом с Пятью звездами, и проходящие снимают шапки и благоговейно дотрагиваются до него. Вот окна дворца, откуда при начале Тридцатилетней войны выброшены были депутаты^{66}. Вот башня Делиборки^{67}; там, под горой дворец и сад Валенштейна, а вдали Вышгород, где жил Либуша; самая кафедральная церковь св. Вита, первая церковь на пути моем, светлого, легкого, прозрачного, так сказать, готизма, наполнена надгробными памятниками прежде бывших Богемских королей и другими остатками старины. Это объясняет, отчего чеш-

¹⁰ Проведников (от нем. predigen) – проповедников.

ское племя сделалось теперь представителем славянизма в Германии, и старание писателей и ученых Богемии о сохранении народности и языка ^{68}. Я весьма сожалею, что не был у Ганки ^{69}: всех русских принимает он как родственник, дает им Краледворскую рукопись ^{70} и берет с них обещание выучиться по-чешски. До сих пор мало еще примеров, чтоб сдерживали слово. Кстати о славянизме. В Вене познакомился я с профессором Срезневским ^{71}. Человек этот совершает подвиг европейский: от Балтийского моря и до Адриатического изучает он славянские племена, их наречия, обычаи, песни, предания, и большею частию пешком, по деревням и проселочным дорогам. Теперь он в Вене доучивается по-сербски и потом собирается обойти Иллирию, Далмацию и Черногорию. Особенную прелесть его составляет необычайная, германская любовь к своему предмету. Он решительно убежден, что славянскому племени предоставлено обновить Европу, и с восторгом показывал нам карты, говоря, каким образом соотчичи наши разлились от Померании до Венеции. За две станции до Венеции есть еще славяне, в Австрии их 18 миллионов. Турция почти вся состоит из них, и, по остроумным его доказательствам, даже вся полоса Европы от Рейна принадлежала некогда славянам. Он будет обладателем богатейших фактов, с помощью которых и объяснится, наконец, наша народная физиономия.

О библиотеках скажу вам, что здесь одна только библио-

тека в городе имеет право давать книги для чтения^{72}: все прочие ограничены продажей, которая, разумеется, не может быть велика. О многих творениях, известных всей Германии, и помину нет^{73}. Это очень легко объясняется совершенным равнодушием общества к литературе и литераторам. Говорят, надворный советник Грильпарцер^{74} много вредит службе своей страстью писать трагедии. На Анастасия Грюна (графа Ауерсперга)^{75} даже смотрят пугливым оком. Всякий, напечатав статьи в заграничной Немецкой газете без предварительной цензуры, платит 100 червонцев (1000 рублей), кроме других могущих быть оштрафованных. Впрочем, все эти вещи и разные другие требования здесь должны откинуться в сторону, ибо в Вене живется совсем инаково, чем в остальной Германии. Чудно хорошо живется в Вене! В католических государствах Германии нет того, что называется *maisons de joie*¹¹; от этого образовались здесь два класса женщин: для одного из них (*pour les femmes galantes*¹²) во всех концах города даются публичные балы под всевозможными наименованиями; для них играют оркестры Страуса, Ланнера, Морелли^{76} и др.; для них отделяются великолепные мраморные залы; для них на всех перекрестках приклеиваются чудовищно гигантские афишки, «Извещением о рококо-бале в Сперле^{77}, о сувенир-бале в Бир-

¹¹ Дома веселья (*франц.*).

¹² Для женщин легкого поведения (*франц.*).

не ^{78}, о флора-бале в Элизиуме ^{79}. Не буду описывать вам всех этих зал и балов, на которых даже можете быть в сюртуке, платя бездельную сумму за вход: довольно сказать, что вы очутитесь вдруг в центре интриги, волокитств, значительных взглядов, красноречивых улыбок, ревностей, притираний и проч. и проч. Свобода нравов в высшем избранном кругу тоже не Подлежит сомнению, и бедная Италия совершенно понапрасну несет упрек в безнравственности и необузданности страстей: любовные сплетни и происшествия составляют насущный интерес всех голов, цель существования многих, и если вы прибавите к этому великолепие аксессуаров, утонченные формы обращения, пышность магазинов, экипажей, костюмов, движение, которое сообщается от необходимости искательства, то поймете, что все это может иметь жизнь и прелесть. Репутация Вены, как музыкального города, вся лежит на плечах Ланнера и Страуса и на бесчисленных их вальсах и галопадах. Опера же плоха; знаменитые музыкальные произведения даются раз в год обществом любителей музыки. В комедии отличается Ларош ^{80} и прелестная Нейман ^{81}, и при новых пьесах Бург-театр ^{82} посещается отборным обществом: это поселяет какое-то особенное соревнование в актерам, так что группа действительно может назваться хорошою, хоть недостаток понятий об искусстве заметен и тут в ломании и коверкании образцовых драматических произведений. Но не Бург или не императорско-ко-

ролевский театр составляют физиономию Вены, а ее три народных театра^[83], где на народном наречии даются фарсы, местные пьесы, волшебные представления, где царствует каламбур нечесанный и где гомерический хохот гремит постоянно с 7 часов вечера до 10 включительно. Герой этих театров есть актер и писатель Нестрой^[84]. Пьеса его «Zu ebener Erde»¹³ известна в Петербурге. Мало-мало даже самый низкий класс народа причастен этому вихрю удовольствий: в кабаках даются Abendunterhaltungen¹⁴; тут на столе, по концам коего стоят сальные свечи, Пизарро машет руками, бьет себя в грудь, а индианка в соломенной шляпке с красным пером вынимает красный платок и всплакивает. Публика из извозчиков и носильщиков хлопает в ладоши и по окончании пьесы бросает гроши в жестяную тарелку Пизарро. Такова Вена...

¹³ «На первом этаже» (нем.).

¹⁴ Вечерние представления (нем.).

V

Рим. 28-го апреля 1841 года.

Вот я и в Риме; а как сюда попал, сейчас увидите. 9-го марта выехал я из Вены по дороге в Триест, и на другой день были мы уже в Альпах. Этот отпрыск знаменитых швейцарских Альпов имеет счастье заключать в себе несколько бедных славянских племен, которые вот уже несколько веков решительно больше ничего не делают, как живут, да впрочем, судя по всеобщей бедности и по количеству нищих на дороге, для них, кажется, и это не безделица. Мы проехали Стирию^{85}, Иллирию^{86}, оставив направо Коринтию^{87}, а налево Венгрию, с другими славянскими провинциями. Тут впервые увидел я босую женскую ногу и сказал: «Ну, вот мы и дома! Этой вещи не случилось мне видеть с самого Муррома...» Также любовался я влиянием, которое имеет на физиономию этого племени Германия – с одной стороны, Италия – с другой. В первой половине вы увидите славянина, флегматически запустившего руки в карманы штанов и представляющего такую антиславянскую фигуру, что, конечно, она должна привести в отчаяние всех наших профессоров-славянофилов^{88}. Слыханно ли, чтоб славянин запуская руки в собственные свои карманы?.. Во второй половине, ближайшей к Триесту и Италии, вы уже встретите куртку,

живописно брошенную на одно плечо, ленты на шляпе и в петлицах и сильный жест. Так как вскоре показался и классический очаг, то мне хотелось испытать, истину ли повествуют историки о том, что чужестранец, севший у очага, имеет право на все в доме. Я выбрал для пробы крайнку, чрезвычайно красиво одетую: юбка ее сходилась в бесчисленных складках назад, верхнее платье состояло из куртки, распахнутой спереди и вполне открывавшей грудь. Белый платок на голове и белый передник довершали костюм. Вот я и сел у очага. Ничего не вышло! Врут историки.

Что касается до гор, то суровая красота их надолго останется у меня в памяти; потом я переезжал Аппенины, но это сад, как увидите после, где волканические скалы служат только рамой плодоносным долинам, усеянным виноградниками, фруктовыми деревьями и орошаемым ручьями и речками, которые текут с этих гор в Адриатику и в Средиземное море в бесчисленном количестве. Здесь совсем не то: строго и мрачно смотрят на вас горы; иногда подходят так близко, что, кажется, сдавят вас; иногда образуют вокруг вас колоссальный амфитеатр, и несколько раз говорил я: «Да как же мы выедем отсюда?» И всегда случалось, что у самого предела вдруг открывается дорога по скату горы, выводит в новую смычку их и открывает новые сцепления скал: это наслаждение! Разрушенные замки стоят на страшных высотах везде, где только есть крутой поворот дороги, ущелье, выезд на долину: они походят на заставы, и действительно, замки бы-

ли таможни средних веков, где собиралась пошлина. Жаль только, что количество ее не было определено и что всякий, получивший удар мечом плашмя, мог иметь свою таможню. Случалось так, что башня, зубчатая стена и донжон¹⁵ с пустыми окнами поутру стоят прямо против тебя, в полдень косо поглядывают на тебя сбоку, а вечером долго, долго преследуют во всю длину дороги... Даже и страшно делается, и думаешь: да чего же хотят они от меня, господи боже?.. Несчастно то племя, которое несколько веков жило под таким надзором!

Умные люди говорят, что природа состоит из звуков; умные люди говорят правду: это особенно заметно в горах. Ночью, когда остановишься, непременно слышишь: где-нибудь катится водопад, где-нибудь шумит источник, или воеет ветер, или что-нибудь да делается. Меня приводило в отчаяние одно обстоятельство: мы были за четверть мили от Триеста, но ни Триеста, ни моря, которое тут значит по моей дорожной карте, и признаков не было. Все горы и горы, и вдруг мы круто поворотили в сторону: город, голубая Адриатика, противоположный берег Истрии и Далмации лежали под ногами нашими. Это было так неожиданно, что произвело на меня даже болезненное впечатление. Англичанин, ехавший со мною, захлопал в ладоши. Здесь часто случается, что самое сильное чувство приходит внезапно, не возвещенное ни «путеводителями», ни путешественниками. Зигзагами ста-

¹⁵ Донжон (*франц.* donjon) – башня.

ли мы спускаться с гор, и тут каждая точка в пространстве, можно сказать, изменяла ландшафт, выказывая его со всех возможных сторон, при всех возможных освещениях, почти так, как делает художник с моделью; а по мере того, как подвигались мы ближе «Триесту, свежий воздух гор наполнился теплотою. Въехав в город, мы были уже в середине полной, совершенной весны: чудо! Нынешний год не весна пришла ко мне, а я нагнал весну. В эту минуту, как пишу к вам, весна, уже осталась за мною: я перескочил через несколько страниц календаря; понятно, что и поэтическое в путешествиях составляет именно это фантазмагорическое изменение костюмов, нравов, языков и даже климатов перед глазами вашими... Впрочем, полно с описанием природы...

В Триесте я остановился в том трактире, где был зарезан Винкельман^{89}. У меня есть маленькие, практические истины для домашнего обихода, в числе которых не последнее место занимают следующие: смело останавливайся в том трактире, где был зарезан человек; нанимай всегда того извозчика, который уже раз опрокинул седоков; из двух дорог всегда выбирай ту, где случилось несчастье.; это самая безопасная, и проч. В трактире показывают софу, с которой уже более не встал великий антикварий, и комнату, где была постель слуги, весьма колесованного. Говорят, что причиною злодеяния была столько же корысть, сколько и личное мщение за дурное обращение и угрозы. Памятник Винкельмана, в сооружении которого приняли участие почти все государи

Италии, стоит на кладбище в старом городе, на горе, рядом с кафедральной церковью, обращенною из языческого храма, и где сохраняются еще четыре древние колонны в стене башни и старый жертвенный камень за главным алтарем. Кроме этого да римских цифр на шапках австрийских солдат, ничего примечательного из древностей не видал я. Гораздо лучше грязного, старого города новый, чистый, расположившийся у самого берега. Он объясняет вам лучше всякого трактата, каким образом в древнем мире цивилизация, торговля и художества переходили из города в город, из государства в государство, из одной части света в другую. Вот стоит он на десять часов езды по морю от Венеции, имеет, как портофранко^{90}, одинаковые права с нею, а между тем вся торговля Адриатического моря у него в руках, и покуда старые дворцы Венеции падают и разрушаются, здесь каждый год воздвигаются новые. Есть какое-то особенное удовольствие видеть в таком близком расстоянии друг от друга жизнь потухающую и жизнь зарождающуюся! Жаль только, что по чисто практическим элементам своим, по характеру нации, которой принадлежит, никогда не будет иметь Триест той теплоты красок, того яркого колорита и поэтического блеска, какие Венеция сохраняет даже до сих пор.

В Венецию прибыл я на пароходе 14-го марта нового стиля и встал ранехонько, во-первых, для того, чтобы не пропустить восхождения солнца на море, а во-вторых, чтоб посмотреть, как станет выплывать из воды этот чудный город;

но солнце на этот раз всходило так туманно и обыкновенно, что я предпочитаю этому восхождению такое же в балете «Сильфида»^[91]. Впрочем, оно и естественно: там больше издержек. Город, выказался удивительно. Сперва проехали мы остров Лидо, где Байрон держал верховых лошадей и гулял по берегу моря; с одного холма этого острова направо видна необозримая пелена Адриатики, налево Венеция, плавающая на поверхности воды, как мраморная лодка, по выражению Пушкина. Потом мы вступили в канал св. Марка, а через несколько мигнут, оставив вправо Сан-Жоржио с церковью постройки Палладио, пароход наш остановился при входе в Большой канал, эту удивительную улицу Венеции, где мраморные лестницы готических, мавританских и времен Возрождения дворцов вечно обмываются волнами моря, мутными и зелеными. В канавах, как будто с досады, что отвели их от родимого, широкого ложа. С борта парохода направо красовались перед нами площадь св. Марка, ее собор в византийско-арабском вкусе, знаменитая колокольня, дворец дождей с двойною колоннадой, темница, мост Вздохов и на первом плане две гранитные колонны, вывезенные из Архипелага; адриатический лев блистал на одной, статуя св. Феодора, попирающего крокодила, — на другой. Гондольеры окружили нас со всех сторон, с черными своими лодочками, которые летают по воде так легко, как птицы. Я порывался на берег; но австрийские чиновники осматривали наши паспорта; наконец, все формальности кончились, гондолы при-

мчали нас к великолепной пристани Пиацетты, и вот я очутился на площади св. Марка, которой, по признанию всех туристов, нет подобной в Европе.

Вообразите несколько продолговатый четверугольник, вымощенный плитами, окруженный с трех сторон великолепнейшею галереей (тут кофейни, лавки, магазины, в верхних этажах жили прежде прокураторы^[92] св. Марка или чиновники республики), а с четвертой замыкающийся собором св. Марка. Его огромные, тяжелые куполы, его византийские арки, украшенные мозаиками, его порфиновые, яшмовые и разноцветных мраморов колонны, четыре коня, вывезенные из Ипподрома константинопольского и блистающие над фасадом, его мавританская терраса и готические спицы и украшения, – все это составляет такое роскошное смешение всех вкусов, что, право, походит на волшебную сказку. Художники считают эту церковь одним из чудес Европы; колокольня стоит на площади и несколько в стороне, и площадь таким образом, особенно при ярком освещении кофеен, магазинов и лотков с апельсинами и фруктами, кажется вам огромною, гигантскою залой, которой потолком служит небо. Вторая площадь, известная под уменьшительным именем Пиацетты, примыкает к первой и состоит из продолжения той же великолепной галереи, поворачивающей к морю, из Дворца дождей, двух колонн, упомянутых мною, перед ним и темницами за ним. Темницы и дворец соединяются крытым мостом, как наш Эрмитаж, и этот мост называется Ponte dei Sospiri

(Мост вздохов). Сюда, на эти две площади, следует присылать всех тех, которые страдают отсутствием энергии, жизненным застоём, так сказать. Когда итальянское солнце ударит на все эти фантастические постройки, боже мой, сколько тут огня, блеска, красок! Почти нестерпимо для северного глаза, и в этом отношении один только Рим может сравниться с Венецией; но в Риме это нежнее, и притом же, чтобы вполне понять игру света и тени в великолепных его руинах, надо иметь, что называется, художническую душу. Здесь это падает на вас почти с силою какого-нибудь физического явления – грома, дождя и проч. Их нельзя не чувствовать. Прибавьте ко всему этому, что вечный праздник кипит на этих площадях. Шум и движение в северных городах не могут дать ни малейшего понятия о крике, говоре, песне итальянца. Не правда ли: там производит их какой-нибудь посторонний, чисто материальный двигатель, а если и бывает минута душевного веселья, так это вещь наносная, скоропреходящая. Здесь для этого только живут; веселье постоянно, так постоянно, что всех обратило в нищету. Кто-то сказал, что в Венеции работают одни только присужденные к галерам: это правда. В моральном отношении это дурно: но зато какая чудесная выходит площадь, как полна жизни, как музыкальна! Грешу я, может быть, но мне всегда приятнее смотреть на человека, который веселится, чем на человека, который работает. Таково первое впечатление от Венеции, несколько, как изволите видеть, многословное.

Присматриваясь ближе, душа ваша начинает настраиваться на байроновский лад плача и рыдания: вы увидите, что окна великолепных дворцов Большого канала забиты досками, величественные постройки Палладио^{93}, Лонгена^{94}, Сансовино^{95}, принадлежавшие этим купцам-царям, обращены в почты, трибуналы, полицию; на готических балконах, на мраморных каминах висит черное белье нищеты, не имеющей другого пристанища, кроме опустелых палат. Притом же, немецкий элемент, выгнав многое характерное, не мог привить здесь ничего своего, кроме разве некоторой регулярности в правительственных мерах, собственно от него одного зависевшей. Октавы Тасса^{96}, например баркаролы-пуф! Они остались в романах, операх да воспоминаниях. Изредка богатые англичане еще отыскивают за деньги увядшие цветки эти; но песня за деньги принадлежит статистике, как промышленность, а не поэзия, куда отнесена она, помнится, и г-м Рижским^{97}. Да вот еще что: идти назад – в Европе значит остановиться; здесь же это значит возвратиться, бог знает, к какому веку. Чудеса поминутно! В Ферраре, в церкви св. Стефана, надписи обещают 200 и 600 лет индульгенции^{98} в чистилище за три патерностера¹⁶ в известном месте храма, и проч. Одна старуха набрала таким образом 8700 лет прощения; говорят, что отчаяние ее при смерти от того, что не успела достигнуть круглого числа десяти тысяч,

¹⁶ Патерностер (*лат.* Pater nos ter) – Отче наш, молитва.

было очень трогательно.

Здесь на площадях и в часовнях выставляются картины, где странным образом участвуют лица, уважаемые церковью, и особенно Мадонна: то является она служанкой у изголовья больной, призвавшей ее на помощь, то поддерживает телегу, опрокинувшуюся на возницу, и проч. Когда я посещал церкви, где бронза конных статуй над гробами почивших дожей (как, например, в церквях Жиовани и Паоло, dei Frari) или одна часть драгоценнейших камней (как, например, в церкви dei Scalzi, построенной знаменитейшими фамилиями Венеции) могли бы обогатить обнищавших потомков их, странствующих теперь по разным государствам Европы, – когда, говорю, я посещал эти церкви, мне думалось: «Верно есть что-нибудь для отвращения глаз венецианцев от всегдашнего созерцания их упадка», и узнал, что для этого есть театр «Фениче»^{99}. Театр В Италии решительно есть политическая мера, как газета в остальной Европе. С девяти часов вечера великолепная зала его наполняется народом: тут поет удивительный Ронкони^{100}, и тут же позволяется итальянцам проявить свое индивидуальное значение, а также вылить и накопление желчи, вредной для здоровья, в свистках, шуме, шиканьи при малейшей оплошности певца, хотя два солдата с ружьями и стоят по обеим сторонам оркестра^{101}. К несчастью, при мне жертвой дурного расположения духа потомков лепантских победителей^{102} сде-

лался наш Иванов^{103}. Давали новую, весьма плохую оперу туземного композитора. Ронкони, привыкший вывозить на плечах нищенские произведения новых итальянских композиторов, блистал на первом плане, развертывая перед публикой, взамен пустоты сочинения, всю силу и гибкость своего голоса (баса). Иванов, с небольшим, слабеньким голоском, был им совершенно уничтожен, закрыт. Бедный хотел подняться, стал форсировать, что называется, взял несколько фальшивых нот и был покрыт шиканьем и свистом. Сложив руки на груди и опустив голову, он принял эту бурю с таким выражением грусти и покорности, что мне сделалось больно на душе... Вообще шиканье и свистки в театре мне не нравятся: они делают из актера какого-то поденщика сотни пустых голов, собравшихся в партере, и совлекают с него совершенно достоинство артиста.

Не безызвестно вам, что на свете есть венецианская школа живописи^{104}, отличающаяся теплотою колорита, светлостью создания и драматическим элементом в картинах. Все церкви Венеции наполнены ее произведениями, которые много терпят там от сырости. Во Дворце дождей она изобразила всех этих стариков в мантиях и шапках остроконечных, которые то стоят на коленях перед изображением Мадонн, благословляющих их, то коронуются прекрасною женщиной, называемою Венецией, то принимают посланников, то сражаются, – так что весь этот дворец, покрытый сверху донизу картинами, есть не что иное, как длинный и несколько уто-

мительный панегирик бывшим властителям. Из этого следует исключить только Удивительную «Венеру» Тициана, «Похищение Европы» Паоло Веронезе и «Рай» Тинторетта; но дворец имеет совершенно другое значение... Великолепную лестницей, которая называется Лестницей гигантов и на площадке которой короновались дожи, вступаешь в верхнюю галерею и на Противоположной стене видишь два отверстия: тут были львиные пасти, куда клались доносы. Их было множество во всех концах города. До сих пор сохранилась одна в полной красе своей на стене церкви св. Маркина с надписью: «Для тайных доносов против неуважающих церкви и blasphemаторов¹⁷». Другую лестницей, именуемойся Золотою,ходишь в залу пятисот. Наверху ряд портретов дожей и черная пустота там, где следовало быть портрету Марино Фальери, с надписью: «Вместо Марино Фальери, казненного за преступления^{105}» (pro crimibus). Рядом зала избрания дожа, с готическим балконом, на который выходил новоизбранный, и человек, поднявшийся на самый спиц колокольни св. Марка, стремительно спускался к нему по веревке, вручал букет цветов и исчезал таким же образом. Когда аристократия почувствовала необходимость сжаться для сохранения влияния своего, она ограничила совет 200. Вот мы проходим залу этого совета с тронem герцога, и другую залу, где принимались посланники. Через коридор или комнату, известную под названием Четырех дверей, вступаєте вы

¹⁷ Blasphemаторов (от *франц.* blasphemateur) – богохульников.

в самое страшное отделение дворца: полукруглая комната, в которую входите через одну из дверей, есть Совет десяти, этот ужасный Совет десяти, разивший невидимо, как судьба, знавший, как Орлеанская дева, тайны чужой молитвы и настигавший преступника, как божий гром, везде и всюду. Небольшою комнатой, где каждое утро отворялся маленький шкапик и вынимались доносы, положенные с наружной стороны, переходите к венцу правительственных форм этой грозной республики. Когда уже и Совет десяти казался слабым и недостаточным, когда признали за нужное еще более централизовать тиранию, образовался Совет четырех, заседавший рядом с пыточной комнатой. Не стану описывать все ужасы, которые рассказывают здесь про эту комнату... Пятью или шестью ступеньками поднимаешься в залу инквизиторов, и дверь, которую видишь налево от себя, отворяется на лестницу, а эта лестница ведет под крышу, в свинцовые темницы!

Таким образом, обойдя дворец, вы получили первые черты истории Венеции. Свинцовые темницы, где заключенные всего более должны были страдать от нестерпимого жара, скопьявшегося в этом чердаке, разделенном на множество клеток, еще ничего не значат в сравнении с так называемыми венецианскими колодцами. Строение, собственно определенное на них, обращено в темницы уголовных преступников и закрыто от любопытства путешественников. Мост вздохов, ведущий к нему из дворца, заколочен, и только оста-

лось предание в народе, что он был разделен глухою стеною надвое для того, чтоб преступники уводимые не могли встречаться с приводимыми. Итак, вы должны довольствоваться только теми колодцами, которые находились в подземельях самого дворца. Хороши и эти! Представьте себе собрание каменных склепов, где, своды, кажется, лежат на самой груди вашей, где самый отчаянный плач человека не мог пройти сквозь толщу окон и двойные железные двери даже за порог их и должен был возвратиться опять к тому, от которого вышел. Верхнее отделение определено было для легких преступников и для преступников, подлежавших суду Десяти. Осужденные инквизицией погребались во втором отделении и уже не выходили оттуда. Тут стояло и роковое кресло, прекращавшее страдания истерзанного пытками преступника одним поворотом колеса, к которому привязан был конец веревки, между тем как другой лежал на шее человека. Огонь в темницы эти вносили только на час, когда давали заключенным хлеб, и с помощью этого радостного и мимолетного гостя несчастные еще чертили гвоздями свои мысли и ощущения на сводах каменных гробов своих. Один выскоблил изображение церкви и надписал: «Santa Maria, ora pro nobis!»^{106} Другой начертил четверостишие, которое при свете факела, при чувствуемой во всех членах сырости от стен и пола, показалось мне драматичнее всего, что я слышал. Вот оно в прозаическом подстрочном переводе: «Не доверяй никому, молчи и думай, если хочешь избежать ко-

варных, подстерегающих тебя шпионов! Раскаяние, раскаяние!.. Ничто не поможет! Но вот случай тебе доказать истинное свое мужество!..» Когда вышел я на белый свет, вздохнул свободнее и совершенно помирился с нынешним упадком Венеции. Необходимость и разумность его мне сделались понятны, и я решительно вылечился рт охов и вздохов, которыми все путешественники, по следам Байрона, оканчивают толки о чудном городе.

Первую станцию от Венеции сделали мы промежду лагун, в огромной гондоле, и вышли на твердую землю в Фузино. Здесь началась Brenta, светлая Brenta, берега которой усеяны дворцами, загородными домами бывших вельмож венецианских, садами и деревнями вплоть до самой Падуи, города, которым венецианцы управляли посредством подесты^{107}. На другой день переехали мы Адидж. День был праздничный, все было разодето, и до Феррары ехали мы как владетельные князья, которым приготовлена встреча, промежду высоких лиц, колокольного звона и пестрых костюмов. Женщины сохранили здесь что-то античное в наряде: волосы, завитые спереди, и вуаль, покрывающий голову и спускающийся красиво вниз, как у новобрачных наших. Мужчины были в чулках и башмаках с пряжками и распашных куртках, выказывавших и грудь, и шею, легко и живописно перевязанную пестрым платочком.

За полмили от Феррары переехали мы По, реку, известную красотой берегов своих, разлитиями своими и шарада-

ми князя Шаликова^{108}. Представьте себе, во все время переезда у меня только и было в голове: мое первое – река в Италии... На противоположном берегу начинались уже Церковные владения, и только что ступили мы на землю, как два папские драгуна верхами стали по обеим сторонам кареты, другой военный таможенный чиновник сел в самую карету. С этим почетным кортежем прибыли мы ив Феррару. Первое дело было кинуться ко дворцу, где жила Прекрасная Леонора д'Эсте^{109}. Господи! Глазам моим представился самый суровый, самый строгий замок, в котором когда-либо обитала красота: четыре тяжелые, трехэтажные башни по углам, подъемные мосты, ров, огромные стены, с платформы которых подымались собственно жилища с неправильными своими окнами и балконами. Угол, где жила герцогская фамилия, занят теперь кардиналом-легатом»; из тех окон, откуда смотрела Леонора и придворные дамы ее, выглядывала строго и подозрительно монашествующая свита кардинала. Я стоял долго перед этим замком и думал: Тасс должен был перейти эти подъемные мосты, миновать вооруженную стражу и очутиться в крепости, наполненной придворными и слугами; разумеется, ему было тесно. Больница св. Анны находится в нескольких шагах от замка по большой улице и ничего не сохранила от прежнего вида, кроме темницы Тасса, запрятанной теперь в темном углу коридора. Прямо перед нею находился садик, и тотчас из него была дверь в темницу, изрезанная, исписанная, исковерканная, чуть-чуть

не искусанная путешественниками, особливо англичанами. Байрон собственной своею аристократическою рукой вырезал гвоздем на соседственной стене пять букв своей фамилии. Этой дверью входите вы в сырой погреб; чичероне показывает вам на противоположной стене замурованное окно, у которого узник проводил целые дни, смотря на замок, один кирпич старого помоста, место, где была кровать, и говорит: «Вот темница Тасса!» Что всего более удивляет меня, так это отсутствие природы между Леонорой и Тассом: тут нет, да и не могло быть ни дерева, ни ручья, ни уединения, ничего такого, что так необходимо для любви и к чему мы так привыкли в изображениях несчастной любви Торквато драматиками^{110}. Вся жизнь тогдашнего времени текла в городах, стенах, промежду камней и полная шума, происшествий, интриг, любви, ревности и даже поэзии: в этом водовороте Тасс и погиб. Мы, северные люди, не можем себе вообразить влюбленного поэта без голубого неба над ним, цветов и солнца, а любовь в тогдашней Италии, напротив, связана была с потаенной дверью, решетчатым окном, — спальнею любимой особы, с домом, одним словом, и несла вместе с собою или высочайшее наслаждение, или смерть, а по малой мере — заключение на семь Хет и два месяца, как это случилось с Тассом. Даже до сих пор сохранилось в Италии отвращение от загородной, сельской жизни. В Риме произвело оно пословицу: «lontano da cita, lontano da sanita» (далеко от города, далеко от здоровья), и странное явление для

северного жителя – с наступлением весны многие переезжают из вилл своих в город.

В Ферраре есть еще строение, принадлежащее истории поэзии: это полуготический дом Ариосто. Он стоит почти в конце города: широкою лестницей подымаетесь вы в спальню и вместе кабинет поэта. Это просторная и совершенно пустая комната, потому что все вещи его, чернильница, кресло, стол перенесены в университет. Из окон вид в поле, и хотя множество построек обогнало уединенный дом творца «Орландо»^{111}, но все еще видны виноградники, пепельного цвета оливы, вишня, ореховое дерево и чистое, прозрачное небо. Этот человек устроился с жизнью лучше пылкого, несчастного Торквато^{112}.

На другой день рано утром приехали мы в Болонью, ныне пустую, мрачную и угрюмую, чему много способствовала последняя неудачная ее революция^{113}, но некогда блестящую и оживлявшуюся 12000 студентов из всех наций. Первый мой визит, разумеется, был в старый университет ее^{114}, который ныне реставрируют. Чудная вещь этот университет! Представьте себе потолки и стены лестницы, внутренней галереи, комнат и коллегий, покрытые рисованными гербами лиц, получивших докторскую степень. Места нет, где бы не было львов, дворянских корон, рыцарских шлемов, развевающихся перьев, мечей, звезд и всей геральдической путаницы. Сколько тут гербов, покрытых кардиналь-

скими шапками, герцогскими коронами! Есть даже такие, которые осеняются папскими тиарами и королевскими венцами и лучше всякого описания свидетельствуют о благосостоянии университета, считавшего в числе учеников своих первых людей века. Пестро, весело выглядывают опустелые стены под этою геральдическою сетью, где гербы прославившихся профессоров составляют солнца, около которых вьются, как звезды, гербы их знаменитых и часто могущественных слушателей.

При выходе из университета вожатый мой дернул меня за полу и прошептал: «смотрите, смотрите: вон идет Россини!» Прямо на меня шел небольшого роста человек, бледнолицый, с маленькими, быстрыми и веселыми глазами и улыбкой. Магазины, торговцы и все встречные снимали перед ним шапки. Он шел, как принц, едва успевая отвечать на поклоны и награждая кого ласковым взглядом взамен приветствия, кого улыбкой, кого простым движением руки... Я был увлечен этим триумфом знаменитого маэстро и также снял шляпу: он посмотрел на меня пристально, прикоснулся к полям шляпы и прошел далее, оборачиваясь на все стороны и часто подавая голову вперед, что было каким-то грациозным сокращением поклона. Я долго смотрел ему вслед до тех пор, пока не скрылся он за углом. Россини развелся с женой, живет с какой-то француженкой и, упоенный славою, лестью, всеми благами земли, впал в летаргическое состояние^{115} и, как говорят итальянцы, решительно ничего

не делает, кроме любви.

Болонья, как и Венеция, имела свою школу живописи^{116}, которая, являсь после всех, получила в наследство опытность, но потеряла религиозное вдохновение, младенческую простоту и святость, так сказать, живописи, к чему одна партия художников, под предводительством Овербека, старается возвратиться; приверженцы ее носят название «пуристов» от противной партии. В Болонской академии любовались мы произведениями Караччи, Доминикино^{117} и «Избиением младенцев» Гвидо-Рени^{118}, этого щеголя, который говорил, что он имеет сотню манеров заставить женщину смотреть на небо в картине. Это слово всего лучше поясняет самую школу. Тут же стоит удивительная «Сесилия» Рафаэля, которая от всех этих умных произведений отделяется, как вдохновение от работы. Удивительное чудо! Св. Сесилия, заслушавшись хора ангелов, выпускает из рук трубки органа. Кругом ее Павел апостол^{119}, Иоанн евангелист^{120}, Августин^{121} и Мария-Магдалина^{122}. Выражение божественного восторга на поднятой голове ее, конечно, вещь, потерянная для, художников нашего века.

Поглазев на две косые башни да осмотрев Campo Santo, или кладбище, где в великолепных галереях и залах размещаются покойники и памятники их грациозно и симметрически, так что со временем это будет второе мраморное народонаселение Болоньи, весьма полезное для истории искус-

ства, – выехал я в Анкону, имея четырех испанских капуцинов^{123} товарищами: они отправляются в Сирию для пропаганды и королем своим считают дона Карлоса^{124}; Кабрера^{125} – великий человек у них, погибший от Измены, Эспартеро^{126} – пустой честолюбец, без способностей и ума. Королева (которую, между прочим, я видел в Венеции) наказана провидением справедливо за посягательство на монастыри и революционные мысли свои^{127}... Они пояснили мне много состояние Испании. Таким образом, беседуя с почтенными братьями, ехали мы в Анкону, имея с одной стороны Адриатическое море, с другой Аппенинские горы, а пространство между ними – занятое садами, зеленеющим хлебом, виноградниками и фруктовыми деревьями. Некоторую противоположность с прекрасною природой составили выбритые маковки капуцинов, босые, грязные ноги их, капюшоны, перевязанные веревками, и нестерпимый запах пота, свободно выходивший из пор и открытой шеи, когда сбрасывали они колпаки назад.

В Анконе, полюбовавшись на мраморную арку Траяна, поставленную на берегу гавани, им устроенной, и высоко рисующуюся на небе и вечно омываемую волнами моря, да осмотрев крепость, недавно очищенную французами, я взял ветурина – частную карету. 200 итальянских миль до Рима (итальянская миля немного побольше русской версты) сделали мы в неделю: эта неделя – одна из самых наслади-

тельных в моей жизни. Первый предмет на пути моем, подвергшийся осмотру, была Лореттская церковь богородицы. Вы знаете, под великолепным куполом ее стоит святой дом, где жила в Назарете Мария. Этот каменный четверугольник окружен снаружи другим, каррарского мрамора, на котором горельефы и статуи сивилл и пророков, чудеса искусства времен Возрождения. С наружной стороны окна, где случилось благовещение, алтарь; внутри дома, на месте, где была главная дверь жилища, алтарь со статуей Мадонны из кедра, резьбы св. Луки, засыпанною драгоценными камнями. Великолепные серебряные лампы кругом карниза едва прогоняют мрак этого святилища, в котором вы видите мужчин и женщин, распростертых на полу, и слышите тихий плач и заглушаемое рыдание... Коленки проходящих к Мадонне за помощью и утишением вытерли мрамор наружной ступеньки и превратили ее в желобок. Благочестивое предание говорит, что дом Марии был все время переворотов в Сирии покрыт облаком от нечестивых глаз; потом ангелы перенесли его в Далмацию. Три года стоял он в Далмации, не производя большого влияния на христианский мир; тогда ангелы перенесли его в Лоретте Иезуиты основали тут монастырь, и богатство всей католической Европы потекло к нему. Французы ограбили церковь и монастырь в 1798 году; теперь, однакож, снова сокровищницы их полнеют, и богатеет сам город, производящий торговлю одними четками, серебряными сердечками, коронками из цветов и другими ве-

щами для приношений знаменитой Лореттской Мадонне.

Но что за природа – удивительно! Надо вам сказать: здесь редко встретишь деревню, которая столпилась бы в одном месте, оставляя поля, ей принадлежащие, расстилаться зелеными степями на необозримом пространстве. Здесь белые домики поселян стоят посреди виноградников, отделенные друг от друга садами плодоносных деревьев, и целая огромная долина являет признак жизни во всех концах своих. Бордюром восхитительной картины, которая представляется сверху, служат горы, а иногда старый римский водопровод, тянувшийся на бесчисленных и колоссальных арках своих, как гигантский змей через всю поляну. В Серравале поднялись мы на Аппенины, и когда достигли самой высокой точки их, остальная цепь гор распахнулась перед нами, как будто на время раздвоилось море, и мы увидели дно его. Тут спустились мы в цветущую долину Фолиньо, откуда понесло на нас благоуханием; речка Клипун извивалась, то светясь, то пропадая за зеленью садов, а маленький, необычайно грациозный храмик Дианы (ныне церковь) стоял как жилище божества-хранительницы этого счастливого места... В Терни видел я природу во всем строгом ее величии. Римляне отвели каналом реку Веллино от настоящего течения ее: река бежала до края волканической скалы, обрывавшейся пропастью; тут всю массу воды упала она вниз, своротила вековые камни, образовала еще несколько водопадов, подняла облака влажной пыли, зашумела и загремела на всю

окрестность и так осталась донине. Это называется каскадом Терни. Чудо!.. Наконец, у Отрилби, до которого доходили предместья древнего Рима, показался Тибр, три раза извившийся прежде дальнейшего, правильного своего течения. Мы переехали его сперва у Боргето по мосту, построенному Августом, а в другой раз уже под самым «Римом» через Понте-Молле. Тут вступили мы в Рим, имея с одной стороны Ватикан и купол Петра, а с другой – гору Пинчио, место погребения Нерона. Спустя минут пять проехали мы ворота del Popolo и были в сердце нового Рима, на Corso, улице, которая ведет к Капитолию, римскому Форуму и Палатинской горе, а оттуда уже видны арка Тита и Колизей!

Вот я уже здесь две недели; отыскал Гоголя, который и указывает мне точки для наблюдения^{128} в этом море, где век римлян и век Микеланджело и Рафаэля соединились, чтоб сделать его неисчерпаемым. Некоторые говорят, что Рим отживает теперь третий век – английский. В самом деле, англичан такое множество, и все с книжками. Даже дамы, с описаниями и маленькими картами в руках, с очками на носу и придерживая одною рукой платье сзади, лезут на куполы, колонны и глазают на ганимедов, лебедей и проч. Удивительный город! Раза три в день непременно подымает он бурно всю внутренность, ударит по всем струнам души, и нигде так часто не сходит на человека то, что называется святыми минутами: как же и любят его художники! Но я еще не имею права говорить об этом, не видав и со-

той части его. Две только особенности мне ясны: первая — это народонаселение, которое живет на местах древних римлян, не имея ни малейшего права назвать их своими предками, точно как в забытом дворце управитель помещается в самых комнатах владельца; вторая состоит в том, что всякий заехавший в Рим совершенно отделяется от современности, забывает газеты, Европу, открытия и предается воспоминаниям истории и искусства: другого нет разговора, как статуя, картина, новая находка в этой земле, до сих пор еще наполненной шедеврами древних.

Я опишу вам теперь церемонии страстной и святой недели. В четверг на страстной неделе церковь Петра наполнилась народом. В одной из боковых часовен ее приготовлен был трон со скамейками, которые около двух часов пополудни заняты были кардиналами в красных шапках. У ног каждого из них сел духовный из свиты. Немного подалее, в белом одеянии, помещалось 12 сельских священников, изображавшие апостолов. Ровно в полдень выстрелы с крепости св. Ангела возвестили, что папа выступил из Ватиканских палат своих; он воссел на трон, совершенно закрытый длинною, широкою мантией, концы которой придерживали кардиналы-диаконы, так что видна была одна ветхая голова его, особенно отличающаяся каким-то болезненным, плачущим выражением. Тут кардинал прочел евангелие; другие сняли с него мантию, подвязали фартук, и, окруженный свитой принцев церкви, тронулся он к апостолам, лил из золотой

вазы воду на обнаженные ноги их и утирал полотенцем; так свершилось омовение ног, за которым следовало в одной из зал Петра угощение бедных священников. Тихо и не подымая глаз, ходил промежду двух рядов их папа, раздавая плоды, цветы и проч., между тем как принимающие паг дали на колени и целовали руки его. В среду, четверг, пятницу вечером исполнялись в Сикстинской часовне, после псалмов, папскими певчими те духовные концерты, которые под именем Miserrere^{129} так славятся в Европе; но я скажу вам, что мне чрезвычайно трудно было привыкнуть к голосу здешних певцов.

Не упоминая вам о других, побочных церемониях, как-то: бичевании при затушенных свечах у иезуитов, о крещении жидовского семейства у Иоанна Латеранского и о всеобщем покаянии, я прямо перейду к обедне светлого, воскресения, совершавшейся самим папою. Начиная с полудня и до ночи, вся суббота гремела выстрелами, которые производились частными лицами в домах посредством петард, маленьких пистолетов и проч. В 10 часов, в воскресенье, предшествуемый кардиналами, швейцарскими латниками в костюмах средних веков, отрядом гвардии своей из дворян, всеми канониками и министрами своими, показался папа на носилках. Народ, наполнявший церковь, и два ряда солдат, стоявших по обеим сторонам шествия, преклонили колена. Так несом он был при трубном звуке и осеняемый двумя павлиньими опахалами до самого алтаря св. Петра, где, со-

шед с человеческих плеч и воссев на трон, начал обедню. В 12 часов таким же образом внесли его в колоссальное окно главного фасада церкви. Поднявшись в носилках на ноги и рисуясь таким образом всею фигурой своею на темном фоне балкона, дал он благословение городу и миру. Войско застучало в барабаны, раздались пушечные выстрелы с крепости св. Ангела, и когда все поуспокоилось, еще раз поднялся он, возвел глаза к небу и потом, опустив их на тьму тьмущую народа, наполнявшего площадь, новым благословением отпустил всем грехи. Тут полетели с балкона индульгенции и самый лист всеобщего отпущения вниз; народ кинулся ловить... Балкон опустел. Так кончилась церемония, не произведшая на меня сильного впечатления. Гораздо лучше освещение купола Петровского. Вообразите себе на черном небе горящий, огненный пантеон. Как какой-нибудь неслышанный огромный матовый колпак лампы, висел он над вечным городом. В восемь часов была перемена огней. Еще не затих звук башенного колокола, как непостижимым механизмом облился он весь ярким блеском взамен первого нежного блеска своего, и долго за полночь еще видны были струи огненных полос на колоссальных боках его. Это чудо! В понедельник был фейерверк с крепости св. Ангела – Адриановой ^{130} гробницы. Каскады лились по стенам, на площадках являлись храмы; гром пушек придавал что-то грозное и величественное этому фейерверку, заключившемуся громоносным изображением извержения Везувия. С последнею

ракетой кончились торжества, а с тем кончается и сие письмо мое. Будет! Ужаснейшее письмо, когда-либо писанное человеком! Но чудовищная длиннота его должна вам показать, как хотелось бы мне говорить с вами. Неужто не вызовет оно ответа с вашей стороны? Адрес мой, и проч.

VI

Флоренция. 3-го сентября 1841 года.

Не знаю решительно, с чего вам начать рассказы мои. К чему ни повернусь, везде надо говорить долго; предметы толпятся в голове, и ни одному нельзя дать преимущества перед другим: столько разных костюмов, столько разных обычаев, столько чудес разных цивилизаций – древней, XV столетия, арабской – видел я, что, право, нахожусь в положении, начиная это письмо, тех дельфинов и драконов, которые в запустелых бассейнах и садах стоят целые годы с разинутыми ртами, не выплескивая и капельки водицы. О, только бы переехать мне Альпы! За ними письма писать к друзьям уже ничего не значит. Там уже нет этого множества тысячелетий, оставивших заметки, этого мелкого разделения одного народа на множество ветвей совершенно различных и, наконец, этой роскоши гениальных произведений, которые обступают вас, как только беретесь вы за перо, как дети, когда гувернер делит им фунт конфет и когда, выведенный из терпения, принужден бывает закричать: «Отойдите, никому ничего!» За Альпами живешь на почве совершенно известной, определенной, разложенной и оцененной, ясно видишь движение умов, знаешь, откуда началась каждая партия и куда идет. Стоит только в хороший, солнечный день надеть зеленые очки да выйти на улицу или даже и не выходить, а просто по-

сидеть у ворот часочек, и дело кончено: письмо готово. Уже не говорю про то счастливое время для корреспонденции, когда на свете было только 7 чудес...

Я прожил в Риме три месяца: характер города много способствовал к тому. Вообразите себе, что на свете есть столица, куда надо приезжать для того, чтоб войти в самого себя и жить в каком-то благородном и плодовитом уединении, посреди древности и произведений искусства, из которых многие – граница творчества, за которую уж и не перейдут люди. Голос Европы доходит сюда ослабленный и едва слышимый; но это не китайское отъединение от всеобщей жизни, а что-то торжественное и высокое, как загородный дом, где работал великий человек. Иногда казалось мне, что Европа нарочно держит этот удивительный город, окруженный мертвыми полями с остатками водопроводов, гробниц и театров, как виллу свою, куда высылает она успокоиться сынов своих от смут, тревог, партий и всякого тревожления. Кроме художников, сюда приезжают все раненые на великих побоищах Европы: здесь живет Дон-Мигуэль^{131}, да здесь же жила и Летиция^{132}, Наполеонова мать, и всякий раз, Как совершался великий переворот, из Европы пропадает вдруг какое-нибудь громкое имя, а в Риме тихо и незаметно появляется новое. Отсюда Гёте вынес последнее свое аттическое, художническое воззрение на жизнь^{133}. Но как же тихо бывает здесь заезжим нашим туристам, офицерам, совет-

никам, поехавшим прогуляться немного, и проч.! После великого восхождения на купол Петра да осмотра Ватиканских зал, бесконечных, как мне удалось слышать, да посещения ночью, с двумя факелами, Колизея, – хоть удавиться от скуки. Я несколько раз был вопрошаем: что вы делаете здесь так долго? И доходили до меня слухи, что великая эта задача ими же самими и была разрешена следующим образом: у него здесь есть любвишка. А я между тем жил рядом, стена об стену с Гоголем и в сообществе трех или четырех русских художников ^{134}, которые, можно сказать без пристрастия, при нынешнем направлении живописи к картинам нравов или случайностей (*tableaux de genre*¹⁸) и вообще умельчании искусства, одни только и работают, что называется, по мере сил. Довольно упомянуть о колоссальных трудах гравера Иордана и живописца Иванова, которого «Магдалина» осталась в памяти даже у петербургской публики. Первый уже четыре года трудится над эстампом с «Преображения» Рафаэля, и, может быть, столько же годов осталось для окончания этого подвига; но тогда Европа будет иметь эстамп с этого чуда Рафаэлева, за которым застала его смерть, эстамп, какого до сих пор у нее нет и не было. Я видел как самую доску, так и рисунок: кажется, невозможно сделать копию более верную и более оживленную духом оригинала. Иванов пишет картину «Появление Мессии» ^{135}. Множество групп,

¹⁸ Жанровая картина (*франц.*).

уже приавших крещение у Иоанна Предтечи, и несколько лиц, ожидающих его, вдруг поражаются словом учителя, который, простирая руки, с вдохновенным взором указывает им вдали на тихо приближающегося Иисуса: «Се Человек, у которого недостоин я развязать и ремень сапога!» Видно электрическое действие этого движения на всех лицах, которое переливается и на зрителя, знающего, что с этого времени начинаются проповеди Иисуса и наша религия... Что еще сказать вам? Одно разве: при всем разнообразии этих лиц нельзя не быть поражену естественностью всех их поз и какую-то эпическую простоту целого, которая так хорошо согласуется с евангельским рассказом. При мне также Пименов и Логановский, два русских скульптора, прославившиеся в Петербурге статуями Бабочника и Сваечника ^{136}, начали вырубать из мрамора новые свои произведения, первый – мальчика, просящего милостыню и так грациозно почесывающего в голове, так нехотя протягивающего руку, но так убедительно смотрящего, а второй – прелестного Абдонну, в тяжелой грусти опустившего голову на грудь и полного печальных мыслей, которые, однакож, нисколько не изменили пластической красоты его лица и всех форм.

Однакож я ушел в сторону, а еще заклятие давал себе не распространяться. Назад, назад! Итак, с ними-то жил я... И мы проезжали уединенные римские поля и были в горах, с которых вид на поля – что на море, с тою разницей, что никогда море не навеет на вас такого расположения духа. Бы-

ли во всех этих местах, прославленных красотами природы, историческими воспоминаниями, дворцами и виллами папских племянников, Альбано, Фраскати, Тиволи, Субиако, и, наконец, углубившись еще далее в горы, на границе Аbruццов, в городах, которые лепятся на вершинах скал, к которым нет дорог и где только один способ сообщения известен: это верхом на осле. В этих городах встретили мы народонаселение совершенно дикое, едва знающее употребление монеты и, кажется, только сейчас вышедшее из первого состояния человека естественного, а la Rousseau^{137}. И это рядом с Римом! Да что! В Сабинских, горах есть еще деревни, где говорят по-латыни! Но со всем тем нельзя же даром жить на классической почве; как нынче, так и за несколько веков, люди и народы, приходившие в Рим, всегда уносили еще что-нибудь, кроме богатства его. Это моральное влияние Рима на народ, теперь обитающий около него, отразилось в общности его характера, имеющего что-то гордое, независимое, и проявилось в эстетическом вкусе, ему врожденном. Последнее качество всего более выказывается в празднествах, да не в тех, которые имеют какой-то официальный характер, как торжества святой недели, празднуемые больше, кажется, для иностранцев, чем для Рима, а в национальных праздниках июня месяца^{138}, когда знамена с изображением мучениц развеваются по ветру, капуцины со свечами в руках тянутся в длинных процессиях, проповедники на всех углах площадей поучают народ, и на улицах стре-

ляют из петард. Какие тут встречаются женские лица, какие костюмы, и что иногда делают самые незначительные деревнюшки, так просто чудо! Так, например, в Женсано ^{139} мостовая, по которой идет духовная процессия, расчерчивается в прихотливые фигуры мелом: по ним сыплются разнообразные цветы; в числе этих фигур есть гербы папы, кардиналов, львы, арабески, все из цветов. Мостовая вдруг покрыта великолепным ковром, который, уж без всякого сомнения, превышает все ковры в мире яркостью красок. Едва только минует процессия, как все это количество роз, маку, лилий смешивается и составляет какую-то мраморную грудку. Где же это выдумается, скажите пожалуйста, кроме Рима? Буйные порывы римской черни, случающиеся очень часто и напоминающие времена итальянских республик средних веков, значительны еще тем, что это обыкновенно осуждение какого-нибудь преступления, не подлежащего законам. Так, когда принчипе Дорна ^{140}, обольстил девушку обещанием жениться на ней и привел ее к смерти обманом и изменой, народ своротил погребальную процессию жертвы с настоящей дороги и заставил ее пройти мимо дворца принчипе, который после этого и уехал из Рима. Да и сам я был свидетелем, как жестоко был освистан гроб другого принчипе, Пиомбино ^{141}, не любимого За скупость и который запер свою великолепную виллу Людовизи и не пускал никого смотреть знаменитые статуи и фрески. Освистали мертвого,

освистали совершенно, хоть и полиция наверное знала, что Пиомбино будет освистан.

19-го июля выехал я из Рима в Неаполь, унося с собой воспоминание о всех древних чудесах его, мною весьма подробно осмотренных, из которых иные стоят под открытым небом, поросшие плющом, связываемые новыми полосами железа от времени до времени, или укрепленные колоссальной стеной, как Колизей, и эта стена есть сама по себе великий памятник; другие стоят в великолепных залах Ватикана. Что касается до Рафаэля и Микеланджело, то эти вечные граждане Рима как будто» и не умирали: имена их звучат поминутно, поминутно. Унес я также воспоминание и о патриархальной дешевизне, по случаю которой английские нищие играют здесь роли богачей; об остериях его, где после бутылки орвието, национального вина, похожего на сабли с игрой, да стуфаты, да макарон, да салату, да жареной курицы, призываете человека, а сей, посмеявшись над вашим аппетитом или над чем-нибудь иным и похлопав вас дружественно по бедру, говорит: «*Quaranta baiocchi, caro signor Paolo*». (Сорок байков, дорогой синьор Павел, то есть 2 рубля). Русские, английские и немецкие фамилии не произносятся, потому что раз уже у одного лопнула артерия от натуги и другие были несчастные случаи.

В Неаполе – о какая разница! – только 150 миль, почти 200 верст от Рима, и уже вы можете в сердцах или для практики поколотить своею палкой всякое досадное лицо из чер-

ни. Я приехал вечером, так что мог еще застать представление в Сан-Карло^{142}, потому что спектакли начинаются здесь в 9 часов вечера, когда уже надышится народ вечерним воздухом, который, действительно, после дневного зноя кажется бальзамом, освежающим всю внутренность. Сан-Карло – огромная, вызолоченная зала, совершенно без вкуса. Заплатив 2 р. 40 к. за место, я имел счастье видеть балет «Свадьба гардемарина», где переодетые в морских кадетов танцорки врываются в женский пансион, а потом делают разные воинские эволюции. Танцорки обязаны здесь быть непременно в зеленых костюмах: это такая отвратительная вещь, что описать нельзя: какое-то соединение женщины и лягушки, – и это после строгого, величественного Рима! Впечатление даже болезненно... Я пришел в трактир свой, где потом разломали у меня замок и украли 300 рублей, и камердинер на лестнице спросил с улыбкой: «А не укради ли у вас платок?» Я пощупал карман: платок украли. И таков был первый мой вечер в Неаполе. Но на другой день (я жил на берегу моря, платя за очень хорошую комнату 2 рубля в день) я отворил окно: что за чудная картина открылась глазам моим! Трудно дать понятие о сладострастии, роскошных линиях, неге Неаполитанского залива и других, соседственных ему. Известно, что Неаполь был местом загородных домов римлян. Сюда приезжали они наслаждаться, проживать миллионы, проживать здоровье и жизнь, а некоторые и империю. Имена Лукуллов^{143}, Тивериев^{144}, Неронов суще-

ствуют до сих пор на берегах этих, и кажется, несмотря на все перевороты религиозные и политические, можно найти здесь, хотя в умаленных размерах, все то, чего они искали. Какими чудными, голубыми волнами заливают море все эти широкие, утешающие глаз полукруги, которые образуют заливы Неаполитанский, Салернский и Пуцольский! Жемчужны, почти прозрачны, кажутся эти горы с своими виноградниками, которых лозы плетутся по стенам и воротам вилл и спадают вниз фестонами. Какой лучезарный цвет отдаление сообщает всем этим островам: Прочиде, Искии, Капри! А между тем куда бы вы ни поехали из окрестностей Неаполя, всегда виден и точно поворачивается вокруг вас двухвершинный Везувий, выпускающий из себя постоянно легкую струю дыма. Само искусство здесь, служа страстям, приняло такое чувственное направление, что королевский музей в этом отношении есть Капуя скульптуры^{145}: это все Венеры, любующиеся на самих себя; это фавны и нимфы, перевившиеся руками; это Тиверий с любовницей на коне и проч. Помпея доставила и доставляет те роскошные фрески, которые древние имели в своих спальнях, и, право, никакой в мире балет не произведет на вас такого действия, как королевский Неаполитанский музей. Теперь мне, однакож, приходит в голову, что живописность предмета и его внутреннее достоинство – две совершенно различные вещи. Какое значение может иметь, например, для путешественника, хоть их очень много здесь, Неаполь с низким своим народонаселением

ем, которое живет для лицемерства, мелкого воровства и не имеет даже характера, чтоб быть хорошим вором? Что вынесет он из этого шумного города, даже когда будут отворены ему ворота тех огромных домов с бесчисленными балконами (дворцами их нельзя назвать из опасения обидеть римские и здешние флорентийские дворцы), в которых живут люди, поджидающие вечера, чтоб великолепным экипажем прибавить шуму и давки в Villa reale? С каким нетерпением ожидали здесь парад войск, так я удивился. А уже это пошлое равнодушие ко всему, что делается на белом свете и вокруг их, это сонное состояние, в котором и народ, и высшие окостенели, это даже меня придавило. Я ничего не видал подобного во всю дорогу... Самое жалкое впечатление производит здешняя литература. Существует здесь пошлая и пустая политическая газета и называется «Газета Обеих Сицилии», да еще ежемесячное «Обозрение»^{146}, тоненькое, как ломтик хлебца, что в дурных пансионах подают на завтрак детям. Я вспомнил об «Отечественных записках», и они мне показались в сравнении с ними Изидой... В этом «Обозрении» первая статья была анекдоты из жизни Шиллера, потом ботаническая какая-то, потом критика стихотворений одного импровизатора, сделавшегося печатным поэтом. Я считаю весьма дурным признаком для литературы появление так называемых снисходительных критик, которые обыкновенно доказывают посредственность и произведения, и рецензента, но эта вряд ли не превзошла все в этом роде критики, напи-

санные Олиным, Измайловым и проч. ^{147} Тут вынимает он четыре стиха и прибавляет: «Нельзя лучше и вернее изобразить» и проч.; или выпишет пять стихов и прибавит: «Как хорошо последнее слово выражает мгновенное...» и проч. За критикой – библиография: две брошюрки стихов, роман в двух томах, потом статья о театрах и аминь. Да уж добро – и этого не читают. Что же остается делать? А вот: описать восхождение на Везувий – этим Неаполь уже подарил не одну тысячу путешественников. Пожалуй, и я не прочь от них. Был на Везувии, едва не задохся от усталости на последнем восходе; слышал, как он переваривал что-то и шипел под ногами; видел, как выкидывал массы дыма и огня; в одном месте, где поток подошел к самой почве, кора земли треснула, и я туда клал палку, и палка загорелась! Или... не хотите ли описания поездки в Сорренто, где дом сестры Тасса обращен теперь в гостиницу? Или хотите, может быть, описания поездки в лазуревый грот Капри? Или желаете, статья может, описания прогулки в Байю, где были Нероновы бани? Но я столько читал описаний всего этого, что рука не поднимается. Еще не совсем пошло могло быть описание Помпеи, с ее домами, дворцами, улицами, театрами, лавками, публичными местами, где так удивительно связывается настоящая минута, вам принадлежащая, с тою, когда город погиб; но я устал и тороплюсь дать вам какое-нибудь понятие о Палермо и Мессине. Скажу только, что пестро и празднично являются все эти стены, покрытые фресками, ярко горят на солнце

все эти колонны, и вам кажется, что вы пришли не в умерший город, а в гости или на праздник в город, которого жители где-нибудь на площади, в амфитеатре или форуме. Так до сих пор сохраняет он отличительную черту всех неаполитанских окрестностей.

Палермо был для меня все равно, что страница из «Тысячи одной ночи». Сохранились еще дворцы арабские (дворец Зора), сохранились еще в монастырях эти галереи с грациозными сводами, легкими колоннами, фантастическими капителями и фонтанами посреди (церковь и монастырь Монте-Реале). И все тут поощряет воображение к разным, может быть, пустым сближениям: террасы на домах и даже на фронтонах церквей, длинные, чреватые балконы в верхних этажах домов, закрытые железными решетками со всех сторон, пестрота мозаик, блистающих на наружных стенах строений, чудовищность воображения, проявляющегося там и сям и так подходящая к духу арабской сказки: то капуцины ставят в подземелий высушенные тела умерших, то владелец дачи украшает ее изображением чудовищ или обращает в кукольный монастырь траппистов^{148}, или как в даче... (фамилию забыл), отворяете беседку, и восковой кармелит^{149} подымается и благославляет вас (разгул воображения у народа, проявившийся в этой неслыханно колоссальной колеснице св. Розалии^{150}, возимой быками по городу); далее кафедрал города, частью мавританской архитектуры, к которому

так некстати приделали купол и лишили его родовой физиономии; наконец, это ощутительное напоминовение бедуинской жизни в недостатке воды и страшном действии солнца,жигающего травы и цветы... (О, что за жары были нынче в августе! Буквально жарко ногам от прикосновения к мостовой, глаза получают воспаление, тяжело в груди.) Наконец, еще трепет сказочной, романической жизни в этом городе и народе, который в нашем веке знает употребление кинжала^{151}, сохраняет обычай отмищения, и где находят на улице раненых, которые на вопросы друзей и юстиции отвечают: «Это наше дело». Все это вместе взятое (хотя при окончании ужасного сего периода, коим хочу отделаться от вас, совершенно я забыл начало его), делает для воображения присутствие халифов востока и сказки его почти осязательными в Палермо.

Мессина – новый город, выстроенный после землетрясения, и как новый город, не имеет яркой физиономии, подобно Палермо. Сцилла и Харибда^{152} его – эти лающие собаки древних – состарились, и водовороты их можно видеть только в известный час дня, когда образуются противоположные течения, да в бурю. Черткова «Путешествие по Сицилии»^{153} очень хорошо, верно и дельно. Жаль одного: все он упрекает ее Англией и представляет ее в пример, как должно работать и извлекать выгоду из своего положения. Эти сожаления, что Сицилия не Великобритания, несколько

тщетны. Уж господь бог затем и создал Сицилию, чтоб она была Сицилией!

Теперь живу я во Флоренции, проехав Пизу, Лукку, Пистою и Прато, весь этот цветник, весь этот фруктовый сад, который называется дорогой от Ливорно во Флоренцию и пересекается через каждые 15 миль столицею. Иначе я не могу назвать эти города, наполненные дворцами, соборами, памятниками эпохи Возрождения, за которыми следить такое наслаждение. Народонаселение честное, трудящееся, скопидомка и сладко говорящее тосканским мягким, горловым наречием. К 15-му сентября ожидают съезда ученых итальянских и других во Флоренции^{154}. К этому времени готовятся праздники, фейерверки. И герцог, и народ считают эти съезды происшествиями, достойными торжеств. На счет итальянских ученых существует, благодаря французам, в России какое-то смутное и неблагоприятное мнение; но здесь я должен сказать вам великую истину. Как только итальянец вышел из толпы, отделился от массы, то уж не верьте решительно всем разглагольствованиям о лени, неге, фарниенте итальянском: он делается трудолюбив, постоянен, упорен и эрудичен, как дай бог немцу. Труды Тирабоски^{155}, Ланци^{156} и проч. – лучшее этому доказательство.

Отсюда еду в Милан; оттуда через Швейцарию в Париж. В Россию буду скоро: может через год, а уж много, много через два...

VII

Женева. 26 октября 1841 года.

Не знаю, с чего начать продолжение описания бродяжничества моего. Помнится, в последнем письме остановился я на Флоренции. Долго надо бы говорить об этой земле, чтоб объяснить, почему Альфиери^{157}, проклявший в удивительных сонетах, которые гораздо лучше трагедий его, Рим, Пизу, Геную, приехал умирать во Флоренцию^{158}, и как это случилось, что во Флоренции давно уже существует публичное судопроизводство, между тем как только в 1842 году заводят его в Пруссии, и отчего, окруженная соседями с самым строгим острацизмом^{159} в отношении печати, она одна дозволила свободный выпуск всех иностранных журналов, и по какому убеждению в нынешний съезд ученых отдала она все свои дворцы в их распоряжение, и как это делается, что в самом сердце Италии народ трудится, работает и живет в тишине, не сдерживаемый ничем, кроме сознания своего благополучия... Это решительно итальянская Германия: даже в физиономии женщин, в их особенной полноте, голубых глазах и скромном, домашнем благочинном сластолюбии (не знаю, как выразить этот род сластолюбия) есть что-то немецкое. Благославив Флоренцию и пожалев, что в качестве земли, не имеющей никакого влияния на челове-

чество (человечеству, собственно, и нет дела, счастлива она или несчастлива), выехал я в Болонью, с которой пять месяцев тому назад начал мое путешествие по Италии. Все та же она: также пуста, грустна и меланхолична; ничего с нею не произошло, но со мною произошло многое. Господи боже! Сколько в эти пять месяцев проехал я языков, дорог, морей! Я остановился в том же самом трактире, в той же самой комнате, и вечером, отворив окно, припомнил весь интервал!.. Вспомнилось мне также, что я приступал к этому подвигу, совершаемому англичанами в виде моциона для возбуждения деятельности желудка, с некоторым родом торжественности и робости... Но буди им вечная память! Я теперь, как лорд Байрон, знаю почти все простонародные проклятия итальянцев: *Copro di Vasso!* и проч. и проч. С Болоньи началось мое торжественное шествие на Милан, роздыхами коему служили Модена, Парма и Пьяченца – три столицы, встречающиеся на пространстве немного поменее 250 верст. Вам не безызвестно, что Модена есть Парагвай всей Италии. Самыми сильными средствами прервано всякое сообщение мысли с Европою^{160}. А между тем только голубые Аппенины, только роскошные поля, разлегшиеся у подошвы их, отделяют Модену от Флоренции!.. Супруги Наполеоновой не было в Парме^{161}, когда я прибыл туда; а хотелось бы мне взглянуть на нее. Взамен этого в Парме были фреска Корреджио и удивительная его картина, известная под именем «Св. Иеронима». С самого Рима не испытывал я впечатления

более сильного. Вся эта сцена ангела с развернутой книгой, Христа-младенца, простирающего к ней руки, божьей матери, смотрящей с улыбкой на движения его, Магдалины, с величайшим благоговением целующей его ногу, – вся эта сцена, оттененная суровой фигурой Иеронима, полна небесной прелести, благоуханна невыразимо. В том же роде и другая его картина: «Madonna delia Scodella». Я никак не понимаю, почему немецкая партия, старающаяся возвратить живопись к строгому христианскому началу^{162}, исключает этот элемент райской прелести, родившейся тоже из самого глубокого религиозного чувства.

Тороплюсь рассказать вам мое знакомство и целую неделю дружбы с миланским журналистом, издателем театральной газеты «Пират»^{163}, господином Регли^{164}, получающим подарки от Доницетти, Тальони и от всех певцов и певиц, проезжающих через Милан. Он, вот изволите видеть, совсем не так желчен, как иные прочие. На мое замечание о пошлости итальянской журналистики и о путанице этих мягких фраз в разборах и отчетах, которые словно занавеска, колеблемая ветром у окна, и открывают внутренность комнаты и не открывают, он объявил мне, что это дело условное, что это вещь, непонятная для иностранца, но что есть похвальные фразы, выражающие осуждение! Пуф! Так, например, сказать: «опера вообще нравится» значит сказать, что опера никуда не годится, да и сам он, Регли, имел историю с любителем танцовщицы, про которую откровенно сказал,

что она заслуживает внимания. Можете теперь представить, сколько надо употребить восторга и энтузиазма при разборе вещи действительно достойной похвалы. С какою наивностью показывал он мне посвящение своего театрального альманаха графине Самойловой^{165}, в котором называет ее знатоком, покровителем изящных искусств в его отечестве и проч., за что и получил 600 франков! Наконец, он повел меня обедать к молодому композитору, для которого сам сочиняет либретто, и я имел счастье присутствовать при самом процессе создания итальянской оперы. После обеда, за чашкой кофе, подошел он к письменному столу, взял перо и набросал в одну минуту четыре строфы романса, где *suor*¹⁹ и *amor*²⁰ звучали сильно; композитор пододвинул стул к фортепьянам и стучал по ним до тех пор, пока выстукал мотив; мы, разумеется, пришли в неописанный восторг, а композитор, потирая руки, сказал: «Да, с хорошею певицей, и если разработать его хорошенько, он сделает свое дело». И вот, может быть, через год и на петербургской сцене мотив этот будет делать свое дело при всеобщих рукоплесканиях. Я удивился в Милане бедности исторических памятников, которыми так щедро наделены итальянские города, да и вообще, если исключить бездну кофейных домов, способствующих — не скажу публичной, чтоб не обидеть Афины и древний Рим, но наружной жизни, какую обыкновенно ведут итальянцы,

¹⁹ Двор, свита (*итал.*).

²⁰ Любовь (*итал.*).

то в этом городе с большими домами без стилиа и чистыми улицами нет уже ничего итальянского.

Собор удивителен^{166}. Кто-то сказал, что на крыше его он очутился в лесу колонн и спицов, и этой гиперболе так повеселилось, что она обошла весь свет, что я встречался с нею всякий раз, как заходил разговор о соборе, и что она мне очень надоела. Для перемены предлагаю следующую, которую всякий учитель может употребить для назидания слушателей с кафедры: миланский собор с первого раза кажется лопнувшим бураком фейерверка, который выкинул в небо сотни звезд с огненными хвостами, и т. д. Особенно замечательно в этом соборе, что он был последним усилием готизма в Европе, и поэтому уж не найдете вы в нем фантастических барельефов, узоров, высеченных в камне, за которыми трудно следить глазу, всего того, что в германском готизме и в некоторых старых церквях Италии поражает разгулом, прихотью воображения. Все в нем правильно, чисто и симметрично. Это – классицизм готизма, если можно так сказать. «Путеводитель» мой говорит, что собор начат в 1386 году, то есть, именно, когда вся Европа кинулась в древность. Вот почему он несколько холоден и имеет весьма фальшивую ноту в общей гармонии, а именно – купол, столь несвойственный готизму, хотя снаружи он и прикрыт чем-то в роде готической беседки. Тяжело было, думаю, архитекторам строить собор этот между двух верований, двух противоположных мыслей, двух метод, исключавших одна другую! Что ка-

сается до огромной залы театра della Scalla^{167}, за вход в которую платится 2 рубля 50 коп., то она, с золотыми украшениями своими по (белому, не так безвкусна и аляповата, как зала Сан-Карло, но выстроена Только для Каталани^{168}, Пасты^{169} и проч. Все, что не Каталани, не Зонтгаг^{170} и прочее, погибает, задушается этим пространством, и усилия плохой певицы, которую я слышал, наполнить его походили, право, на предсмертные страдания человека с сильным телосложением. Судороги, крики, и потом тишина и ослабление: все было.

Наконец, из Милана приехал я в Геную: кинуть последний прощальный взор на Средиземное море, по которому, буквально сказать, так много колесил я на пароходах, да взглянуть на знамениты дворцы ее. В Генуе совсем неожиданно приснился мне как раз – как думаете кто? Приятель мой, декоративный живописец! В коричневом сюртуке стоял он передо мною, и я будто бы упрекал его горькими словами: «Как это вам не стыдно жить бог знает где, когда вот здесь в улице Гальби есть пустой дворец Дураццо? И что вы это там рисуете? Какие вы там созидаете на полотне клетушки с окнами, какие лепите сбоку лесенки? Что за террасы вы там мажете, которые никуда не выходят, а если и выходят, то словно говорят: да что тут смотреть; ничего нет любопытного.

Да и сады ваши годятся только для прогулки немке, которой прискучило окошечко с деревянным балконцем и дву-

мя горшочками цветов на нем. Да и осмелились ли вы когда-нибудь пустить воду так, чтоб не она походила на дождевую лужицу, скопившуюся в углублении? Переезжайте сюда, сударь. Здесь есть из камня, из мрамора, из гранита в полной своей действительности лестницы великолепнее ваших храмов, переходы, галереи, террасы, подобных коим не начертали еще мелом на полотне ни вы, ни учителя ваши, Мезонески^{171} и Роллер^{172}; сады, балконы, залы, от которых закружится у вас голова и, вероятно, воскликните вы: это уж слишком; нам этого нельзя! Счастлив будет тот день и много я порадуюсь, когда воображение ваше достигнет до величия одной из мраморных передних здешних.» И отвечал мне мой приятель: «Ох, боже мой! Что вы говорите? Вы не понимаете... Уж нынче это принято у нас, чтоб лестницы вели на стену, в кабинетах стояли огромные колонны, на галереях чтоб не было видно и кошки, крыши украшались куполами, и в садах стояли лукзорские обелиски. Это для эффекта: вы не понимаете...» Тут я и проснулся. Прощай, Средиземное море; прощай, Италия! Отсюда переезжаю я в Женеву, снова на почву политических, исторических, философических вопросов и всяческого тревобления, и при сем случае не могу не возблагодарить Италии за множество тихих, но самых полных наслаждений. Будь я поэт, непременно написал бы прощание с Италией...

Вот я и в Женеве. И чтоб новая строка начиналась торжественнее, вот вам положение: Швейцария находится в сию

минуту в каком-то судорожном состоянии ^{173}... Я уже вижу отсюда, как вы испугались, какой ужас объял вас... Успокойтесь! Не можете себе представить, как находящиеся в судорожном состоянии швейцарцы славно едят здесь, как набиты ими все кафехаузы²¹, какая музыка на озере, прогулки по восхитительным берегам его, пикеты ^{174} и экарте ^{175} во всех публичных залах. А между тем, с неделю тому, назад, под самыми стенами города было народное собрание, говорят, в 4000 человек; полемика журнальная идет жарко и сильно, партии воюют и сшибаются на бумаге, собирается сейм в Берне. И если теперь вы не поймете здешнего уложения, где все говорят, но из круга частных своих обязанностей никто не выходит, где только случай производит иногда грубую, отвратительную материальную ошибку, но в общности все порешает диспут, смягчает, уничтожает и возводит, – то назову вас странным человеком. Многие говорят: чем-то все это кончится? какой-то будет конец? А я несколько этим не интересуюсь. Известно, что какой-нибудь конец да будет, и известно, что будет конец мирный, потому что негодование Европы задушит всякую попытку междоусобной войны. Для меня, скромного жителя севера, странствующего для назидания своего, гораздо назидательнее и любопытнее настоящая минута и хладнокровное, чисто сиантифицичное наблюдение борьбы страстей, испаряющихся или в декламациях,

²¹ Кафехауз (от нем. Kaffeehaus) – кафе.

или закованных в печать, думаю, ни всеми и никем другим в дурную сторону не приймется и в вину мне не причтется! Необычайное разветвление представительности, вследствие чего все выбирается – совет малый, совет большой, совет представителей, так что канцелярийки нельзя составить без выбора, так что почтальон, принесший ваше письмо, мне казался здесь представителем и ночной сторож – депутатом от Морфея – все это прибавляет еще новую полемику, и весьма важную, о правильности выборов, о законности их; о духе, об аристократизме, сомнамбулизме и других разных «измах», имеющих, впрочем, каждый своего оратора и своего антагониста. Известно, что всякий отдельный кантон есть государство независимое^{176}, но все подчинены в важных случаях решению сейма, который состоит из их же собственных депутатов, и вот 8-ой, или 10-й, или 15-й источник прения: что такое сейм? из чего составился сейм? правильно ли и здравомысленно ли рассуждал сейм? И эту распрю ведут уже не частные лица, а уже целые кантоны между собой. Знаменитый Сисмонди^{177} объявил на днях в речи своей следующее: «Кантоны так разнятся между собой нравами жителей, религий и даже языком, что один не имеет никакого права входить в дела другого. Это самое будет всегда препятствовать сейму действовать справедливо и с знанием обстоятельств. Да и по смыслу уложения (Пакты) он может принять решительные меры только в случае единодушного согласия всех членов; и возможно ли ожидать этого от 22 депутатий?» Ну,

что после всех этих слов остается делать? Впереди ничего нет, а в настоящую минуту как будто все трещит, лопается под йогами... Право, на месте этих швейцарцев, наложил бы я на себя руки, а они гуляют, курят, рассуждают об Америке, и один даже на упрек мой, что как ему не стыдно пить кофе с ромом и целый вечер смотреть, как другие играют в бильярд при таком отчаянном состоянии отечества, отвечал мне флегматически: «Мы любим споры!»

Я посетил Ферней, дачу Диодати и замок Копет^{178}. Вольтер, Байрон и г-жа Сталь! Даже вискам больно от соединения этих имен! Впечатления на месте их жилищ весьма различны, столь же различны, как спокойная, холодная насмешка, позволяющая человеку наслаждаться всеми благами земли до глубокой старости, и кровная борьба с обществом, которой все принесено в жертву, или как различен от вышеупомянутого шум, поднятый ради оскорбленного тщи-славица.

Однакож, осмотревшись, я вижу, что деревья стоят уже без листьев, небо туманно, озеро волнуется, с гор несет холодом. Все расчеты с природой кончены. Пора в теплую комнату, под свет театральной люстры, за романы и журналы и мудрствования Миносов^{179} и Солонов^{180} нашего века.

Еду в Париж. Прощайте!

VIII

Париж. 29-го ноября 1841 года.

Вот 12 день, как народонаселение Парижа увеличилось еще одною единицей, а многочисленные страсти, кипящие в нем и о которых вы достаточно начитались, умножились всем количеством страстей, квартирующих в моей грешной особе. На лебедянской скачке^{181} раз случилось, что первый приз выиграла простая мужицкая лошадь, которую два месяца держали в темной конюшне и прямо из нее вывели на ристалище. Оглушенная шумом, пораженная светом, она пришла в бешенство – и была у цели прежде английских скакунов. Прося прощение у самого себя, скажу, что в эти двенадцать дней я походил на ту лошадь... Театры, площади, обеды, журналы, книги, магазины, все это поглотил я в один прием, и удивляюсь, как выдержала его физическая и моральная моя организация. Теперь, когда сел я в широкие кресла и придвинул к себе десточку^{182} почтовой бумаги с полным намерением наградить вас одним из тех писем-слов, к которым вы должны уж теперь привыкнуть, – не знаю, как привести все виденное, выслушанное, вычитанное в порядок и с чего начать. Не начать ли с обедов? Я совершенно убежден, что кто не обедал в Пале-Рояле^{183}, тот никогда не обедал, и заклинаю вас всем святым отбросить мысль, что

вы когда-нибудь ели в своей жизни, да и других предостерегите от той же мысли.

Мы приехали в Париж в пять часов ночи, самой темной и дождливой, какая только может быть. Историческая ночь короля Лиры^{184} перед нею – майский день. Я был рад: мне смерть не нравятся эти впечатления, раздробленные квадратным окошечком кареты, где в какой-то тяжелой путанице для сознания падают на вас только часты предметов. В гостинице дилижансов провел я первую ночь и в полдень вышел на улицу Saint-Honore. В ту же минуту Париж встал передо мною и зычным голосом воскликнул: «Это я!». Огромные omnibusы разъезжают в узкой, грязной улице с узенькими тротуарами; высокие-высокие дома завешены вывесками, и одни только окошечки на самой крыше свободны от золотых, голубых и фиолетовых надписей: это те самые, куда увлекал нас, к стыду сказать *будущих* моих дочерей, г. Польде-Кок^{185}, куда вносил *аналитический свой* факел г. Бальзак, и откуда так часто сводятся обитатели *на скамью обвиняемых* в исправительную полицию; потянулись окна магазинов, заблестали кафе, бросились в глаза афишки на углах с такими чудовищными буквами, что Кадм отказался бы от чести изобретения азбуки^{186}, и книгопродавцы за зеркальными своими стеклами выставили картины, виньеты, карикатуры, новые книги, новые брошюры... Что смотреть? Куда идти?.. Необходимость идти куда-нибудь или, лучше ска-

зять, спасаться почувствовал я в ту же минуту, как задал себе вопрос, ибо промчавшаяся карета покрыла меня грязью с ног до головы, а два носильщика едва не сбили с ног... К числу немногих моих отличных качеств присоединил я еще новоприобретенное в путешествиях: необычайный инстинкт отыскивать замечательные предметы в городах; перенесите меня в Пекин – сейчас пойду по тому направлению, где должен наткнуться на императорский дворец, и проч. Так случилось и здесь. Я все шел прямо и вышел к Пале-Роялю, сам не знаю как. Это дворец, образовавший собою три двора: самое полное выражение людскости французской и палладиум Парижа. Под портиками этих трех дворов, из которых большой, последний, обращен в сад, собрано все, что только могла произвести промышленность блестящего, все, до чего только могло дойти ремесло. Размещение за зеркальными стеклами бронз, материй, кашемиров, перламутра, книг и даже живностей составляет здесь особенную науку, в которой есть профессора, магистры, кандидаты и проч. За известную плату являются они в магазин сообщить ему, из собственных его товаров, наружный блеск и репутацию вкуса. Нигде не видал я подобного искусства размещать вещи так, чтоб каждая оттеняла и выказывала другую, а целое составляло полный, живописный узор. Средняя галерея, соединяющая боковые флигеля, есть великолепная зала, покрытая стеклянным потолком, где постоянно кишит народ, и где роскошь боковых магазинов, простенки между ними,

занятые зеркалами, и газовое освещение вечером составляют какую-то чудную пестроту, в которой огонь, золото, бархат и прочее дробятся на тысячи лучей. Из этой галереи, вероятно, вышло известное идолопоклонничество почти всех французских писателей перед богатством и роскошью. Есть старые *habitués*²², посетители Пале-Рояля, которые в продолжение долгой жизни в нем одном находили удовлетворение всем своим потребностям и всем своим прихотям. Бедные, однакож, старые люди! Когда они умрут, может быть, их вывезут в церковь, и тогда над ними простонет орган несколько торжественных песен, а из церкви, может быть, их вывезут за город, и тогда разверзнется небо и поле перед погребальным кортежем; статья может, что мертвецы и подумают тогда нечто такое, вероятно, следующее: хороший воздух здесь заведен; жалко, что нам дышать уже нельзя. Однакож отступление, говорит справедливо один наш ритор, – «всегда более затемняет, чем красоту речи сообщает»; итак, продолжаю. В великолепных мраморных и раззолоченных залах, где за бюро сидят разодетые девушки, принимая монету и ведя счетные книги, а промежду столов ходят величавые мужчины с салфетками в руках и с презрительным выражением в лице, между тем как зеркальные стены обманывают глаз, образуя оптические бесчисленные галереи, – в этих-то залах приютились лучшие парижские кофейни и все знаменитости, посвятившие себя на служение желудку, как-то «Вери», «Вефур»,

²² Завсегдатаи (*франц.*).

«Trois freres Provencaux»^{187} и проч.

Так как vol-au-vent, котлеты a la victime^{188} и прочие довольно дорогие (3, 4 и 5 франков) приготовления не могут быть описаны, разделяя эту честь невозможности с пением райской птицы и с красотой женщины, то подивимся лучше необычайному распространению кухонных познаний во Франции и упрощению самой науки, вследствие чего отвергнуты все сильные прибавки, которые так злобно и упорно еще держатся у нас; из вещества выгнано все грубое, раздражающее и оставлен ему очищенный, облагороженный, дистиллированный его характер; каждое блюдо старается подходить под приманчивый вкус того животного или плода земного, которого имя носит, отстраняя все, что мешает тому. Это упрощение кухни, а вместе и дешевизна припасов (относительно Петербурга, разумеется), произвели те удивительные обеды в 2 1/2 франка, где с полбутылкой вина вы можете выбирать по весьма подробной карте четыре блюда и десерт, какие вам угодно, и получаете их в удовлетворительном виде, не так, как в Петербурге, в трехрублевом леграновском обеде^{189}, где каждое блюдо, кажется вам, посягает на жизнь вашу (особливо кусок говядины у него, подаваемый после супа, есть вещь, в отношении которой следует соблюдать всевозможную осторожность). Разветвляясь и дешеветя, обед парижский спускается в самые нижние слои народонаселения, съезживаясь и сокращаясь при каждом гра-

дусе понижения: последний предел есть обед в 10 су – 50 копеек. За этим восстает уже некая престарелая дева, именуемая статистикой (как выразился один ученый), и повествует страшные вещи. Медицинская комиссия в рапорте 14-го апреля 1841 года объявила: «Обман в торговле мясом, несмотря на бдительность полиции, столь обыкновенен в Париже, что мясо животных, умерших от болезни или убитых в болезненном их состоянии, достигает даже госпиталей». А потом статистика говорит еще: «В последнем возвышении цен на мясо лучший сорт получил прибавки 5 на 100, а третий, то есть собственно принадлежащий народу, 25 на 100. Тяжесть возвышения этого обратила бедный класс на мелочную продажу живности, убитой вне публичных живодерен, которая продается дешевле, хотя и платит пошлину гораздо значительней при въезде в город. В этой распродаже дело уже состоит не в исследовании внутренней доброты мяса, а в том, что на рынках Парижа часто и часто являются конина, собачина и мясо других отвратительных животных». А потом, разгораясь все более и более, престарелая дева прибавляет: «Да, счастливы те, которые, для удовлетворения голода, могут еще приобрести какую-нибудь, хоть и сомнительную часть говядины; а что сказать про тех, которым полиция насильственно должна возбранять похищение гнилой рыбы и испортившегося мяса, выкидываемого из монфоконской бойни? Что сказать о тех двух диеспских женщинах^[190], у которых муниципальная стража с трудом исторга-

ла куски двух коров, умерших от болезней и зарытых в землю?» И наконец, *пришед вне себя*, она же, престарелая дева, дрожащим голосом прибавляет: «Никогда не поверю... хоть и имею причины думать... что некоторые несчастные... были антропофагами!!!» Ужасно! Ничем лучше нельзя окончить описание великолепного Пале-Рояля. Это покажет вам, как страшно в этих городах с миллионом жителей соединяются и идут рука об руку непомерная роскошь и непомерная нищета; это пояснит вам, с одной стороны, восторги заезжих туристов, а с другой – беспокойное состояние общества; это поведет вас к разным заключениям, что все и имел я в виду, употребив мои выписки и предаваясь этим, впрочем мне несвойственным, сближениям.

Едва только продерет глаза парижанин, как бежит в один из бесчисленных здешних кафе читать журнал. Каждый божий день выкидывается типографиями оглушительный вопль разнородных мнений^{191}, где взаимно подстерегается каждый шаг противника, каждое обвинение встречает оправдание, каждая мысль наталкивается на другую, диаметрально ей противоположную, и эта постоянная, не умолкающая ни на минуту борьба только укрепляет журналистику? сдерживая все возможные партии в каком-то волшебном кругу, из которого ни одна выйти не может. Нет сомнения, что если на этой чудной арене, где идет самый отчаянный бой, а между тем нет убитых, где в ту минуту, как один из гладиаторов начинает одерживать решительное пре-

восходство, все другие забывают взаимную вражду и соединяются, чтоб опрокинуть его, – нет сомнения, говорю, что если на этой арене когда-нибудь будет действительно победитель, то Франция погибнет или в революционном вихре, или в другом каком-либо исключительном направлении. Так все ее значение, по моему убеждению, зависит от этого вечного движения, которое она осуществила не в физическом, а в печатном мире. Странное еще зрелище для непривычного глаза составляет отсутствие людей, имен в этой огромной сшибке. Везде в других землях борется человек с человеком, и имя некоторым образом делается представителем идеи: здесь враждует кто-то, известный под энигматическим ^{192} названием: «Debats» ^{193}, «National» ^{194}, «Commerce» ^{195}, и нет тут славы за хорошую мысль никому, и нет тут презрения за порочную.

Само правосудие является в делах *печати* только тогда, когда, забыв свое абстрактное политическое назначение, печать подымает голос на *лицо*, и только в этом случае падают на нее удары. Я сказал: «на нее»; я сказал слишком много. По тому же отсутствию лиц, удары падают на какое-то неопределенное, ничего не выражающее и часто совершенно бесталантное имя «управляющего ответчика», *gerant responsable*, который партией, издающею журнал, за тем и берется, чтоб сидеть в тюрьме; случалось, что три редактора газеты один за другим посажены были в *Sainte-Pelagie* ^{196}, а газета в пол-

ной красе и силе продолжала бежать К своей цели на всех парусах. Притом же преступления *печати* подлежат суду присяжных (*juries*), выбранных из граждан, и хитрому адвокату обвиняемого журнала стоит только вкрадчивым манером внушить господам судьям, что в их приговоре может пострадать общее право всех граждан, то вот они и изрекают свое: не *виноват*, несмотря на все усилия Правосудия. Это случается поминутно, и несмотря на это энергия юстиции в преследовании излишеств печати невообразима. В руках ее находится одно, но самое смертоносное орудие – денежный штраф^{197}, разрушающий капитал журнала: в тюрьму посадит она невинного, а деньги возьмет с виновной партии, и вот королевский прокурор накопляет процесс на процесс в той мысли, что если из пяти два удадутся, то партия ослабеет. Но и тут выходит новая беда. Если удалось разрушить партию, то остатки ее, присоединяясь к другой, с которой имеют сочувствие, увеличивают силу последней, и является новый враг, еще страшнейший... Что сказать вам еще? Разве вот что: если в каком-нибудь городе увидите вы человека, читающего одну французскую газету роялистскую или оппозиционную, не имеющего средств читать их вместе и содержание одной пояснить содержанием другой, то пожалейте о нем и старайтесь отвлечь его от этой вредной, бесплодной и искажающей суждение работы. В будущих письмах, если я получу от вас подтверждение писать об этом, сообщу как образ полемики, так и главные идеи, историю появле-

ния и условие существования важнейших журналов, а до тех пор вот вам табличка, показывающая корифеев этой борьбы, около которых вьется страшное количество второстепенных витязей, а вместе с тем определяющая и число существующих в настоящую минуту журналов: 1) династические или приверженцы установленной власти: «Journal des Debats», «Presse»^{198}, «Messenger»^{199}; 2) парламентские или в конституционном духе оппозиции: «Constitutionnel»^{200}, «Siecle»^{201}, «Courrier Francais»^{202}; 3) радикальные, требующие совершенной реформы: «National», «Commerce», «Journal du Peuple»^{203}; 4) легитимистские или приверженцы старой династии и монархии: «Gazette de France»^{204}, «Quotidienne»^{205} листки, которых цель осмеивать всякий факт, всякое лицо, к какой бы партии они ни принадлежали, которые каждое утро поставляют для обихода парижан продовольствие острот, каламбуров, пародий, карикатур, – которые даже и не преследуются за излишество; так согласна и юстиция в необходимости этого насущного злословия для нынешнего общества: «Charivari»^{206}, «Corsaire»^{207}. Самый мощный – отдел третий: он беспрестанно увеличивается новыми сподвижниками, хотя и теряет от этого силу, сообщаемую централизацией. Объявляют множество новых изданий. Только что появился по этому отделу журнал «Le XIX Siecle»^{208}, возвестивший, что в основание свое-

му предприятию положил он – угадайте сколько – 1 200 000 франков! Акции или подписка – 50 франков, и выходит, что для составления полной реализации той суммы, ему надобно было 25 000 подписчиков. Если тут все увеличено вполонину, то и половина еще составляет цифры огромные. А между тем нет ничего удивительного! Понять трудно, как распространено здесь чтение журналов^{209}. Не говоря о кафе и (бесчисленных) кабинетах для чтения, всегда битком набитых, вам всовывают в руки журнал, куда бы вы ни пришли: за обедом промеж двух блюд; в театрах промеж антрактов; у парикмахера, покуда он обдывает с любовью пукли на вашей голове; у портного, покуда смеривает он объем богатырской вашей груди и тонину античной вашей талии. Читают их фиакры, облокотясь на передний кончик дышла, читают их привратники, подбоченясь метлой, и у лакея, который аккуратно приходит в девять часов утра затопить камин мой, я, вместо того, чтоб спросить: «а какова погода?», как это делается везде, спрашиваю: «а что нового?» – «Да, двадцать седьмого декабря назначено быть открытию палаты депутатов», – отвечает мне муж сей, раздувая огонь, а из заднего кармана его торчит листок журнала, купленного за 15 сантимов на улице. Даже и обидно делается!

Но мечом согрешивший мечом и наказан будет. Так эта же самая политика, которою гордится француз, изгнала художественность в произведениях, чистое вдохновение и, что всего заметнее и поразительнее, разъединила в мысли Францию

от других народов. Представьте себе, что иностранная идея тогда только начинает появляться и занимать людей здесь, когда приняла в себя какой-нибудь политический элемент: чужое имя делается известным тогда только, когда попало в какой-нибудь водоворот происшествий. От этого собственно журналы, revues, представляют какое-то подобие человека в уединенной комнате, беспрестанно любующегося самим собою, и иностранцу это очень тяжело. Тут Сент-Бёв^{210} разбирает поэтов французских, которые существовали до Буало и которые никакого значения не имеют ни для искусства вообще, ни для истории искусства; тут исторические статьи в самом близком приложении к Франции и без всякого вывода для человечества; тут разборы некоторых форм правительственных, совершенно местных; тут, наконец, и огромные политические статьи. Но если в мимоидущих газетах личное и произвольное суждение о настоящей минуте имеет силу, как действие первого впечатления, первого порыва, так сказать, мысли к сознанию, то уж в журнальной статье все должно быть на верном основании, на законных выводах, на обдуманной плодотворной идее, готовой ко всяким приложениям, – и, господа, что же выходит? Вот пример: на днях появилось новое «Revue Independante»^{211}, издаваемое гг. Леру, Жорж Зандом и Виардо. Цель журнала – показать раны французского общества. В программе сказано^{212}: философам мы опишем состояние человеческого мышления

в настоящую эпоху; политикам – общественную политику, приличную нашему времени; ученым – пророчества истории касательно нашего века; артистам – нынешнее состояние искусства; гражданам – *индивидуализм и общественность* (!!!); *всем* – будущее общество! Громко, и сказать нельзя, как громко! В первой книжке и появились два начальные параграфа философам и политикам. Я тотчас принялся за первый: «Aux Philosophes: de la situation actuelle de l'esprit humain»²³. Шутка сказать! И что же? «В средние века общество было очень порочно составлено; общество точно такое осталось, как в средние века, – то вот в каком состоянии нынче ум человеческий». Ей богу, самая верная эссенция статьи! И все подвиги Германии на поприще мысли, и все заслуги прошедшего столетия этим определением, что называется, *порешены*! Со всем тем, при нелепости главной мысли, есть что-то любящее, сочувствующее человеку в этой статье, страдающее ему, что отношу к участию Жоржа Занда в издании. Один Пишо с сыном в «Revue Britannique»^{213} сделался проводником английской литературы; но переводные его статьи, часто весьма замечательные отдельно, мало, однакож, дают понятие о состоянии вообще английской литературы, потому что выбраны без цели и ничего не определяют.

В последней книжке находится статья об Эстонии^{214}, написанная какой-то англичанкою, бывшею и в Петербурге.

²³ «Философам: о современном состоянии ума человеческого» (франц.).

Переводчик статьи кратко говорит, что автор прожил некоторое время в Петербурге, был очень хорошо принят одним семейством; город и жители ему очень нравятся, но покинул он их с радостью. Миллион бомб! Да как же это так?.. Впрочем, надо сказать, в последнем замечании я крепко подозреваю фантазию г. переводчика или редактора. По действию в высочайшей степени раздражительного народного тщеславия, которое однакож составляет великую мощь нации, ни один француз не скажет доброго слова ни об Англии, ни о Германии, ни об Италии, ни о России без того, чтоб не оговориться и не попросить извинения у соотечественников. Непременно прибавит он к панегирику «Правда и то, что я находился в это время в особенно счастливом расположении духа: у меня умерла тетка», или, в крайнем случае, объяснит похвальное на свой манер: «Сближение с французскими идеями произвело все эти счастливые последствия». Вот и вся недолга! Поразила меня еще следующая фраза в этой статье: «Она имела счастье познакомиться с одним из высших русских офицеров, что доставило ей возможность видеть львов большого света...» Ну, нечего сказать – услужил ей высший русский офицер, и очень бы мне хотелось знать, как показались ей, после британских львов, наши посильные подражания. Наконец, переходя от revues к брошюрам, которые в эту минуту наиболее читаются, упомяну о так называемых «Физиологиях»^[215]. С легкой руки какого-то шутника, говорят, профессора, написавшего книжечку нравов,

уж я и забыл какого сословия, и выдавшего ее под заглавием «Физиология» имя рек, – появились тысячи брошюрок с виньетами и гравюрами, буквально наводнивших библиотеки. Каких тут нет только физиологии! Мастерового, депутата, солдата, фланёра, и проч. и проч.; наконец, физиология перчатки, наконец, физиология извощичьей лошади; того и гляжу, что появится физиология праздного славянина, объезжающего неизвестные государства, – с моим портретом.

Наиболее обращающие внимание брошюры: ноябрьская книжка «Les Guerres»^{216} Альфонса Карра^{217} и «Almanach populaire»^{218}. Первая объявляет претензию на совершенное беспристрастие, философическое презрение к знакам отличия, что явно доказывает существование грешной мечты и тайное страдание в неимении их, между тем, как Александр Дюма^{219} (страшно обидно!) имеет, кажется, четыре или пять, Евгений Сю^{220} (да будет он проклят!) тоже украшен, да и Виктор Гюго^{221}, да и Ламартин^{222}, да и множество других, все с бутонарьками! Тут поневоле сделаешься беспристрастен и будешь издавать весьма смешные брошюры, в которых происки, промахи, интриги всех партий остроумно и бесщадно выводятся наружу и которые имеют всю занимательность умной сплетни или рассказа какого-нибудь хитрого домашнего шпиона, вроде наших старых сплетниц! Вторая брошюра не столько замечательна своим содержанием, где в коротеньких статьях приведены факты

разных бедствий – нужд и требований бедного класса, сколько по случившимся с нею маленьким обстоятельствам. Палата депутатов дозволила цензуру на гравюры и театральные пьесы. Цензура остановила гравюры альманаха, показавшиеся ей несколько вольными. Альманах, вместо гравюр, приложил описание их, которые далеко превзошли все, что было вольного в гравюрах; но теперь дело устроилось, картинки возвращены брошюре, и брошюра осталась при гравюрах и при своих пояснениях гравюр! Успех книжонки Карра породил множество других, в числе которых особенно замечательны «Nouvelles a la main»^{223}; успех «Альманаха» произвел огромную фамилию политических альманахов, под разными заглавиями: альманах владельцев, мастеровых, честных людей и проч. Все эти книжечки блистают за стеклами книгопродавцев, развернутые часто на самых жарких своих страницах, и филиппика таким образом против порядка вещей зароняется в душу проходящего невольно почти, навязывается насильно тому, кто не думал никогда покупать книжонки, и тем сильнее входит в грубый мозг, чем она дерзновеннее и поразительнее. Так вот-с как бьется жизнь в Париже в настоящую минуту.

Всю способность многоглаголения, мне врожденную, употребил я, чтоб уловить и передать вам удары пульса в этом Вавилоне: не знаю, успел ли! Я даже не хочу вам на этот раз писать о книгах, о лекциях в Сорбонне^{224}, о курсе Ройе-

Коллара^{225}, о замечательных увражах²⁴, что все бесспорно принадлежность, пояснение общества, но все как-то отвлеченнее, как-то дальше от настоящего парижского облика. В будущих письмах вмещу и эту статью, а до тех пор вот та последняя черта, которая должна, по моему мнению, уже непременно воссоздать полный образ новых Афин перед вами, подобно как в кабалистической^{226} фигуре Нострадамуса^{227} последняя черта выводила за собою тотчас бесика с рогами. Вот вам параграф о театрах.

Семнадцать – кроме концертов и панорам!^{228} Семнадцать – каждый день!.. В долгое мое пребывание в Италии я совсем отстал от водевилей и комедий с куплетами, и вдруг целый поток их вылился мне на голову. Естественным следствием было чувство удивления и какая-то моральная лихорадка, если смею сказать. Я никак не мог привыкнуть ни к одному из театральных условий, производящих здесь комические сцены: кареты, которые увозят не того, кого надо, люди, которые прячутся в корзинку один за другим и не встречаются; женщины, переодевающиеся в мужчин, и которых не узнают даже родители их, между тем как зритель по некоторым наружным признакам тотчас смекает дело; мужчины, переодевающиеся в женщин, и которых другие мужчины целуют в губы, нимало не чувствуя бороды, весьма заметной из партера, и миллион других нелепостей, совершенно сби-

²⁴ Увражах (*франц. ouvrage*) – литературных произведениях, сочинениях.

ли меня с толку. Мне все казалось, что если поверить всем этим водевилям, которые вам придется еще разбирать и на русской сцене, то должно будет согласиться, что общество составилось не разумно, а наоборот, сочинено каким-нибудь веселым юнкером после доброй бутылочки. Теперь начинаю я ощущать необычайную радость, когда вижу на афише прибавку к заглавию пьесы: «шалость, пародия, *charge*²⁵». Ну, слава богу, думаю: хоть выведи мне полицейского, задумавшегося о первой любви своей, или ростовщика, плачущего на могиле своей матери, или какую хочешь нескладицу, – все будет хорошо: ведь это шалость! Да и парижане невольно чувствуют иногда потребность выйти из этого шабаша происшествий, характеров и мыслей, родившихся незаконно, как будто брокенские ведьмы и колдуны создали для потехи и в пику настоящему свету свет театральный. Чуть явится пьеса, мало-мальски похожая на человеческую, – как гром этой новости разносится по всем концам Парижа (иногда переходит Францию, достигает моря великого Балтийского и не дает заснуть покойно переделывателю Адмиралтейской части^{229}). Со всех сторон стекается тогда Париж в счастливый театр, имеющий человеческую пьесу, и она выдерживает сто представлений сряду. Это случилось с комедией «La Grace de Dieu»^{230}. В эпоху разврата прибыла в Париж хорошенькая савоярка. Через несколько времени возвращает-

²⁵ Шарж (франц.).

ся она домой, измученная, обманутая, полусумасшедшая. На душе горько сделалось мне, когда в конце пьесы, по неслыханному отсутствию всякого такта, авторы привели молодого герцога к ногам обманутой им савоярки и таким образом уничтожили весь смысл предыдущих актов. Однакож не должно смешивать нелепость французскую с тем, что мы понимаем под этим словом. Русские нелепости – вещь странная: волосы становятся дыбом; французская нелепость, напротив, полна остроумных намеков, идет живо, и допустите только возможность лжи, лежащей в основании, согласитесь на нее, – выводы и следствия часто весьма забавны, а иногда и искусно расположены. Притом же все эти нелепости имеют счастье быть обставлены талантами, из которых каждый отдельно мог бы составить славу целого театра, – как г-жа Аллан^{231} например! Сколько тут оттенков в самых талантах: почти для всякой ноты есть человек, который особенно хорошо берет ее: роскошь! Странное дело! ни одного почти из знаменитых актеров не видел я в естественном, нормальном состоянии: все возвели силою таланта бедные свои роли почти до очевидности, до созвучия с жизнью и действительностью. М-лле Дежазе^{232} (театра Palais-Royal^{233}) видел я в красных штанах, в белом парике, и со всем тем, как верна она была характеру гризетки, возвратившейся поздно ночью из маскарада на чердак свой, несмотря на чудные случаи, приключившиеся с нею в эту ночь. М-лле Соваж^{234}

(театра Varietes^{235}) видел я в роли дамы двора Людовика XV, влюбленную в мулата, освобожденного невольника, и со всем тем как чудно сквозь ледяную, пышную ее физиономию пробивалось истинное чувство! Арналя^{236} (театра Vaudeville^{237}) видел я в роли притворного слепого, перед которым падают покровы, а по-человечески сказать, раздеваются девушки, и ни разу не перешел он в цинизм, все его ужимки и последнее восклицание, открывшее обман, все это было верно. Одного только Буффе^{238} (театра Gaité^{239}) видел я на твердой земле, в пьесе, которая имеет первые черты характеров, «Gamin de Paris»^{240}, – да больше и не нужно. Исполнить эти первоначальные указания есть дело актера, и как полна вышла роль у Буффе! Переходы от комизма к драме, от смеха к слезе и снова к смеху, в котором, однакож, дрожит еще остаток сильного чувства, были превосходны. Не упоминая о mesdames Плесси^{241}, Анаис^{242}, Леменель^{243}, о гг. Гиацинте^{244}, Равасе^{245}, Левассоре^{246} и проч. и проч., оставляя все это до будущих писем, я перейду к светилам первых величин – к классической трагедии и новейшей мелодраме, к театру, куда собираются пэры Франции, и куда ездит королевская фамилия (Theatre Francais)^{247}, и к театру, где собирается молодежь коллегий, воспитанники политехнической школы, да буржуа, жаждущие сильных потрясений (Theatre Porte Saint-Martin)^{248}, –

перейду, одним словом, к пресловутой г-же Рашели {249} и не менее знаменитому г. Фредерику Леметру {250}. Не подумайте, что Рашель мощью таланта претворила все длинные монологи в нечто живое и необходимое; не подумайте, что, в продолжение долгих и часто грозных повествований наперсницы или другого лица, все чувства сменяются постепенно на физиономии ее, так что мимическая игра актрисы поправляет все, что есть фальшивого в роли; не подумайте также, что, наконец, глубокое соображение, в соединении с вдохновением, побеждают все трудности, всю ложь классической трагедии и создают лицо возможное, великое, поэтическое (вещи, которые, говорят, делал Тальма {251}); не подумайте, сделайте одолжение, всего этого, – а вообразите высокую худощавую девушку, с черными, как смоль, волосами, которая декламирует стихи с особенным напевом, непохожим на старый вой, да непохожим и на действительную речь, и только в минуту сильного душевного порыва, особливо иронии, особливо негодования, ненависти или проклятия возвышается до высокого драматизма. Как-то судорожно сжимается лицо ее, слова бегут скоро-скоро (а сколько слов!), мерный стих дробится, поглощается, и часто конец монолога совсем пропадает, а вместо его видна только артистка в состоянии экстаза, с дрожащими губами и пламенеющим оком. Это хорошо! Жюль-Жанен вздумал было разрушить собственное свое дело {252}, то есть колоссальную репу-

тацию Рашели, и – не мог. Публика взяла сторону артистки: публике нравится новая ее декламация, ее вольности, ее порывы, даже несообразности ее, все ей нравится в счастливой дочери Исаака! Каким свистом покрыла она шутника, который в трагедии «Ногасе» Корнеля^{253} вздумал было усмехнуться, услышав, что Куриаций говорит Горацию: «но твое рассуждение пахнет варварством», «tient de la barbarie», и та же публика хохотала до упаду в новой освистанной трагедии Вьенне «Арбогаст»^{254}, услышав, что император Феодосии галантерейно говорит супруге зарезавшегося Арбогаста: «Не предлагаю вам утешений». А по-моему, я уже предпочитаю это последнее утешение тому первому варварству. Что касается до Леметра, то представьте довольно пожилого человека, который чудовищные свои роли играет весьма просто, не подготавливая зрителя к катастрофе и не разгорячая его ничем, в полной уверенности, что воображение гг. составителей мелодрамы постоит за себя. Это весьма умно. Выкинуть ли жену за окошко, как в «Ричарде Дарлингтоне»^{255}, отравить ли любовницу – плевое дело! Жена берется и выкидывается; нож в руки – и молодого путешественника как не бывало. Ужас достигается еще скорее этой простотой, беспечностью, так сказать, преступления, чем всеми возможными пояснениями актера; да и сколько раз случилось мне заметить в Петербурге, что слишком сильный талант портит мелодраму, думая поднять, возвысить ее. Та же метода у Леметра во все

продолжение пьесы, при всех возможных толчках и во всех возможных положениях, какие только благоугодно было выдумать автору, и лучшего актера для этого рода сочинений вряд ли где можно найти. Мне остается только сказать вам о двух операх, итальянской и французской. О, когда в первой Тамбурини^{256}, Лаблаш^{257} и г-жа Персиани^{258} сольются в одном звуке и потом, разъединившись, после множества уклонений, разными путями приходят опять к прежнему своему пункту, это апофеоз итальянской оперы и вместе человеческого голоса! К несчастью моему, Рубини^{259} в Мадриде, и мне недостает, как и Парижу, еще одного звука в этой удивительной группе. Французская опера страдает недостатком талантов; все певицы обветшали. Исполнение «Жидовки»^{260} и «Роберта»^{261} зело посредственно. Дюпре^{262}, говорят, много ослабел, но все-таки в роли Елеазара услышать вместо свистящей фистулы, как мы привыкли, настоящий человеческий голос и вместо судорожного крика благородную ноту – не последнее наслаждение. Обстановка этих опер ничуть не лучше петербургской, за исключением их последних актов, которые здесь, разумеется, полнее, шире. Во французской опере танцует Фиц-Джемс^{263}. Постарайтесь уверить кого нужно, что известные у нас средства, как-то: короткие платья и прочее, предоставлены уже провинциальным театрам и уличным плясунам, и тайна очарования перешла к составлению самих па, которые походят

на фрески Помпеи, барельефы Капуи, достигают своей цели вернее и вместе не исключают грации – почему и дамы ими любят, как любят Венерой и Дианой...

Но когда же я кончу мою статью о театрах? Вот еще гремят трубы Франкони^[264], вот еще висят картины на балаганах *Campo Elysees*²⁶ с чудными женщинами, ребятами-дивами, животными, укрощенными, как женский пансион; вот еще кафе-спектакли, где вы спрашиваете чашку кофе и куда поглощаете ее за цену, ей определенную, разыгрывается перед вами народный фарс. Каждый вечер у бюро всех театров образуется масса народа, жаждущая дешевого билета в партер (2 франка, в операх – 4; места порядочных людей, то есть *stalles d'orchestre*²⁷, стоят 5 франков в маленьких театрах и 10 в операх); каждый вечер растягивается у всех бюро черный длинный хвост, постепенно приходящих за билетами, оберегаемый и сдерживаемый в повиновении солдатами с ружьями; каждый вечер врывается эта толпа во все театры, звучным говором изъявляет свое удовольствие и с многочисленными знаками нетерпения ждет удара смычка и поднятия занавеса. Мне казалось иногда, что толпа кричит: «газет и театров!» Но так как на другой день журналы ничего не говорили об этом, то я и сам сомневаюсь в достоверности известия и отношу это к впечатлению, произведенному на меня сильным изучением римской истории.

²⁶ Елисейских полей (*франц.*).

²⁷ Места в партере (*франц.*).

Я старался для первого моего письма отобрать самые яркие черты; но вижу, что труд мой пропал... Я забыл главную – забыл парижских женщин. Утомление превозмогает желание разобрать эту статью – до нового присеста. Как-то скоро, усиленно, полно живет мне здесь. Часы, дни, недели бегут быстро невероятно. Не имею времени войти в самого себя и порассчитаться с собственной особой... А между тем чувствую, что вся суэта эта не похожа на праздность и безделье. Иначе отчего же было бы мне любо на душе? Праздность и безделье никогда еще не награждали человека довольством и весельем духа, ей богу!

Да, часто, любезный друг, по утрам выхожу я на набережную Сены, поднимаюсь на мост Pont-Royal и, облокотившись на перилы его, смотрю на оба берега мутной реки. С правой стороны тяжелый, массивный Лувр соединяется длиною галереей с Тюльери, закрывая от глаз площадь Карусель и триумфальную арку Наполеона. За Тюльери идет его сад, оканчивающийся у площади de la Concorde²⁸, с ее Луксорским обелиском^[265], с которой уже начинаются Champs-Elysees, оканчивающиеся опять триумфальной аркой de l'Etoile. Поверните направо от Тюльери и вы выйдете на Вандомскую площадь, а с нее на знаменитые бульвары, на эти бульвары, преисполненные магазинов, рестораторов, театров, где столько было кровавых сцен и сколько еще будет! С левой стороны реки видны на небе два купола – Пантеона и Ин-

²⁸ Площади Согласия (франц.).

валидного дома, составляющие как будто восклицательные знаки этому берегу, на котором красуется академия, палата депутатов, а далее вглубь – коллегии, Сорбонна, Люксембургский дворец, место заседаний палаты пэров. Прямо перед вами на самой реке виднеется остров Cite, зерно, из которого вышел Париж. Остроконечные крыши домов его прекрасно довершаются двумя башнями Notre-Dame de Paris²⁹. И теперь скажу, когда все это пространство зальется народом, когда зашумит, заволнуется он, когда подумаю я, как внимательно смотрит Европа на его занятия и поведение – моя роль бесстрастного наблюдателя делается мне приятна и дорога. Есть в ней и наслаждение, и поучение! Мне кажется, как будто для занятия моего родились на свет все эти страсти, все эти теории, все эти победы и поражения. Играйте же, актеры, шуми, оркестр, и тешьте, и развлекайте меня, как это предписано условием для всяческих представлений!.. Прощайте!

²⁹ Собор Парижской богородицы (франц.).

IX

Париж. 7-го февраля 1842 года.

Праздники здесь начались весьма своеобразно, а именно – новой оперой Галеви^{266}, неистовыми балами-маскарадами в театральных залах, приговором к смерти трех заговорщиков^{267} (после помилованных), осуждением журналиста Дюпоти^{268}, приговоренного к пятилетнему заключению, полную реакцию правительства духу неограниченной свободы и увеличением гарнизона. Я присутствовал на весьма важном заседании палаты пэров^{269}, когда адвокаты в черных своих мантиях и в трехгранных шапках, которые давали им очень большое сходство с портретами Вандика^{270} и Рубенса, вставали один за другим, защищая каждый своего обвиненного клиента; я видел этого Дюпоти, которому судьба предоставила быть козлом покаяния журналистики, и в виде которого посадили на одну скамейку с убийцами всю революционно пишущую братию. Не возможно было дать более сильного урока! Трибуна обвиненных представляла контраст поразительный: на одном конце скамейки сидел Кенниси, выстреливший в принцев плотный, ражий мужчина, с грубыми чертами лица и в синей блузе работника; на другом – молодой человек лет 33, щегольски одетый во фраке, завитый, в белых перчатках, лев, одним словом! Адвокат-

ское красноречие есть что-то условное, зело напыщенное, не исключая театрального эффекта и трескучей фразы, но поразительное особенно для свежих глаз, каковы мои, искусством отыскать уголок в кодексе, буковку, недоразуменьице, что-нибудь наконец, и если не закрыть обвиненного от меча правосудия, то смягчить удар по крайней мере. Есть что-то великодушное и в размахивании руками, и в придуманном понижении голоса, и в этих вопросах, долженствующих остаться без ответа, и в этих восклицаниях. Кажется, будто дело идет о собственной голове защитника; приходит мысль: вот человек, который для благородного своего подвига не погнушался бы сделаться балетмейстером, механиком увеселительной физики и даже составителем живых картин. Я думаю, Палье, неистово и прехитростно выпутывавший Кенисе, отдал бы половину своих доходов, чтобы какой-нибудь шутник сделал искусственный гром над головами пэров в середине его речи. Однакож последствия доказали, что ни главный прокурор Геберт^{271}, сидевший за особенным столом в красной мантии, ни канцлер, сидевший за другим, ни все почтенные пэры, сидевшие полукругом и украшенные почтенными сединами, а большей частью ничем похожим на волосы не украшенные, не были увлечены красноречием адвокатов. Дюпотти, почти сглаживавший важность настоящего преступника Кенисе, приговорен был к пятилетнему заключению, всегдашнему состоянию под присмотром полиции и уплате издержек, и Франция почувствовала наконец, что у

ней есть чья-то сильная правительственная рука. Этим ударом и побочными, следовавшими за ним, совершенно нарушено то равенство борьбы между всеми партиями, о котором я писал в последнем письме. Напрасно журналисты выдали декларацию, а провинциальные прислали депутатов для подтверждения ее своими подписями; напрасно говорила! она о гонениях на печать и принимала решение защищать свободу тиснения донельзя: это уж не тот манифест журналистов, с которого началось постыдное кровопролитие 1830 года ^{272}. Я видел вслед за этим следующее. 31-го декабря выпущен был из темницы Ламне ^{273}. Толпа молодежи и учеников собралась перед его окнами, кричала: «vive!», требовала появления его на балкон, как вдруг будто из земли появился отряд солдат, запер улицу с одной стороны, взял ружье под приклад и по команде офицера пошел тихо на толпу, сдавил ее, выгнал на бульвар и скрылся.

Душою всех внутренних и внешних событий – Гизо ^{274}, замечательнейшее лицо нашего века. Сколько ненависти, сколько восторга! Решительно можно сказать, что во Франции нет ни одного человека, который говорил бы о нем хладнокровно и который с его именем не открыл бы все задушевные свои мысли. Притом же, он и загадка для современников: хочет ли он утвердить монархию на таком незыблемом основании, что уже никакое столкновение партий не могло поколебать ее, или только эгоистически хочет торжества сво-

ей партии мещанства, bourgeoisie; свергнет ли его палата депутатов, или он попрет это собрание – неизвестно...

На театре Porte Saint-Martin дается ныне презабавная шутка, под именем «1841 и 1941 год, или Париж сегодня и Париж через сто лет». Это одно из тех обозрений, о которых всякая новая выдумка, всякий новый роман, пьеса, происшествие, заслужившее Почему-либо внимание публики в прошедшем году, находят каламбур, остроу, пародию. Пьеса открывается разговором работников у артезианского колодца: это знаменитый парижский Гренельский колодезь, который точно в прошлом году так проказил, как будто сам напрашивался в водевиль: во-первых, завяз в нем кусочек инструмента, которым ковыряли его, а во-вторых, вместо ключевой воды стал он выбрасывать массы грязи и возродил опасение в ученом мире и в правительстве, что обессилит грунт земли, на котором стоит Париж, и приготовит таким образом поглощение сего нового Вавилона. На сцене колодезь этот выбросил вместо грязи прехорошенькую девушку, легко, но благопристойно одетую – Истину, которая, в награду за случайное свое освобождение, дает зеркало владельцу колодца и говорит: «Ты узнаешь настоящее значение всех вещей». С этого начинается ряд сцен, выводящих чрезвычайно остроумно в карикатуре все, над чем плакал Париж, за что платил деньги, о чем толковал серьезно, а за ним и многие иные языки, все, чем восхищался. Теперь Париж ломится в театр поохотать над самим собою и сказать: «Какой же я был ду-

рак!» Чудесная пьеса! И мне пришло в голову в антракте, когда отдыхал от непрерывного смеха, разобрать вам ее ради поучения, пополнив некоторыми собственными комментариями, впрочем, везде ясный, сильный и во многих местах высокого достигающий текст ее.

Итак, вот является олицетворение нашего века открытий и выдумок в особе г. Блакфорта^{275}. «Что я сделал в прошлом году? А вот посмотрите: я изобрел для артистов головного убора восковые фигуры женщин во весь рост, которые за зеркальными стеклами великолепных магазинов, освещенные сильным светом газа, повертываются весь длинный зимний вечер действием особенной машины перед глазами проходящих и толпы праздных гуляк, осуществляя таким образом возможность сказки Гофмана»^{276}. Вслед за этим вносят пьедестал. Блакфорт нажимает пружину, и является девушка, великолепно расчесанная, с открытой грудью, и вертится медленно, вертится постоянно. Потом: «Я изобрел средство косые глаза возвращать на настоящий путь, так что с этих пор весь род человеческий будет правильно смотреть на вещи!» И тут же производит операцию, которая несчастного пациента обращает в какое-то чудовище. «Мало того: я подрезываю язычок в горле». И болезненное мычание молодого человека, потерявшего дар слова после операции, возвещает об успехе нового открытия. Наконец, показывает он ящик с замком-капканом от воров, имеющий один недостаток: он так дорог, что, купив его, вы ничего не оставите

для сохранения, – и фельетон журнала с повестью, каждый раз отсылаемую к следующему номеру, так что склеенные вместе листки составляют огромную ленту, для развития которой недостает сцены театра. Блакфорт тут же предлагает писать вместо: *окончание впрёдъ* – «Окончание завещаю законному наследнику моему». Тем и ограничился Блакфорт при исчислении новых открытий; но обозрение его далеко неполно. Куда же девал он объявления, печатаемые на последней странице журналов? А это последняя страница есть такой волшебный мир, с которым не может сравниться никакая фантастическая сказка. Там растут китайские деревья, приобретая в 13 дней толщину дуба, считающего себе сотенку-другую лет; там есть печь, которую стоит только внести в комнату, чтоб она обратилась в паровую баню; там есть порошки от известных болезней, не требующие ни малейших предосторожностей и столь невинные с виду, что вы можете глотать их перед 12-тилетней девочкой, и она спросит только: «Зачем вы едите конфеты, когда это зубам вредно?» Там есть неизносимые платья, шляпы, на которые пропущен был, с согласия Англии, Атлантический океан, и они выдержали опыт; негсгораемые свечи, лампы почти без масла, сапоги, излечивающие подагру: совершенный ералаш физических законов мира!.. Необходимость сбыть товар произвела известный кредит, которым славится Париж, а необходимость иметь наличную деньги произвела все эти шарлатанства и услужливость «гг. ремесленных профессоров», как

они себя называют. Не солгу вам ни в едином слове, если скажу, что г. Штауб, знаменитый портной, оценив с опытностью знатока красоту моих луидоров, собственной своей особой изволит часто ждать в передней аристократического моего пробуждения. Говорят также, что я за честь заставить зевать Штауба от скуки плачу 10 и 20 франков лишних при каждой вещи... Та же нужда денег породила вещь почти непонятную: музыкальная газета, например, за 24 франка в год дает вам, кроме номера журнала, десятка два новых романсов, десяток портретов виртуозов и три или четыре концерта, где участвуют многие знаменитости итальянской и французской опер. А вот это как покажется вам: вы подписываетесь на газету «Фигаро»^{277}, платите деньги и получаете билет абонемента. Кажется, и все? Как бы не так! Ступайте в любой из трех богатейших магазинов, приторгуйтесь к вещице и вместо денег заплатите билет абонемента: его примут как ассигнацию, а газету вы все-таки получаете как ни в чем не бывало. Тут уж человеческая догадка должна признаться в собственном бессилии, и тупой ум мой ничем другим изъяснить это не может, как только желанием гг. издателей ощутить, во что бы то ни стало, давление империи на ладони. Кстати о магазинах. Здесь существует приятное обыкновение дарить друг друга в новый год вследствие пословицы: «Маленькие подарки способствуют дружбе». Недавно огромные окна магазинов, а магазины здесь это целые улицы, это бесконечный переход от кашемира к едва существующим (так лег-

ки!) тканям и от них к бронзе, золоту, картинам, статуйкам и проч., – эти окна залиты были подарочными вещами. Конечно, прошел тот удивительный век, когда богатый человек мог сидеть на кресле, которое само по себе было художническое произведение, смотреться в зеркало, принадлежащее к истории искусства, когда Бенвенуто Челлини^{278} помечал в записках своих: «Я сделал превосходную чашу кардиналу... Я выковал рукоятку кинжала для герцога...» и проч.; нечего и говорить: все зримое и покупаемое нашим поколением – без стиля, ничтожно, мертво; но здесь как-то оно замысловато в собственном бессилии, хитро в пошлости своей, мелочно со сноровкой, и есть некоторого рода польза и занимательность в рассматривании нынешнего ремесла в полном его проявлении. Наконец, упоминать ли вам о мелкой промышленности, которая собирает остатки обкуранных и брошенных сигар, чистит вам за 10 копеек сапоги, продает листки вечерних журналов за ту же сумму, играет на кларнете, придерживает вас за 5 копеек, когда вы выходите из кабриолета, и, словом, живет пылью, упавшею с ваших ног, прокармливается гвоздем, выпавшим из вашего каблучка, спекулирует сброшенной перчаткой и проч. К числу, может быть, самых замысловатых выдумок нашего века принадлежат ухищрения воров, несмотря на бдительность полиции, которая, надо правду сказать, удивительна. У одного из знакомых моих вытащил из кармана фрака 300 франков молодой человек, спросивший у него о дороге куда-то и тотчас

же узнавший в нем иностранца по ответу: «Я тоже иностранец, – сказал он, – и могу поделиться с вами некоторыми сведениями: вот площадь Согласия, это Лукзорский обелиск, а это церковь Магдалины: обратите внимание ваше на горилеф фронтона»... А покуда он обращал внимание, кошелек противозаконно переменял хозяина. Последняя воровская штука, здесь случившаяся, решительно принадлежит истории мошенничества и водевилю. Известно, что дамы самого высшего легитимистского общества являются в дома «кестировать», собирать милостыню на бедных своего округа, и ради благородного своего подвига, даже в знак христианского смирения, вступают в комнаты холостяков, взбираются на чердаки и не гнушаются самых черных закоулков дома. Не нужно говорить, что сделало мошенничество проклятое... Подъезжает великолепная карета; человек в чулках и пряжках отворяет дверцу, выходит дама, щегольски одетая, по имени де-Фюсак или что-то такое на *ак*; и, обобрав порядком весь дом, благополучно отъезжает. Исправительная полиция, заседания которой, как вообще всех судов, публичны и находятся в Palais de Justice, старом здании на острове Сите, представляет иногда сцены занимательнее драм круглого года. В будущих письмах я вам опишу (разумеется, если ответите мне на это письмо) все здешнее судопроизводство, а теперь только скажу, что формы его одинаковы как для уголовного преступника, так и для хмелем ушибленного, и что мне казалось, будто с этими ограниченными формами нель-

зя даже Павлушу какого-нибудь выучить басенке г. Б. Ф. ^{279}
Однакож нет... Да, впрочем, это после. Пояснив таким образом первую сцену, возвращаюсь снова к пьесе.

Толпа модисток с визгом выбегает на сцену, преследуя какую-то девушку в шубейке. «Подайте нам ее: она перепортила у нас все поддельные цветы, подмочила башмаки и расстроила все наши предположения!» «Да кто же ты?» – спрашивает почтенный старичок, владетель зеркала, у гонимой девушки. «Лето, сударь», – отвечает шубейка. Не знаю, справедлива ли эта насмешка над летом, но что касается до зимы, то это совершенная самозванка. На улицах грязь, недельку простоял холодок в семь градусов, да и пропал: фонтан Пале-Рояля бьет до сих пор, Сена течет без льда... Разговор модисток в этой сцене есть местная непереводаемая карикатура. Вообще, присутствие женщины в Париже поразительно заметно; решительно нет ни одного магазина, ни одной лавки, ни одного ресторатера, где бы не было за бюро и прилавком красиво одетой девушки, в передничке и ожерелье. Даже в публичных lieux d'aisance³⁰, где берут с вас за удобство, соединенное с некоторою роскошью, 15 копеек, даже и там в конторе счетные книги ведет и деньги принимает молодая женщина, одетая в снуровку. В маскарадах Большой оперы лоретки в черных капюшинах своих интригуют, ревнуют или бесят своих поклонников; но что делается в зале тем первым классом, погибшим – это описать

³⁰ Уборных (франц.).

трудно! Женщины в мужских костюмах и мужчины в разных фантастических одеяниях, охватив, сжав друг друга, вихрем несутся вдоль залы, опрокидывая все, что попадет на пути. Вопли и бешеные крики неистового удовольствия возносятся до небес; громовая музыка не в состоянии заглушить адский шум; всякое движение есть обида, с умыслом нанесенная приличию; всякое слово – неблагоприятие или вольность человека, разорвавшего на некоторое время все связи с обществом и его условиями. В первый раз, как я увидел эту оргию, эту скачущую толпу, услышал эти визги женщин, меня кинуло в дрожь буквально: мне показалось, будто пушечным выстрелом выкинуло меня вдруг из настоящей жизни куда-то за две тысячи лет к вакханалиям^{280} и луперкалиям^{281}; таковы маскарады Парижа в Большой опере! Какая разница, боже мой, с балом, данным в зале Opera Comique^{282} высшим легитимистским обществом в пользу ancienne liste civile, то есть пансионеров Карла X^{283}! Билет стоит 20 франков. В 10 часов все ложи наполнились разодетыми дамами, и soup-d'oeil³¹ снизу на эти три ряда цветов, женских головок и туалетных драгоценностей был превосходный. В самой зале чинная теснота, толчки утонченной вежливости, молчаливые кадрили. Берье^{284}, знаменитый оратор легитимистской партии, принимал поздравления в ложах от дам за речь, произнесенную им в это же утро в

³¹ Взгляд (франц.).

палате против права взаимного осмотра кораблей державами: тут он изверг хулу на англичан ^{285} и поднял бурю! Но и Гизо, отвечавший ему, стоил поздравлений: его ледяная речь рядом с огненной импровизацией Берье, захватила энтузиазм палаты и остановила его. Наконец, упомяну вам еще о классе женщин: это гризетки, то есть девушки магазинов, труда, ремесла, которые для перенесения жизненных тревог соединяются в группы тоже с трудом и ремеслом – со студентами, артистами, стихотворною и повествовательною молодежью, и все это участие женщин в обществе дает Парижу особенный характер, не без некоторой прелести, не без некоторого нежного оттенка. Скажу это для поучения тех, кто считает городок этот смесью крови и грязи ^{286} и укореняет такое мнение в публике.

Возвратимся к пьесе. Великое затруднение причиняет всем сущим на сцене бюст Мольера, которому никто не может найти приличного места, подобно тому, как правительство не знало, в каком углу Парижа поставить ему памятник. Происходит по этому случаю замечательный разговор: поставить его на площади Медицинской академии нельзя: он так часто оскорблял медицину; на площади Сорбонны нельзя: он не любил педантов; словом, перебрали все площади, и ни одна не годилась для Мольера: он оскорбил почти все площади и почти все народные памятники. Досталось бы от него, думаю, и нынешней Сорбонне, и нынешней

College de France^{287}. В этих двух зданиях происходят публичные лекции знаменитейших профессоров Парижа, получающих жалование от правительства, и лекции которых, посещаемые всеми классами народа, принадлежат к числу парижских зрелищ^{288}, во-первых, по отсутствию, по крайней мере в философских и литературных лекциях, строгой науки, а во-вторых, по необычайному старанию профессоров сделать чтения свои как можно остроумнее, пестрее, замысловатее. Никто так мастерски не наводит этого лоска, свойственного статейке, как Ампер^{289}. Он читает историю французской литературы в XVI и XVII столетиях, разобрал Монтаня^{290}, как человека, писателя и философа, и перешел легким очерком Шарона^{291} к Паскалю^{292}. Это самое лучшее проявление французского анализа: текст писателя дает профессору обильный источник для отрывочных замечаний, всегда остроумных; сближение некоторых мест порождает особенную игру мыслей, где и софизм, и практически верная мысль равно искрятся и блистают; частые обращения к истории порождают эпизоды, где исторические лица группируются с верностью и увлекательностью современных записок, а все вместе образуют цветистую и занимательную лекцию. Только гораздо позже, когда вы пожелаете возвратиться к основной мысли, увидите очень простое положение, что XVI столетие, бурное, скептическое, породило необходимо-правильный, религиозный век Людовика

XIV^{293}, а Монтань с холодным, несколько эгоистическим своим характером обратился, как свойственно этим характерам, к самому себе, написал, не думая, выводы этого учения и создал, во-первых, прекрасную скептически-философическую книгу, а во-вторых, прекрасную, живую, верную французскую прозу. Озанам^{294} читает немецкую литературу, начав с «Нибелунгов»^{295} и, мимо «Гудруны»^{296}, достигнув миннезингеров^{297}. Это воплощение французского эклектизма, столь спокойного для изыскателя: все материалы под рукой – стоит только класть их всегда параллельно. Он находит в «Нибелунгах» то же присутствие *судьбы и теории возмездия*, как и в греческих эпopeях, и тут являются ему два ряда немецких критиков. Одни говорят: Гомера не было, и все, как древние, так и новые эпopeи созданы народом, а собраны только одним человеком. Другие говорят: Гомер был, и все эпopeи, старые и новые, созданы одним гениальным человеком, представителем народа. Эклектик тотчас мирит двух врагов, находя, что каждый отчасти прав, и это объяснение вопроса, как видите, немного трудное. Впрочем, Озанам привлекает огромную публику, и рукоплескания часто гремят ему сколько за занимательность самого сказания, столько и за те немецкие идеи, в которые он должен входить для химического процесса их соединения и переварки. Филарет Шаль^{298} читает английскую литературу. Вступительная лекция его отличалась особенно произвольными поло-

жениями, весьма недостаточно оправданными, а следующие лекции показали это еще яснее. Разделение поэзии на условную и истинную, на ложную и верную, на искусственную и простую, не выведенное ниоткуда, а между тем пребеззаботно подтверждаемое примерами в том и другом роде, поражает глаза. Достоинство его лекций лежит собственно на большей или меньшей занимательности этих примеров и на большем или меньшем остроумии, с которым он их приводит. Эдгар Кине^{299} еще не начинал своих лекций о литературе южной Европы. Кроме этих лекций, читаются курсы литератур китайской, коптской, санскритской, индийской и господь знает еще какой. Лекции естественных наук, ремесел всегда полны. Есть еще множество частных курсов. Недавно был я в институте, заведенном частными людьми для образования ораторов, в которых действительно так нуждается Франция. В положенные дни всякий может являться на кафедру института и говорить на заданную тему. При мне тема была: «о пользе искусств для оратора». Истинно сказать, часа два болтали пустяки, чему, впрочем, кажется мне, главной причиной была сама тема. Лучше всех о прекрасном и благородном говорил бывший издатель «Франкфуртского журнала» Дюран^{300}. Он пользуется в Европе не очень завидную репутацией, но о тех вещах говорит всегда со слезами на глазах...

Я здесь достал у А. И. Тургенева^{301} последние три то-

ма Пушкина и, после четырнадцатимесячного воздержания от российской литературы, с первого приема наткнулся прямо на нашего псковского усопшего. Господи владыка, как он ударил по всему существу!.. Да вы, впрочем, не поймете, что значит читать за границей Пушкина. А здесь решительно ничего нет в литературе даже такого, чтоб наделало шуму. Французы совершенно согласны, что путешествие Гюго на Рейн – скучно^{302}. «Майорка»^{303} Жоржа Занда, тоже путешествие, расшевелило несколько умы, но скоро было забыто вследствие таковой резолюции: не может быть, чтоб «Майорка» была так хороша. Роман Бальзака, печатавшийся в «Siccle» и вышедший особенною книгой: «Записки двух девушек»^{304}, кажется, возбудил даже здесь негодование излишне фигурностью выражения. Предпочитают ему «Кавалера Арменталья» Дюма^{305}, но многие говорят: «Я не читаю романов Дюма, потому что поджидаю, когда он переделает их в драмы: тогда будет легче, занимательнее, да и деньги хорошо употребятся: пьесу увидишь, и роман узнаешь». Книгопродавцы прибегли с горя к картинкам и великолепным изданиям, чтоб завлекать охладевшую публику; новый роман Сулье: «Если б молодость ведала! Если б старость могла!» издается еженедельно листками, со всею типографскою роскошью, и бог знает, когда кончится. В этом роде замечательны статейки, собранные под заглавием: «Животные, писанные ими самими (peints par eux-memes), а нарисованные

другими», с прекрасными карикатурами Гранвиля ^{306}. Политические брошюры распространяются страшно, так распространяются, что одному человеку уже и вычитать нельзя, что появляется в неделю. Я только хожу да посматриваю на окна книжных магазинов, где каждый день является новая афишка. Вчера возвещали о брошюре: «Я бью стекла»; третьего дня: «Счет пощечин, полученных Францией»; сегодня: «Памфлет и история». Плюнешь всякий раз, да и отойдешь прочь!

Наконец, первый акт пьесы заключается пародией всех театров; тут в карикатуре являются целые сцены из замечательнейших пьес прошлого года, сыплются намеки на авторов, актеров и актрис, на писателей, деревянную мостовую, новые моды и черт знает еще на что. Думаю: только цензура помешала вывести на сцену палаты, магистрат, духовенство и двор. Так изволит тешиться Париж над самим собою. Второй акт, занятый будущностью Парижа, где пароходы ходят в тридцать шесть часов в Пекин, аэростаты летают в Гаванну за сигарами, люди всех наций появляются на улицах всемирного города, вымощенных уже bois de pallisandre ^{307}, фантастически довершает эту пьесу, доставившую мне более удовольствия, чем «Кипрская королева» Галеви с процессиями, серенадами, танцами; чем «Цепь» Скриба, поддерживаемая превосходною игрою Плесси в роли графини; чем несколько нахальный водевиль «Виконт Леторьер» ^{308}, где Дежа-

зе в мужском костюме так дерзостно хорошо читает; чем Арналь с уморительными ужимками в «Палатине»^{309}, Лафон^{310} с иронией, скрывающей глубокую испорченность, в «Электрической цепи»^{311}, буф Левассор в фарсе «Синий чулок»^{312}, и сладенькая Вольпи^{313} в сентиментальном водевиле «Парижские феи»^{314}, – более чем, вероятно, доставят удовольствие новоождаемые письма Гюго, Дюма и Бальзака...

Х

Париж. 18-го мая 1842 года.

Я выезжаю из Парижа на Рейн через Бельгию и Голландию собственно для того, чтоб в первой посмотреть гробницу Карла Великого^{315} да купить две-три книжки французские за треть цены, а в последней поклониться в Саардаме великому русскому имени^{316}. Когда я здесь говорю, что еду на Рейн, мне отвечают: «А, это туда, где на нас написали стихи» (народная песня Беккера: Sie werden ihn (Рейн) nicht haben)^{317}. А кто с Рейна едет в Париж, так там, слышно, восклицают: «А, сходите же к Виктору Гюго, который хочет у нас Кельн взять («Рейн», Гюго), и скажите ему, что мы отнимем у него Страсбург!» Только и толков по обеим сторонам реки, что о реке^{318}: увижу я ее, наконец, и вместе с З<аикиным>, который ждет меня в Кельне. К<атков> пишет, что собирается в Россию: хотелось бы видеть его, да вряд ли!

Я видел месяца два тому назад в палате Ламартина за работой: он ткал ввиду всех нас великолепное одеяние из золота, парчи, воздуха и вечерней зари своим мыслям о братстве народов, о подчинении всех иностранцев делу всеобщей цивилизации, мыслям, для которых изобрел и название политики социальной (sociale). Когда прерывали его, он складывал руки на груди, и благородная, аристократическая его фи-

гура прекрасно рисовалась за мрамором трибуны. Этот уж Рейн нипочем ставит. Где Рейн! Рейна нет, а есть человечество. Ну, вот я разберу на месте и этот вопрос. Некоторого рода смешение царствует и по другим статьям, хоть, например, по статье о взаимном осмотре кораблей для прекращения торговли неграми. Прекратить торговлю – пожалуй; но согласиться на действительнейшую меру к прекращению ее – нет^{319}. От этого чуть-чуть не в один день палата отказывала в своем участии Англии, а из Англии приезжали ученые и филантропы на обед к герцогу Брольи для принятия мер к скреплению общества против торговли^{320}. А чтоб ни одной ноты в этом аккорде не недоставало, человек-софизм, Гранье-Кассаньяк^{321}, очень хорошо понявший, что в наше время всеобщего движения вперед самое лучшее средство отличиться – это пятиться как можно более назад, издатель «Le Globe»^{322}, удививший Францию своею книгой «О происхождении дворянства и каст», крепко восстал *в пользу* порабощения негров. Самое великое смешение, однакож, представляется в Академии. Тут Токвилю^{323} приходится говорить похвальное слово Сесаку, – не знаю, что он был такое, префект наполеоновский, конюший ли, господь его знает; Балланшу, с его «Паленгенезией»^{324} и несовершенно уясненными на историю и человечество взглядами, рассуждать о Дювале^{325}, авторе «Влюбленного Шекспира», который так хорошо играет на домашних театрах; тут, наконец,

принимают в Академию Пакье^{326}, не написавшего *ни одной строчки*, мимо Сент-Бёва и *господина* Патена^{327}, мимо Альфреда де-Виньи^{328}. В этих приемах Академия хлопает, в продолжение года, трем-четырем самым противоречащим мнениям, как остроумно вывел Филарет Шаль: то ей нравится, что Наполеон есть остановка в прогрессе, то соглашается, что Наполеон – хороший человек, то похваляет наш век, то говорит: не мешало бы что-нибудь посущественнее. Прием Балланша породил умиленную сцену. Вместо больного Балланша его речь читал Минье^{329} и в конце ее, обратясь в одну сторону, в угол, к самой двери, где сидел старик с продолговатым лицом, орлиным носом, блестящими глазами и клоками седых волос на открытом лбе, благодарил его от имени Балланша, разумеется, за дружбу, напоминая, что они оба – отшельники в сем мире, хотя один из них открыл настоящий век религиозною песнью^{330}, а другой, может быть, вниманию того первого обязан некоторою известностью. Гром рукоплесканий раздался со всех скамеек, со всех галерей, сверху, с боков и снизу. Шатобриан закрыл лицо руками и заплакал. С умилением смотрел я на почтенного старика, который пережил свое политическое влияние, которому скоро-скоро откажут и в титуле гения (уж и начинается!), но который оставит по себе память благороднейшей души, чистейшего характера. В одной из галерей сидела приятельница его, старушка Рекамье^{331}, с сво-

им обществом и также хлопала. Я был у Рекамье на концерте (все это Александр Иванович Тургенев хранительно напутствует мне). Благородно просты комнаты ее. Из передней маленькая приемная с знаменитым горельефом Тенерани^{332}; из приемной небольшая белая зала с огромною, но манерною картиной Жерара^{333}, изображающей г-жу Сталь в виде вдохновенной Коринны с арфой в руках. В этой зале пела Полина Гарсия^{334} и Рашель – Федра декламировала страстные монологи. Как-то странны были в этой милой комнате и при этом обществе чинных дам и девиц ее сладострастные вскрики и полные жара описания... Кроме Гизо, Баранта^{335}, Шатобриана, тут был и Сент-Бёв, издавший вторую часть своего «Port-Royal», так хорошо обличающего болезненное воображение Сент-Бёва, который, начав с «Volupte», кончает теперь глубоким суровым мистицизмом янсенистов^{336}. Тут был и Ампер, так добросовестно и остроумно развивавший нам нынешний курс Монтаня, Паскаля и Декарта^{337}; тут был еще Ленорман^{338}, Фориель^{339}, Сен-При^{340} и пр. и пр. Турецкий посланник в красной своей феске и с благородною, задумчивою физиономией, свойственную всем туркам хорошей крови, тихо помавал головой, слушая Рашель и думая, вероятно, о других сильных страстях на другом конце Европы. Но из всех лиц, наполнивших залу, примечательнейшее лицо для меня была сама хозяйка. Есть имена, с которыми соединено всегда поня-

тие о юности, красоте, грации: Юлия, Офелия, Мария Стюарт^{341}, Рекамье. Против всех правил эстетики последняя жива до сих пор, имеет большой чепец на голове, морщины на лице, неопределенную талию, и я подумал: нужна смерть для красоты!

Упомянул я за восемь строк несколько профессорских имен: должен прибавить, что нынешнюю зиму аудитории двух из них были особенно полны: Сен-Марк Жирардена^{342} и аббата Дюпанлу^{343}. Жирарден, профессор французской поэзии, придет, сядет и начнет веселый разговор со студентами Сорбонны: остроты, намеки, каламбуры даже образуют электрическую струю, которая постоянно возбуждает хохот слушателей, и та Сорбонна, в которой слушал лекции Данте, которая волновалась от вопросов Абеяров^{344}, Сен-Сиранов^{345}, Декартов, хохочет нынче!.. Как бы порадовался г. К<ор>ф^{346}, который, кажется, сказал, что гордится способностью хохотать и ценит ее выше всего. В нынешний курс Жирарден взял тему, которая так близка к обществу, что почти подходит на политическую: это – о страстях, составляющих драму, где современных драматических писателей он уничтожает^{347}, ставя их лицом к лицу с старыми классическими писателями, а потом с греческими образцами. Оно, конечно, смело перед молодежью, которая имеет право свистка на лекциях и которая воспользовалась этим бесчестным правом сперва на лекции Ленормана за сравне-

ние французской и английской конституций и предпочтение последней, а потом на лекции Мишле^{348} – за хаотические, несвязанные его мысли о философии истории, где видно было только страшное желание сказать нечто близкое к высокому, sublime, не высказавшееся однако; конечно, смело – говорю – объявить этой молодежи, что любимые ее писатели разрабатывают в драме одно плотское страдание, одну физическую боль; это в Жирардене, как вообще у всех сотрудников «Journal des Debats» Шаля, Шевалье^{349} и самого Жанена, происходит не от сильно возмущенного эстетического чувства, а от политических причин, да еще от свойственной всем им женоподобности, изнеженности, какого-то жалкого морального расслабления, печать коего носят они даже на лице и в голове и манерах. По всей справедливости, господа эти с ужасом отвращаются от безумного воя новейшей драмы; но они с таким же ужасом отвратятся и от всякого энергического душевного порыва.

Аббат Дюпанлу и проповедник Равиньян^{350} составляют первые звенья той религиозной реакции, которая обнаружилась в последнее время в Париже^{351}. Надо вам сказать, что обстоятельства приготовили и очистили ей дорогу, так что появление ее никого не удивило. Всякий, кто пожил в Париже месяцев шесть или семь, как я, скажет вам о необычайном равнодушии общества ко всему, что делается перед глазами его, о потере им последней веры в свои собствен-

ные идеи, в дело рук своих, о изнеможении и апатии его ^[352]. Некоторые происшествия, вам известные и которые никогда не могли бы случиться в другое время, ясно подтверждают мою мысль. Присматриваясь ближе, я заметил или показалось мне, что даже волнение и протестации врагов настоящего порядка вещей не искренни, энергия их насильственна и подложна. Да, они ни к чему не готовы, ничего не определили и слабы, не имея никакого разумного будущего. И вдруг раздается голос старого католицизма, который никак не может отстать от Западной Европы, им вскормленной, и является к детищу тотчас, как задумалось оно после тревоги широкого пира. Если принять в соображение, что теперь идет дело не о семинарии, не о десятине какой-нибудь, а о введении католицизма в нравы и о принятии им под покров свой всех вопросов века, то нынешняя религиозная реакция может иметь важные последствия для Франции. А может быть, и ничего не будет; она явится и разлетится как мираж; уж их сколько было!.. Дюпанлу занимает кафедру духовного красноречия в Сорбонне. Нынешнюю зиму тема его была: об отношениях гения к церкви... Дюпанлу – лирик до излишества: часто случается, что самая мысль теряется в бесчисленном количестве образов и картин, которыми он обставляет ее; лекции его походили на непрерывную перемену декораций: но зато огромная аудитория, вмещающая в себе до трех тысяч человек, была недостаточна для всех жаждущих насладиться его импровизацией; но зато мертвая тиши-

на царствовала во все время, как текла его речь; но зато оглушительные рукоплескания раздавались при всяком перерыве ее, при всякой остановке профессора. Проповедник Равеньян – совершенно в другом роде. С высших ступеней общества сошел он в ряды монашествующего ордена, и речь его отзывается непреклонностью глубокого убеждения, энергией, скажу даже – некоторым родом деспотического убеждения... «Проповедники посланы к вам», – сказал он в одной из своих проповедей удивленным парижанам, – «не для того, чтоб добиваться ваших похвал и прислушиваться к вашим толкам: они посланы учить вас и требовать покорности»... Широкий лоб его, впалые глаза и сухощавое лицо доказывают лучше всего, что он, как шелковичный червь, по выражению Гёте, плетет нить из самого себя, из собственной внутренности; старания его в нынешнюю Страстную неделю собрать *многозначительную* толпу под хоругвь религии увенчались полным успехом. В день Пасхи 2000 человек явились к причастию. Я был на некоторых из этих поучений ^{353}, происходивших в 7 часов вечера в Notre-Dame de Paris. Старая церковь, плохо освещенная несколькими лампами, составляла чудную раму энергическому проповеднику, и куда говорил он о нарушении грехом всеобщей, мировой гармонии, о разъединении души и божества, которое составит посмертное мучение первой, как составляет ее страдание здесь на земле, я украдкой смотрел на своды, висевшие из темноты над головой моею, на переходы церкви, залитые

мраком, из которого выходили только колонны, стремившиеся вверх, да белые статуи алтарей. Аббат Ботен^[354], бывший профессор Страсбургского университета, представляет третье лицо этой религиозной пропаганды, и блестящею своею речью, свободой и чистотой французской фразы своей сделался исключительным проповедником аристократического женского общества, с принцессой Клементиной, дочерью короля, во главе... А между тем вы уже предчувствуете, что, верно, в каком-нибудь конце Парижа есть нечто диаметрально противоположное всему этому; это почти так же необходимо здесь, как в симметрической архитектуре второе отверстие по случаю существования первого. Есть, есть! Как не быть! Вот новый проповедник г. Шатель^[355], который воспеваает хвалы даже автору «Орлеанской девственницы»: я вспомнил о процессе, бывшем месяц тому назад в исправительной полиции. Я думал, что поколение отвратительных книжонок, порожденных концом XVIII столетия и которыми наполнены библиотеки провинциальных помещиков, уже прекратилось во Франции. Нет, недавно захватили книжонку г. Боналя «Les lamentations sociales»^[356] при самом выходе ее из типографии, и судьи (французские судьи! видели и слышали они многое! не легко привести их в краску!), эти судьи потребовали тайного заседания, а *buit clos*³² из опасения оскорбить разбором этой книжки общественное

³² При закрытых дверях (*франц.*).

приличие, публичную нравственность. Напрасно хотел я потом взглянуть на это чудище: ни в одной лавке нет, и *матери дочерей* вон выслали, когда я спрашивал о ней.

С появлением спаржи, молодых артишоков и зеленого горошка у ресторатера начинается весна в Париже. Конечно, можно сказать, что и позеленевшие аллеи Champs-Élysées и Тюльери доказывают ее наступление, но не столько. А что уж без всякого возражения свидетельствует справедливость показания календаря, несмотря на противоречащий ему сырой ветер, так это закрытие выставок: художественной, севрской, гобеленовой и проч. Я вам не писал о конкурсе на сооружение памятника Наполеону^[357]. Проекты, представленные по этому случаю художниками, могли бы составить поучительнейшую статью для эстетики. Представьте себе сотню голов, занятых мыслью произвести что-нибудь великое, неслыханное, необъятное, как сам человек, которому надобен, по мнению Франции, памятник... Что из этого могло выйти – вы догадываетесь: чудовищности невероятные. И действительно: один хочет повесить гроб его под куполом церкви Инвалидов; другой – создать огромный кристальный шар, освещенный газом и вращающийся на своей оси, с драгоценным прахом внутри; третий предлагает нечто вроде гигантского фокуса-покуса, то есть, машины, которая будет выставлять круглый год, в тот самый день, как были выиграны баталии, изображения их. Благоразумнейшие из художников ограничились только гиперболическими аллегориями: шар земной,

раскалывающийся под стопой великого, все столицы Европы, покрытые щитом его, и проч. и проч. Были и такие, как граф Батар, например, которые хотели напомнить некоторые частности из жизни императора. Огромный кусок гранита, обведенный великолепною золотою решеткой, доказал бы, по его мнению, простоту одеяния и привычек Наполеона, а вместе – роскошь туалета и блеск окружавшей его свиты. Вот истинно художническая идея! Удивительно, как никто не подумал изобразить в виде прекрасных женщин, летящих гениев, рогов изобилия и труб, надуваемых славою, обыкновения Наполеона складывать руки на груди, выставяй ногу вперед, щипать себя за ухо.

Но надо сказать и то: лишь только француз начинает задумывать серьезное *oeuvre capitale*³³, как говорят здесь, – в художествах или литературе, все равно, первая мысль, поражающая его мозг есть: «что бы *доказать* такое?» Вам известно, что все «Лукреции Боржии», «Марин Тюдор» и «Марионы Делорм» В. Гюго доказывали различные идеи. Я нарочно привел примеры из драматической литературы, потому что в ней всего виднее это направление. Вся нынешняя зима была преисполнена подобных сценических доказательств; не говорю о бульварных театрах Ambigu, Gaité, Folies^{358}, которые назло своим титулам, были притонами страшных мелодрам, основанных единственно на разных невозможных происшествиях (это-то именно и составляет их прелесть для

³³ Капитальное произведение (*франц.*).

народа с живым и несколько испорченным воображением), но о театрах, имеющих притязание на литературность, каковы Одеон и Porte Saint-Martin. Одеон доказывал, например, следующие положения, признанные и обсужденные потом всеми критическими листками: «горе народу, выдающему защитников своих» (драма «Палермский трибун») ^{359}; «почести портят сердце» («Кедрик-норвежец», драма) ^{360}; «гений редко признан бывает современниками» («Плутни Кинолы», комедия) ^{361} и проч. Эта последняя вещь принадлежит Бальзаку. Вероятно, вы уже знаете, что никогда, *an grand jamais*³⁴, не разрешался в страшном неестественном своем напряжении мозг человеческий чем-нибудь близким к этой нелепости. И произошла она не от порочного устройства умственных способностей в авторе, а от непомерных притязаний его, от желания подняться до облака ходячего. Тут же еще и Шекспир вмешался... Истинно сказать, что с тех пор, как Франция открыла Шекспира ^{362}, потеряла Франция сон, аппетит и веселость. А сказать правду, так в целой Европе всякое литературное преступление производится во имя Шекспира. Круглый год нет двух пьес в нашей части света, которые произошли бы от наблюдения человека и жизни и которым не повредило бы желание автора поздороваться и подать руку Шекспиру. Что за вредный «сочинитель»! Да когда же выдадут закон против него?

³⁴ Никогда в жизни (*франц.*).

Широкий юмор его, его кончетти, игра слов его породили в «Плутнях Кинолы» («Ressources de Quinola») самые чудовищные вещи, и между прочим эту реплику: «Ему (Киноле) более известна любовь к механике, чем механика любви», а может быть, и наоборот: наверное не знаю. Знаю только, что когда пьеса приближается к этому месту, так напоминающему бесхитростных актеров Вильямова балагана ^[363], партер великолепного Одеона, доселе буйный и непокорный, вдруг притихает; лицедей, произносящий знаменитую фразу, приближается к лампам и при мертвой тишине произносит ее с расстановкою. Минуту затем царствует невообразимый шум, хохот, крик, вскоре покрываемый однакож ярыми: bis! bis! Снова наступает торжественная тишина, и актер снова, подходит к лампам с несчастною фразой во устах. Только после третьего я четвертого раза, вдоволь насытившись величию и глубиной ее, публика утихает, то есть покрывается и уходит.

Но возвратимся к пьесам на темы. Есть из них такие, основная идея которых даже в одну строчку и не упишется, а требует долгого и несколько сложного развития. Так «Жарвис», драма Дюма и еще другого господина, игравшаяся на театре «Porte Saint-Martin», по единогласному свидетельству всех критиков, написана для того, чтоб доказать, как предосудительно принимать на себя звание редактора-ответчика политического журнала из видов корысти, и как все низости, клеветы и преступления, свершаемые настоящими из-

дателями, падают на лицо редактора и покрывают его всеобщим презрением, хотя бы сам он не имел на Душе ни одной печатной строки, или хотя бы какая-нибудь благородная цель Понудила его дать свое имя на прокат зависти, пороку и злобе... вот! Представьте себе, как приятно смотреть пьесу, когда знаешь наперед маршрут, растаги³⁵ и место следования всех ее страстей, перипетий и катастроф. В одном только случае позволяется хорошему писателю для сцены ничего не доказывать, именно – когда вздумается ему представить лакея, цыгана, бродягу благодетелем могущественного герцога, спасителем знаменитой принцессы, человеком, который держит в своих руках часть какой-нибудь важной фамилии или даже судьбу целого княжества (итальянского, обыкновенно). Тема эта здесь в большой моде. Вот и нынче на театре «Porte Saint-Martin» с успехом играют драму «Цыган Парис»^{364}, который устраивает благополучие Милана так ловко, как будто дело шло о краже лошади или обмане хохла. Фредерик Леметр появляется в пяти или шести разных видах и очень хорошо представляет сперва комедианта, потом жида, потом раба, умирающего в судорогах; но странная вещь, по окончании спектакля как будто он ничего не представлял: все сгладилось, пропало, забылось, словно вас добрый паралич хватил при выходе. Точно то же направление и в художествах: аллегория и какая-то изнеженная, рассеянная грациозность...

³⁵ Растаги (от *франц.* *gastaquouere*) – авантюры.

Впрочем, достаточно о важных пьесах; la specialite³⁶, как говорится, Парижа – это пьесы *незначительные*; а так как каждый из театров имеет свой определенный характер, то, встав поутру и посоветовавшись с собственной совестью, можете без афиши назначить себе зрелище на вечер. Расположены ли вы смотреть грациозный цинизм – ступайте в Palais-Royal: там играют г-жа Дежазе и гг. Ашар^{365} и Туесе; предпочитаете ли видеть комедию talon rouge³⁷, то есть любовных интриг времени Людовика XV, – ступайте в Variete: там играют г-жа Соваж и гг. Лафон и Левассор; намереваетесь ли посмеяться над современностью – ступайте в Vaudeville: там играют г-жа Дош^{366} и гг. Арналь и Лепентр; наконец, желаете ли теплого впечатления от семейной драмы – ступайте в Gymnase^{367} (благороднейший из всех театров): там играют г-жа Вольпи и бесподобный Буффе. Если прискучали вам все обстоятельства, в которых может находиться человек, – ступайте к Франкони смотреть на лошадей; обучены весьма основательно... Не нравятся вам лошади – ступайте в Rue Vivinne на каждодневные концерты Мюзара^{368} по одному франку за вход. Если увертюры, кватуоры³⁸ и септоуры³⁹ причиняют вам расстройство в нер-

³⁶ Специальность (*франц.*).

³⁷ Щеголь (*франц.*).

³⁸ Кватуоры (*от франц. quatuor*) – квартеты.

³⁹ Септоуры (*от франц. septour*) – септеты.

вах – ступайте в Rue Lepelletier на курс магнетизма с опытами. Если сомнамбулка не разберет посредством брюха любого русского романа – махните рукой и ступайте в Rue Saint-Jacques на курс френологии с опытами^{369}. Устрашитесь ли вы всезнания френолога – бегите вон, закрывая череп шляпою, нанимайте фиакр и ступайте на один из публичных баблов Прадо, Salle Saint-George, La grande Chaumiere^{370}, где можете свести весьма *приятные* знакомства. Нелюдим вы и на дружество не податливы – ступайте в один из кабинетов для чтения – советую в Rue Richelieu, к Гальяни^{371}, – усаживайтесь в покойные кресла под лампой и читайте, как сгорел Гамбург дотла, как подкупает выборы министерство, какие процессы разбирались вчера в Palais de Justice, и прочее, и прочее. Но может статься, у вас глаза плохи, при газовом освещении делается воспаление, – так уж ступайте по направлению к Place de la Bourse, и в одной из улиц, прилегающих к этой площади, увидите вы дома с маленькими беленькими дверями, чистенькими, узенькими лесенками из сеней. Войдите по первой лесенке, какую выберете, отворите дверь и вы очутитесь в новом приятном обществе.

Случилось страшное происшествие на версальской железной дороге: сто человек мужчин, детей и женщин сгорели живьем в четырех вагонах, запертых на ключ, обливаемые кипятком опрокинувшейся и лопнувшей машины. В числе жертв находился Дюмон-д'Юрвиль^{372}, сгоревший с женою

и четырнадцатилетним сыном.

XI

Кёльн. 19-го июня 1842 года.

Пишите в Мюнхен; оттуда хочу послать вам рапорт о странствовании по Рейну, об аллеманских государствах ^{373} и идеях, в них обитающих. Вы знаете, что людей здесь весьма мало, – только идеи да филистеры. До сих пор путешественник, который, по выражению Хлестакова ^{374}, любит этак пофилософствовать, чувствует весьма ясно и определенно, что плывет по источнику, вышедшему из того огромного резервуара, который называется Парижем. Этот невидимый моральный ток проходит всю Бельгию, разветвляется налево в Голландию, направо в Люксамбург; но тут он и пропадает. В Кёльне другая жизнь, другие головы и другие в них *геданкены*⁴⁰.

Народная синяя блуза пропала, и вместо ее на грациозном корпусе немца появилась куртка, открывавшая моему изумленному глазу порочное устройство германских ног вообще и странные углы того мешка, который начинается на спине тотчас, как куртка оканчивается. Однакож, по закону всемирного равновесия, ничего не может быть потеряно на свете, даже фалда. Итак, все, что утратило в полноте и размерах платье, приобрела трубка. Эта трубка, беспрестан-

⁴⁰ Геданкены (вт нем. Gedanken) – мысли.

но встречающаяся на улицах, захваченная по верхнему концу сильной тевтонской челюстью, подвергает иногда близорукого странному оптическому обману: издали кажется, что человек везет тележку. Вместо строго расчисленного французского стола показались снова эти обеды *table d'hote*⁴¹, где настоящее блюдо, окруженное бесчисленным количеством соусов и приправ, походит на арестанта, препровождаемого с доброй стражей в этап. Нет также кафе, эстаминетов⁴² с вечным волнением народа около них, а есть прогулка в садах, где под каждым почти деревом стоит стол, а около него расположилась особнячком целая фамилия, охраняемая домашним пуделем от набега и преступных замыслов посторонних посетителей. Во всю дорогу следил я от скуки за физиологическим изменением женщин. По мере удаления от Парижа женщина в глазах моих постепенно и видимо теряла хрупкость членов и крепчала. Здесь это существо полное, румяное, переполненное жизнью и здоровьем. Гарнизон здешний опускает от стыда глаза вниз, когда проходит по улицам к вахтпараду, и Беккер мог бы, движимый вдохновением, воскликнуть, как Макбет: «Рождай мне только дочерей, Рейн!»^{375} Наконец, уже не увидите вы здесь злостных энергических физиономий, на которых, не будучи Лафатером^{376}, можно читать все человеческие страсти (так раз-

⁴¹ Табельдот (*франц.*).

⁴² Эстаминетов (от *франц.* estaminet) – кабачков.

борчиво и крупно они написаны) и которые так часто встречаются во Франции и Бельгии. Чем-то тихим, успокаивающим веет от всех здешних фигур. Нигде нет такого несоразмерного количества счастливых лиц. Каждая голова имеет светлые глаза и ими смотрит на вас с неописанным выражением довольства, благополучия, душевного мира и *желанного состояния совести*^{377}. Еще Байрон заметил эту особенность^{378}, которая и составляет одну из главных Прелестей рейнских берегов.

Но я скучаю. Особенно чуждо и как-то странно мне, после легкомысленного французского приложения к действительности и настоящей минуте всех современных явлений, встретиться здесь с противоположною крайностью – возведением самых будничных, вседневных вопросов до ученой исторической, философской темы, до положений многозначительных. Вы скажете: «это очень хорошо». Я тоже думаю; но знаете ли, как теряет от этого современность все краски, как текучая, история делается незанимательна, отвлеченна, и как движение мнений заступило место движения лиц, появления характеров, столкновения страстей? «Это успех», – вы скажете. Согласен, но вот, видите ли, какая невыгода. Чтоб жить в 1842 году, надобно не выходить из кабинета; чтоб видеть свет, надобно иметь книгу и очки; чтоб знать, что делается, надобно записаться в библиотеку и иметь лейпцигский каталог. Действительно, важ-

на не кёльнская католическая протестация ^{379}, а важно сочинение: «Государство и религия»; «е ганноверская оппозиция ^{380}, а трактат какой-нибудь юридической «О конституционных властях», или лучше «О диете», или о чем-нибудь таком же. Конечно, это весьма занимательно; но мне, горькому, до крайности любящему происшествия, обстоятельство это крайне обидно. Едешь, приехал – никакой мало-мальски странной историйки ниоткуда! Господи боже, что это такое? Я очень хорошо понимаю Берне ^{381}, который радовался за всю Германию, что у него украли из кармана часы в Цвейбрюкене, и говорил: это хороший знак! Я не знаю, что бы я дал, если бы *у моего соседа* украли часы для развлечения моего; да где! И надеяться нельзя от этой страшной немецкой честности, от убийственного расположения к порядку граждан сего племени, от совершенной их неспособности сделать что-нибудь не ежедневное. Клеветники говорят, что в Германии случаются преступления: вы понимаете, как это мнение ложно и неприлично. С какой стати быть преступлениям в Германии? Чувствует ли здешняя особа последних 10 классов ревность – она пишет статью о ревности; хочет ли отомстить – рассуждение о чувстве мести, вот и все. Впрочем, эти строгие мои замечания прошу вас отнести к тому, что вот пять дней живу я один-одинехонек в Кёльне, поджидая З<аики>на и смотря в театре самую прозаическую «Фенеллу» ^{382} когда-либо мною виденную, с таким лавочным *аус-*

зихтом⁴³, что она могла быть посажена в тюрьму только за долги; смотрю на берегу Рейна его зеленые горы и пароходы, реющие по нем с баденскими картежниками и другими Путешественниками; смотрю в городе чудную половину собора, треть колокольни и 1/10 соседней башни, что все вместе составляет и начало здания, и развалину: две вещи, соединившиеся великолепно. Вот стоит новая подмостка для работников, а уж плющ вьется по стенам недоконченной башни и трава колышится на платформе ее. Архитектор кладет камень наверх и камень вниз, поправляя испорченное временем и в то же время продолжая. Сколько разбитых стекол, сколько упавших столбов! Однакож масса спицев самого собора, выведенная за триста лет, высится вся сполна, образуя колоссальный паук, которому подобного нет. Как ни много видел я церквей, но здешние византийско-греческие: Герсона, Мартина и Апостолов – поразили меня.

Кстати о церквях и зданиях. Я жил в Брюсселе, столице того странного государства, которое имеет огромную книжную торговлю, не имея литературы и литераторов, и связало все свои города цепью железных дорог, так что они сделались почти предместиями чистенького и несколько монотонного города-столицы. Как паук, сидел я в центре этой сети, и чуть появилась мысль в Гент, Антверпен, Берген ехать, – я уже там, всякий раз, впрочем, каким-то чудом находясь опять в десять часов вечера в своей маленькой комнатке трактира du

⁴³ Аусзихтом (от нем. Aussicht) – видом.

Grand Miroir⁴⁴, rue Montagne. Поезд пробегает пространство в сто верст в 3½ часа со всеми остановками: плодородные поля Фландрии опрокидываются тогда перед вашими глазами; счастливые фламандские деревни оставляют впечатление белой ленты с красною каймой от цвета домов и крыш, трубы бесчисленных брабантских фабрик бегут одни за другими, как солдаты разбитого отряда, и из всей вселенной неподвижно только одно небо над вами. Таким образом, стоя одной ногой в Брюсселе, осмотрел я все эти памятники величайшего развития готизма (конец XV столетия), которыми наполнены города Бельгии: башню Мехельна, колокольню Антверпенского собора, ратушу Гента, ратушу Лёвена, вече (beffroi⁴⁵) Бергена и проч. Мне вздумалось даже (праздность есть мать выдумок), мне вздумалось даже прочесть, что такое написано на этих сквозных, летящих, говорящих массах (известно вам, готическая архитектура есть архитектура по преимуществу беседующая: ратушу Лёвена, например, можно читать, как книгу); итак, лишь только стал я разбирать каменное письмо, как открылся передо мною новый мир. Я открыл необыкновенные характеры, новые фантастические лица, не подозреваемые никем рассказы, неизвестные еще черты юмора. Я уже хотел писать об этом открытии в арзамасскую академию искусств ^{383}, как через неделю в окнах одного из здешних магазинов увидел все мои открытия

⁴⁴ Большое зеркало (франц.).

⁴⁵ Дозорная башня (франц.).

прекрасно нарисованные, еще лучше раскрашенные и объясненные очень точно и вразумительно.

Проклятый век! Чего только не сделал он общим местом? Нет такого впечатления, которое не было бы уже известно тысячам, такой мысли, которая бы не приходила в другую человеческую голову. Как вы думаете: чтоб написать занимательное письмо к приятелям в Петербург, нужно уехать, по крайней мере, в Тимбукту, к кафрам или в Вандименову землю^{384}. Вот в Бергене стоял я перед ракей или, лучше, ларцем св. Урсулы с миниатюрами Гемлинга, украшающими его. Эта живопись – история святой, напомнившая мне Италию и великих сынов ее: Джиото^{385}, Фра-Беато^{386}, Массачио^{387}, наградила меня самым добрым чувством. Я непременно хотел дать вам отчет об этом чудном произведении, где простота сочинения, ощутительность всех выражений в лицах превосходив отделяются идеально поэтической фигурой святой, являющейся в среде всей этой действительности всегда как видение, как луч или как вдохновение, я хотел, говорю, написать вам об этом подробно, но, взглянув на великолепное in-folio⁴⁶, изданное о том же предмете и которое вы можете найти хоть в лавке Исакова^{388}, устыдился я и отложил перо. В Ахене стоял я перед мраморным троном Карла Великого, на котором сидел он в гробнице своей и на которой потом короновались 30 императоров; смот-

⁴⁶ Книга (форматом) в пол-листа (франц.).

рел на золотой византийский ларец, где хранят кости его, на саркофаг, где покоились ноги императора и который прежде, говорят, служил гробом Августу, – все это вместе с необычайно смелыми сводами церковного хора произвело на меня впечатление странное... Я хотел написать вам об этом подробно, но, вспомнив, сколько тысяч таких впечатлений было до меня и как еще недавно Виктор Гюго достиг крайней степени пафоса за таковым же занятием, – снова устыдился и отложил перо. Наконец, здесь, в Кёльне, с какою любовью осмотрел я раку, где покоятся три восточные царя, шедшие за звездой в Назарет^{389}, как твердил я их имена: Гаспар, Мельхиор, Балтазар, как ходил потом в церкви Апостолов, вспоминая о благородной жене фрау Рихмодис, погребенной здесь заживо некогда во время чумы и вышедшей из склепа благодаря сребролюбию церковного пристава, пришедшего красть драгоценные перстни с ее пальцев; как, наконец, в церкви св. Урсулы с уважением обходил двойные ее стены, наполненные костями десяти тысяч кёльнских дев, принявших мученическую смерть... Да! думал я: непременно напишу вам о всех преданиях, легендах и сказаниях, существующих на Рейне и составляющих вместе с горами, окрестными благодатными (да здравствуют они! урожай нынче будет счастливый) виноградниками вторую, не менее прелестную, хотя и невидимую его рамку, – и что же? В тот самый день на столе моем лежала книга, сам не знаю, как очутившаяся: «Полное описание всех преданий, легенд и сказок, суще-

ствующих на Рейне. 1842 года, Типография Котты ^{390} в Тюбнгене». Скажите сами: после всего этого можно ли человеку, уважающему самого себя и не желающему быть ни литературным вором, ни компилятором, писать приятелям в Петербург письма, которые они, вдобавок, еще и печатают?

Употребляя трагический стиль, скажу: вижу, судьба поведывает мне говорить только о самом себе; покоряюсь этой неумолимой судьбе. О чем же больше говорить из Европы? Притом же я здесь замечаю необыкновенную странность. Все окружающие меня жаждут знать, кто я такой. Сосед за табельдотом, видимо, страдает желанием узнать, кто я; хозяин гостиницы осведомляется о том же с участием; полиция отбирает сведения, едва скрывая любопытство. Однакож, несмотря на лестную аттестацию сию, я в обман не даюсь; на все их расспросы отвечаю таким простаком: приехал-де сюда покурить сигарочку, пробираюсь же в Баварию собственно пивца тамошнего отвежать.

Выезжая из Парижа, я имел в виду насладиться созерцанием фламандца, этого существа, которое как электрический угорь, издающий удар от прикосновения, только в торжественную минуту жизни открывает все богатства, все сокровища глубокой природы своей; но, увы, напор моральный со стороны Франции уничтожил все это племя, которого достославным представителем был всегда для меня фламандец «Конетабля Честерского» ^{391}. Где тяжелая походка, где эти наружное спокойствие и брюзгливость, скрывающие вполо-

вину истинное чувство и восприимчивость сердца? Ничего нет! Во всей Фландрии фламандского только и осталось, что огромные пивные сосудины, «чаши, во истину дьяволу обреченные»^{392}, по выражению Курбского, ненавидевшего несоразмерные ковши эти, как и я. Один только раз встретил фламандца, и то вне отечества: я встретил его в Лютихе, на возвратном пути из велелепной Намурской долины, орошаемой Маасом-рекою. Приехав в Лютих^{393}, взял я шестидесятилетнего старика указать мне дорогу к церкви св. Иакова, узорчатой, как киоск, да к мрачному бесподобному двору бывшего дворца епископов-принцев, и этот старик оказался, во-первых, фламандцем, а во-вторых, человеком, который сперва был в Москве, как завоеватель, а потом в Саратове, как пленник. Он шагал передо мною, беспрестанно повторяя одну казацкую фразу, оставшуюся у него в памяти: «Ну, пошел на двор, собака-француз!» Фразу эту оканчивал он русской поговоркой, которая употребляется у нашего народа, как соль ко щам, как масло к каше. Я просил растолковать мне значение последней поговорки, и он сделал это так точно, как делает Дюма с иностранными речениями и обычаями. Спокойно, но медленно, как будто с усилием рассказал он мне бедствия в плену, освобождение и новые домашние бедствия... Старик окончил горькую свою повесть живым восклицанием: «А каков Париж теперь? При Наполеоне был город славный!»

Хорош и теперь. Я оставил его в страшном волнении.

Начались выборы^{394}. По признанию всех публицистов, от этих выборов зависит участь Франции. Все партии, все честолюбии, все надежды сшибаются, перекрещиваются, отбегают, чтобы снова ринуться; но еще никто не знает, какого цвета и характера будет новая палата. Мне пишут из Парижа, что город словно находится в осадном положении; на улицах составляются группы, и всякая страсть, подняв голову, говорит громко... Теперь, когда отдаление сгладило все подробные черты, мешавшие общему, целостному взгляду, когда едва-едва доходит до меня оттуда дрожащий голосок какой-нибудь официальной газетки, теперь припоминаю я, что прожил три фазиса, три периода парижской жизни. Сперва показалась какая-то ровная, безвыходная борьба людей и мнений; затем раздался удар реакции, под которым погнулся, будто осел, весь вулкан; за ним наступила минута тишины и апатии, изредка прорезываемая еще молниями неумеренных страстей... Все на ногах опять в сию минуту, все в движении и свалке. Изменчив, необычайно изменчив город этот! Нет предмета в природе, с которым можно было бы сравнить его ртутную подвижность, беспрестанную мену цветов и красок. Нельзя ничего определить вперед, ни за что/отвечать нельзя, и самое нелепое мнение о нем может встретить неожиданное подтверждение, как самое основательное — минутный отпор.

Прощайте. Надеюсь, вы причтете в заслугу немалую мне, что я умел, сидя на Рейне, не описывать Рейна и, проехав

города, полные памятников, не говорить о них!

XII

Инспект. 12-го августа 1842 года.

Не могу понять, как есть на свете люди, которые могут писать письма *летом* с Рейна и прилежащих к нему государств. Это все равно, что на балу думать о типографической ошибке, замеченной утром в статье, или беседовать с доктором о пользе и вреде ламповых и свечных испарений. С июня месяца по всему протяжению Рейна от Кёльна до Майнца загорается праздник, звездами которого служат Эмс, Висбаден и подалее – Баден-Баден и Киссинген. С июня месяца начинается этот прилив иностранцев, волна за волной, который походит на переселение народов, с тою только разницею, что вместо масс действуют тут частности в невообразимом смешении: языки, физиономии, понятия и даже различные оттенки понятий, как деньги, стекаются со всех концов Европы и – всюду принимаются. Я спустил здесь русский полуимпериял^[395] и мнение, что не худо бы иметь деревеньку в сих местах. С июня месяца под каждым кустом гремит музыка, за каждым обедом летают пробки шампанского, и нет такой горы, по которой не полз бы то англичанин, то художник, то французский commis-voyageur⁴⁷, то немецкий студент с котомкой за плечами и палкой в руках. Кому не случилось

⁴⁷ Коммивояжер (франц.).

в это время взбираться, как говорят, на недостижимую высоту – к четверугольной башне с провалившимися сводами, к обломку стены, который издали кажется продолжением утеса, к ряду окошек, в которые нельзя уже и заглянуть от неимения полов, иногда к остатку камина, к неясному гербу, к трещине, составлявшей некогда отверстие темницы или ублетки⁴⁸, ко всему, что называется руинами замка, и думать: вот я иду туда, где витают орлы, поэты да профессора истории, а между тем встретить целое женское семейство, взобравшееся прежде вас, сохранившее в этой небесной поездке неприкосновенность щегольского костюма и наполняющее всю циклопическую постройку говором и смехом: верная эмблема Рейна в эту эпоху. А эти города – Эмс, Висбаден и проч. – столицы космополитизма, кажется, не принадлежат уж никому, принадлежат всем, и как будто одобрительно помахивают головой сближению всех народов и будущему скорому уничтожению их родовых отличий. Сколько в них шума и сосредоточенной общественной жизни, которая от этого приобретает немаловажное значение! Особенно важны они для нас в том отношении, что сделались живыми герольдическими книгами русского дворянства. Я видел в Бадене доктора, который знал почти все дворянские фамилии России, а в том числе и мою. Добрый доктор! Тебе принадлежит мое первое воспоминание, и ты будешь стирать первое пятно, которое покажется на благородных легких моих... Не

⁴⁸ Ублетки (от *франц.* oubliettes) – подземная тюрьма, «каменные мешки».

праздники, не балы, не фейерверки этих вод составляют их главную прелесть, а легкость, с какою приводят они человека в непосредственное соприкосновение с обществом Европы, с многими важными людьми ее и с бесчисленным количеством характеров: это их заслуга. Но одно из двух: либо смотреть на все стороны, либо писать! Наслаждаться и описывать вместе – невозможно. Известно, что лучшие мемуары оставлены нам людьми старыми или недовольными. Я – ни то, ни другое, особливо я очень доволен собою. Вот почему мне странно кажется, когда кто пишет на Рейне, точно как будто нет перед ним зеленых гор, величественной реки, превосходного вина, любезных людей!

Да, нельзя писать из окрестностей Рейна! Прийдет ли на ум порядочному человеку взяться за перо во Франкфурте, когда кругом города разлегся густой сад с бесчисленными виллами, дачами и домиками, которые дышат таким выражением благосостояния, что мнится, будто из каждого светлого окошечка их выглядывает по банкиру, – когда надо гулять по тесной, грязной, но живописной Жидовской улице, где все дома с проходами, как будто на случай внезапного нападения, откуда прямо с черного порога люди переходят в великолепные палаты, выводя с собой неподозреваемые капиталы, где живет еще доселе мать Ротшильдов^{396} и где всем торгуют, – когда, наконец, надо обозреть залу, где короновались Германские императоры, посмотреть на картину Лессинга^{397} в галерее («Эцелино в темнице»), на «Ари-

адну» Данекера^{398} в Бекманском саду^{399} и помечтать перед двумя верхними окошечками желтого домика на улице Гроссен-Хири-Грабен^{400}: там написаны были «Гёц фон-Берлихинген» и «Вертер»! За Франкфуртом являются перед нами Дармштадт, Карлсру, Стугарт. Вы скажете: да что же смотреть в этих новых столицах, которые еще обстраиваются^{401} и которые, появившись случайно, хотят принарядиться по подобию великолепных сестер своих, других европейских столиц, и делают невообразимо широкие улицы без народонаселения и протягивают монотонную цепь домов без роскоши магазинов и промышленного блеска, которые прикрывали бы недостаток в них искусства? Так! Но от Дармштадта идет знаменитая Бергштрассе у подошвы Оденвальде, дорога, которая, с одной стороны, коронуется горами с их римскими башнями и феодальными замками, а с другой – прикасается к необозримым плодовитым полям, и идет она так до тех пор, пока, круто повернув, открывает реку Неккар, Гейдельберг, ярко оттеняющийся на зеленой стене горного хребта, и великолепнейшую руину замка на одном уступе его. Никогда не видел я ничего подобного этому замку времен Возрождения. Так мощна была его постройка; так действительно вся сеть украшений наружных вырезана на камне, так все в нем архитектор рассчитывал на вечность, что, кажется, стоило бы только вставить окна да положить крышу, и вышел бы тотчас дворец, которому мало подоб-

ных в Европе. И о Карлсру заметили вы справедливо^{402}; но ведь в Карлсру заседает та баденская палата^{403}, которая свела палатские прения с профессорскою декламацией и педантическим разглагольствием до живого и настоящего рассуждения, внося таким образом новый элемент в немецкую жизнь. Явление это тем более заслуживает внимания, что оно не подготовлено журнализмом и не поддерживается им, и таким образом существование Ицштейнов, Пфифцеров^{404} и проч. есть чисто самородное существование. Речи их, мнения и оппозиция не фальшивы, не представляют лицам того оптического обмана, какой так часто встречается во Франции и Англии и происходит от духа партий и корыстных расчетов самого оратора, а напротив, каждое замечание есть их собственная жизнь, часть собственной их природы, как и должно было случиться в отечестве Шиллера. Да и о Стутгарте намек ваш не без основания; но ведь надобно ж было узнать, почему Виртемберг называется *раем писателей*; надобно же было открыть, что в деревеньках ее, лежащих в чаще садов и фруктовых деревьев, существуют свои писатели, издаются ведомости, пишутся книги, являются стихотворцы, что все большею частью и не выходит из околотка, между тем как столица в литературном движении и умственном гостеприимстве (вы понимаете, какое это гостеприимство) соперничает с Лейпцигом^{405}. Наконец, за Стутгартом лежит Ульм, с великолепным своим готическим собором, в кото-

ром резной по дереву хор походит на эпическую поэму, а за Ульмом – некогда вольный город Аугсбург, с его площадью, где происходило знаменитое confession d'Augsbourg^{406}, ратушей, золотой залой и четырьмя печами ее мастера, Николая Фохтса^{407}, которые составляют страницу в истории искусства XVII столетия. В довершение всего и как последнее слово поездки по Рейну, стоит в бесплодной и нездоровой долине город Мюнхен. В замену изгнанных из него умственных интересов настроены дворцы, церкви и галереи^{408}; но тяжело строить в наш век! Кажется, все уже высказано в архитектуре, и художнику только остается взять в образец старый памятник, очистить в нем все резкости, сгладить все углы и приноровить всего его к нашему современному расположению – к миниатюре и уютности. Так, здесь заметил я *облагороженные* и уменьшенные подобию памятников, виденных мною в других странах во всем их величии и энергии. Я видел базилику^{409}, которая напомнила мне базилики Лоренцо и св. Павла. в Риме; глиптотеку^{410}, которая напомнила мне строения Помпеи; дворец и библиотеку, которые напомнили мне палаццо Питти и палаццо Рикардо во Флоренции; Людвиге-Кирхе, которая напомнила мне романский собор Бонна; капеллу Всех святых, которая напомнила мне византийскую часовню королевского дворца в Палермо и великолепный собор Монреале в часе расстояния от Палермо... Так в Мюнхене образовалась для меня радуга счаст-

ливейших воспоминаний; один конец ее упирался в Гент и Брюгге, а другой переходил Альпы, огибался над всею Италией и пропадал в голубых, фосфорических волнах Средиземного моря. До письма ли было тут, сами рассудите!

Нет, нет! Я положил добраться до какого-нибудь царственного захолуствия, до какой-нибудь велелепной дачи, и тогда в тишине, как рыцарь Жуковского, вспоминающий о далекой Палестине над вывезенной им пальмой^{411}, написать в поучение моим внукам повесть моих странствований. С сим умыслом из Мюнхена поехал я в Зальцбург и Тироль, и тут, когда я очутился на Кенигзее, озере, лежащем в трех часах езды от Зальцбурга, запертом со всех сторон скалами и уединенном так, что слышна капля, падающая с вынутого из воды весла, а дикие олени на неприступных высотах стоят и смотрят на вас, — тут высоко поднялась грудь моя и вылетел из нее богатырский вздох, от которого в старинные годы задрожали бы горы, а ныне только тиролька, правившая лодкой, остановилась, посмотрела несколько на меня внимательнее и снова принялась за работу. По-прежнему езжу я в разные стороны, спускаюсь в долины, чтоб с берегов ручья, клокочущего без устали во все протяжение свое, посмотреть на эти волны гор, недвижно как-то назирающие со всех сторон на вас, или взбираюсь на горы, чтоб с первого, обвала взглянуть на этот зеленый оазис, который в чудном беспорядке деревень, тополей, мостов, мельниц лежит на дне, но все это без торопливости, без судорожного любо-

пытства и без мучительного желания захватить глазами как можно более горизонта, как можно более пространства, что чувствуется обыкновенно в других странах. Тихо и целомудренно улыбаюсь я каждой тиролянке, которая проходит мимо в костюме, сделавшемся, благодаря нашим театрам, эмблемой устаревшего порока, жму руку всем молодцам с остроконечною шляпой и зеленым в ней пером, читаю за завтраком «Молитвы св. Непомуку», которые принадлежат столовой девушке, и проч. и проч.; усиленно стараюсь, словом, прожить хоть неделку чисто, идиллически и успеваю. Вы видите по письму... Где же может прийти желание писать из одного благородного желания писать? Где, как не в благословенном Тироле, пишется легко, нехотя, сладко, любовно, даже наперекор другу, который по получении письма будет, как кобылица кавказского тавра, коситься на него пугливым оком.

Базель. 16-го августа с. г. н. с.

«Пугливым оком»... С сим словом сел я в почтовую карету и приехал к Констанцкому озеру, прорезал его на пароходе до Констанца, а оттуда тем же способом прибыл в Шафгаузен, осмотрел падение Рейна, переночевал и теперь в Базеле ожидаю особенных, мною заказанных башмаков для путешествия по горам. Как тишине величественной Тироля обязаны вы первую половину письма, так теперь башмакам, имеющим поправить горделивые вершины Оберланда, Ри-

ги, Бернарда, – окончанием его. Я так живо помнил страницу Карамзина о Рейнском водопаде ^{412}, что в осмотре своем старался наблюсти тот самый порядок, какому он следовал: позднее осуществление одного из самых ранних, юношеских моих мечтаний! Но не только политическое состояние Европы изменилось с того времени, как странствовал молодой наш путешественник, даже изменился и водопад. Много утесов сбросил он уже с себя, сравнял много скал (смотри виды водопада в конце прошедшего столетия и вид его в 1840 году), и если что одинаково отразилось в его (Карамзина) и *моем* глазе, так это клубы пены да еще влажные облака водяной пыли, освещенной солнечным сиянием. Я спросил также у лодочника: нет ли такого же водопада, и, увы, не мог намекнуть он мне о Ниагаре в Америке, а просто отвечал: «Нигде нет такого». Итак, пропало даже и поколение умных лодочников с Карамзина ^{413}, как пропадают письма на почте (весьма неприятная потеря), как пропадает все на свете... Но возвратимся к Германии.

«Пугливым оком»... Хорошо! Что всего более поражает, однакож, путешественника, так это следующее: Германия укрепляется; куда ни оглянешься, везде строятся крепости – на Рейне, в Раштадте, Ульме, Тироле, и еще существует множество новых предположений. По временам из официальных газет раздаются крики: «Укрепляйтесь, укрепляйтесь!» Так одно политическое обстоятельство обратило Германию к самой себе и к началам, на которых может быть

основана твердо ее материальная и нравственная сила ^{414}. Позитивное религиозное учение, давно уже существовавшее в Мюнхене и не имевшее сильного влияния, явилось как современная необходимость и получило великолепное развитие в Шеллинге ^{415}. Одни из противников профессора отказывают ему в праве вывести из старой своей философии какое-либо чистое понятие о божестве; другие в собственной своей системе находят средства положительного примирения, что доказывается переходом Маргейнеке к так называемой правой стороне гегельянизма ^{416}, торжественно возглашенном журналами. Замечательно, что доктор Салат ^{417}, принадлежавший вместе со многими мюнхенскими профессорами к первому разряду, в доказательство невозможности соединения старого взгляда Шеллинга с новым, приводит между прочим разговор с ним Н. А. Мельгунова ^{418}, напечатанный в «Отечественных записках», и где творец Naturphilosophie сказал: «Основание моей новой системы то же – только я сделался могущественней». Баллада Уланда ^{419}, проникнутая таким духом любви к германскому рыцарству (вспомните «Ветку», переведенную Жуковским) сделалась по той же причине, более чем когда-либо, источником вдохновения для художников, и крайнюю границу этого направления может быть сочтено появление аристократической партии, которая говорит о необходимости восстановления всей старой феодальной отрасли властителей и

не без таланта поддерживает это мнение писателями своего класса, как например, князем Сольмс-Лих^{420}. Иногда думается, что все вопросы, которые казались на школьной скамейке навеки решенными, снова положены на стол, как старое дело, забытое секретарем. Об оппозиции всему этому^{421}, появляющейся там и сям и также считающей в среде своей многих уважаемых людей, писать нечего: это дело без прелести новизны; аргументы все известны.

А впрочем, чем более смотрю я, тем более вижу, что никогда – о, никогда! – не были так перемешаны шашки, как з наш век: течением обстоятельств часто люди находят ныне защиту во врагах, неожиданных обидчиков – в приятелях, слабые берут с сознанием сторону сильных, сильные добровольно приносят никем не требуемые жертвы, и все это ради торжества собственных начал, principes⁴⁹. Конечно, это только наружный хаос, имеющий тайные, но правильные законы: изучать их надо много терпения. Из всего этот выйдет нечто, но это нечто выйдет тогда, когда человек современный будет мирно опочивать под уголком деревенской церкви или за крапивой монастырской оградой... Итак, я вот что делаю: вслед за чистым, кристальным романсом Уланда, который походит на живопись по стеклу, читаю энергическое проклятие Анастасия Грюна^{422}, который составляет оборот медали и как будто дополнение старо-рыцарского направления

⁴⁹ Принципы (франц.).

швабского поэта. Когда устает за ним воображение, я пере-
хожу к Рюккерт^{423} и в роскоши его стиха и восточных
образов забываю все одностороннее или раздражающее со-
временности; а чтоб окрепнуть после расслабительного дей-
ствия этой поэзии, похожей на сон в полдень, под шум во-
допада какой-нибудь волшебной Алгамбры^{424}, есть карета,
есть Тироль, Шварцвальд, Альпы, французские газеты, ма-
ло ли еще что. Вам известно, до какой высокой степени раз-
вит здесь дух критицизма и эстетического анализа: почти нет
журналиста, в котором при разборе литературного произве-
дения не выставлено было бы прозорливо, ярко, во всеору-
жии противоречие, существующее между предметом и истинным о нем понятием, – разумеется, с точки зрения рецен-
зента. Когда делается тяжело это неумеренное приложение
идеи к мимо идущим вещам, что так сильно поразило меня
при выезде из Франции, – я обращаюсь к уличным, так ска-
зать, немцам и наблюдению этой странной природы, распада-
ющейся на две столь несовместимые половины. Вы не може-
те себе представить, как позабавил меня, после длинной ста-
тьи «Аугсбургского журнала»^{425} о празднике в Киссенге-
не, немец, который вез на животе через всю Германию клет-
ку с двумя канарейками, купленными в Остенде и отличав-
шимися от обыкновенных канареек только хвостиком. Осо-
бенно хорошо наблюдается эта добродушная порода Арми-
ниевых детей^{426} в дилижансе. Как только кондуктор запер

дверь и лошади с упором двинули тяжелую карету, в этом желтом ларце образуется любопытный размен сведений. Все пассажиры с некоторым родом скромности спрашивают друг у друга: «Откуда вы? с вашего позволения, будет ли позволено мне... Откуда вы?» Вслед за этим тотчас обнаруживается выгода дробного деления Германии и польза характеристических отличий разных ее племен, ибо все уже знают, как и о чем друг с другом говорить, лишь только узнают, где кто родился. Вестфалец льстит славянской национальности богемца и защищает утишительное мнение, что племя его должно обновить Германию; богемец с робостью поддывается под тон воинственного пруссака, объявляя его стражем настоящей цивилизации; пруссак, со свойственным ему остроумием, снисходит до понятия венского обитателя, признавая необходимость народных театров; добродушный венец с примерным самоотвержением опровергает похвалы, ему воздаваемые, и проч. Раз встретился нам жид. На обыкновенное: «откуда вы?» он очень неграмматически отвечал: «Цюрихский еврей». Никто, однакож, не сконфузился; тотчас объявили, что все жида музыканты – как Мейербер^{427}, философы – как Мендельсон^{428}, фельетонисты – как Берне. Мне еще ни разу не случалось избежать рокового: «откуда вы?» Я отвечал всегда, как Каратыгин в «Ермаке» г. Хомякова^{429}, помолчав с минуту и таинственным голосом: «Я – русский!» Так мало это всегда казалось тучетворящему

дымопускателю, пытавшему меня, что он всегда прибавлял: «Откуда именно: из Петербурга или Москвы?» Я никак понять не мог и до сих пор не понимаю разумности и необходимости этого вопроса. Сперва отвечал я наудачу, но теперь привел это дело в некоторого рода систему. Если спрашивает молодой и холостой человек – так из Петербурга, а если женатый, имеющий дочерей, – так из Москвы. Этак, кажется, приличнее.

Несколько слов об искусстве в Германии.

Я был в Дюссельдорфе – столице нового воззрения на живопись ^{430}, вследствие которого все, что называется смелостью кисти, бойкостью исполнения и порывами сильной фантазии, объявлено не живописью, а распутством живописи; важнейшим же долгом ее считается простота сочинения, верность выражения и сохранение той индивидуальности, которая принадлежит каждому характеру, психологически разобранному, и которая делает, что в картине, как в природе, не может быть двух схожих лиц, как и двух схожих характеров. Я обошел все мастерские дюссельдорфских художников и здесь скажу только о чудной картине Лессинга: «Гусе перед Констанцким собором» (недавно видел я и самую залу собора). Картина эта будет иметь знаменитость европейскую по окончании ее, и я очень рад, что могу первый сказать вам о том, что вы услышите в тысячекратном повторении. Гусе ^{431}, изнуренный, кажется, более поедающей его идеей, нежели телесными страданиями, с видом глу-

бочайшего убеждения развивает свое учение перед собором кардиналов, властей, тюремщиков и разных исполнителей, и тут прошел молодой живописец (я его видел: высокий мужчина тридцати трех лет, в котором особенная застенчивость как-то противоречит с почти байроновским выражением лица), прошел всю лестницу страстей человеческих, начиная с простого любопытства до холодного рассуждения, зарождающегося участия и слепой ненависти, дав каждой страсти одно только ей свойственное положение, так что каждое лицо может служить, взятое отдельно, типом отдельной страсти. Это, может быть, и недостаток картины, ибо таким образом походит она на какой-то чудный горельеф или, скорее, на видение, чем на картину. Само собой разумеется, что второстепенные таланты при этом направлении впадают в особенную сухость, а непоэтическое желание подражать наивности и добродушию старых мастеров производит *манеру*. Также заметна в школе и явная склонность к холодной аллегории, произведшая боннские фрески Геценберга^{432} и франкфуртскую картину Овербека^{433}.

Совсем не такое направление в Мюнхене. За исключением «Страшного суда» Корнелиуса^{434} и византийских подражаний Гесса^{435}, все там пестро, ярко и золотисто. То, что называется благородною пестротой, за которой так хорошо спасается недостаток творческой способности и которая так наудачу приходится бесталантной эрудиции, изгна-

но, совершенно изгнано. Полихромия, или наружная окраска камня, в ходу, а внутри каждого здания, будь оно церковь, дворец, галерея, нет места, где бы не было картин, арабески, роскоши лепных работ и ослепляющего блеска свежих красок. Особенно поражает внутренность королевского дворца, где все стены и потолки в мастерском распределении творческими руками Каульбаха^{436}» Циммермана^{437}, Геценберга, Шлотгауэра^{438} и проч. покрыты сценами из произведений германских и древних поэтов. Так, в приемной комнате Бюргер^{439} рассказывает страшные свои повести; Гете в соседней комнате отдает на созерцание торжественные минуты «Фауста», «Эгмонта», «Геца»; Шиллер, в библиотеке, снова создает все свои баллады, снова переживает все моменты своей творческой деятельности; а там, далее, Анакреон^{440}, в столовой зале гомеровский гимн, рельефы Торвальдсена^{441} в спальне, и вся эта непрерывная цепь поэтических воспоминаний старого и нового времени великолепно заключается Зигфридом «Нибелунгов», могущественными ликами его родных и теми происшествiями песней, которые как будто связывают древний, распадающийся римский мир с новым миром христианской Германии. Совершенно подавленный впечатлениями, которые веют с волшебных этих стен, вышел я из дворца и, отошед несколько шагов, оглянулся назад, как Орфей^{442}, но дворцовый лакей запирает мою Эвредиду огромным ключом... не

навсегда, разумеется, но надолго еще... Я хотел написать вам о Розенштейне, загородном замке Виртембергского короля, о Глейссенхейме, загородном замке Баварского короля, и о состоянии скульптуры в Германии; но уже много написано, да и охота пропала. Прощайте!

XIII

Париж. 9-го марта 1843 года.

Хотелось бы мне, чтоб вы взглянули, какую славную квартиру занимаю я в самой середине города, но отвлеченную своим положением, в глубине двора, от всего его шума, так что весь гул разбивается о порог решетчатых ворот и далее не переходит. Чистый двор украшен статуей отдыхающего Аполлона, из пьедестала которого бьет прозрачный ключ – клянусь честью! Прямо против меня живет молодая швея, которая с раннего утра, в передничке и с цветочком в косе, сидит у окна, наклонясь за работой. И когда я скажу вам, что раза два за пурпуровыми моими занавесками видел, как она плакала, то это я вам скажу по всей правде – хоть на колокольную присягу! Захваченный в эту идиллическую рамку, не весьма обыкновенную в Париже, сижу я дома много и долго, отдыхая от дилижансов, впечатлений и бессонных ночей и приготавливаясь к новым. Со всем тем, как ни стараюсь я придать себе скромный вид и позу, но умолчать не могу, что из уединенного моего жилища протянул я невидимые нити ко всем концам города и связал их с собою. Я абонировался в Итальянский театр и консерваторию на всемирно знаменитые ее концерты: там за 250 франков (весь сезон по одному разу в неделю), здесь за 60 франков (десять концертов);

с одной стороны, «Севильский цырюльник», «Моисей»^[443], «Дон-Хуан», исполненные гениальными певцами, а с другой – симфонии на si, на re, пасторальная Бетховена стоят в необразимом величии друг против друга, помиренные удивительным воспроизведением, вдохновенною передачей их красок. Один из молодых французов, с которым я познакомился в Италии и который обязан рождением депутату, блюдет для меня палату. Всякий раз, как замышляется там брань и побоище, ведет он меня на верхнюю трибуну, соседнюю с журнального, и я вижу, как люди входят на мраморную кафедру, как другие люди, сидящие амфитеатром на бархатных скамейках, завязывают борьбу с вошедшими. Левая сторона кричит: «с'est cela!»⁵⁰. Центр стучит костяными ножичками по столам и выражает неодобрение желчно-ироническим «oh, oh!»⁵¹. Правая сторона вопиет: «laissez parler!»⁵². И иногда шум делается всеобщим. Палата представляет вид страшного смятения^[444]. Тогда президент, измученный бесполезным сотрясением колокола, находящегося под рукой его на столе, и криками: «silence! mais silence dons!»⁵³, надевает шляпу... Заседание прерывается, депутаты расходятся и собираются снова через полчаса. В этих парламентских бу-

⁵⁰ «Правильно!» (франц.).

⁵¹ «О, о!» (франц.).

⁵² «Пусть говорит!» (франц.).

⁵³ «Замолчите! да замолчите же!» (франц.).

рях, которые стоили жизни Перье^{445}, высушили Гизо и сделали звучный голос его таким резким и глухим, тонет иногда целое министерство; но если погибают лица, то уж давно выплывает одна и та же мысль, вспомоществуемая мощной ручкой короля. Самый важный акт нынешнего заседания было торжественное отпадение Ламартина и осуждение, им произнесенное всему ходу дел, начиная с 1835 года. Далее, старый отставной huissier⁵⁴, которому понравился я, сказав, что Ватерлооская битва, по моему суждению, была выиграна Наполеоном, водит меня в reservees⁵⁵ судов, всякий раз, как есть занимательный процесс и предстоит надежда слышать Ше-д'Эт-Анжа^{446}, Палье, Марье^{447}, знаменитых адвокатов, весьма разного таланта, но имеющих ту общую черту, что речи их походят на извилины преследуемой стаей псов лисы, и при всяком ораторском порыве их можно лукаво произнести: «Вишь, куда метнул, какого тумана напустил!»^{448} Это объясняется несчастным положением, в которое они поставлены: защищать самые отчаянные дела – вследствие приобретенной репутации. Важнейший процесс нынешнего семестра был процесс одного из высших чиновников внутренней администрации, Гурдекена, обвиненного в лихоимстве, которое, к несчастью, начинает развиваться весьма сильно здесь. Подкуп сделался правительственной

⁵⁴ Пристав (франц.).

⁵⁵ Запасные места (франц.).

мерой, втерся в выборы, в журналистику, в представление мест, в приобретение писателей (кто бы мог это подумать за несколько лет!) и так поднял голову, что в виду всего Парижа распорядился состоянием и будущностью людей, которые, по новым проектам очищения и украшения Парижа, имели дела за свои дома и земли с префектурой. Тут на него и упал меч юстиции, которая по внутреннему своему устройству, а главное, кажется, потому, что магистрат назначается пожизненно ^{449} и совершенно свободен от всякого постороннего влияния, сохраняет еще славу юстиции неподкупной. И видел я, как закон принял форму президента Фруадегонда, старика, вылитого из бронзы, как говорили здесь эфирные создания, старика, бесчувственного к самым патетическим сценам процесса и обладающего таким зорким глазом, что, кажется, ложь и изворот бегут тотчас, как надел он зеленые очки, а с другой стороны, видел я *теорию приобретения* в образе начальника отделения Гурдекена, человека весьма почтенной наружности, прилично толстого и имеющего ту благородную осанку, которая делает земнородного украшением званого обеда. Как своенравная фузея⁵⁶ или петарда, втерся между ними адвокат последнего Ше-д'Эт-Анж и начал: «Да это добрейший человек... он хочет помирить все споры... вылить весь родник добра, который природа открыла в его сердце... Ему шлют подарки с обеих сторон... он считает это естественным изъявлением признательности...

⁵⁶ Фузея (от *франц.* fusee) – ракета.

он также бы сделал... слабость прекрасной души!.. Нужно ли еще доказательств? Вот письмо его жены... слушайте: «Му-жайся! Люди могут тебя осудить, но ты имеешь навсегда мое уважение!» Фруадегонд встал, отобрал мнения присяжных, посоветовался с двумя своими ассистентами, протер очки и присудил Гурдекена к четырехлетней тюрьме и сильной пене. На другой день в «Шаривари» была чрезвычайно милая карикатура, изображающая просителя в префектуре... Затем все предано забвению и унесено волной времени из глаз.

К грустным явлениям принадлежат также колебания университета, который стоит между двумя партиями – римскою и чисто национальною^{450}, равно опасаясь обоих. Чрезвычайно любопытна программа, данная советом философскому факультету. Как-то оскорбительно видеть, что главною целью при составлении ее была забота не высказаться, а главное – помириться со всеми партиями. Таким образом, профессорам этого факультета воспрещено касаться теологических систем, какие бы они ни были; объявлены *безвременными* и малополезными всякие изложения современных философских теорий в Германии и посоветовано не упоминать о французской философии XVIII века. Что осталось делать гг. эклектикам? Был один только выход: уйти совершенно в шотландскую психологию, с подставками из де Бирана^{451} и Жуффруа^{452} ради национальной гордости и с некоторыми прибавками из «Чистого Разума» Канта ради универсально-

сти. Страшное смешение! Но так они сделали... Бартеlemi Сент-Илер^{453} в этом духе читает психологию. Гарнье^{454} – историю психологии, Симон^{455} – психологическую систему александрийской школы. Всего любопытнее, что вся эта осторожность не спасла университет от нападок. Римская партия более чем когда-нибудь объявляет публичное воспитание Франции атеистическим, а желчный, энергичный и талантливый Леру объявляет эту методу постыдной игрушкой, которая ничем не связывается с действительной жизнью, разрывает, всякое сношение с прошедшим и, ничего не объясняя для общества, заслуживает полное его презрение. Курьезно, очень бывает, когда профессора в середине своих лекций косвенными намеками стараются отвечать на нападки буйных антагонистов своих. Студенты толкают друг друга локтями и говорят: «al a!» Особенный класс почтенных старцев, имеющих счастье быть холостяками, известных здесь» под именем *gentier*⁵⁷ (живущих доходами) и которые от убийственной праздности ходят на все чтения, высиживают бодро теорию дифференциалов, метафизику Аристотеля, ветеринарный курс, все, что угодно, эта старцы только и ловят подобные минуты. Вечером в кофейнях завязывается между ними неистощимый разговор о всех происшествиях *accidents*⁵⁸, неожиданных случаях, бывших в аудитории.

⁵⁷ Рантье (франц.).

⁵⁸ Инцидент (франц.).

ях, конференсах, клиниках и анатомических театрах. За исключением школ медицинской, прав и нормальной ^{456} для образования профессоров, где курсы имеют ученую последовательность и преподавание фундаментально, все усилия университета, имеющего в руках решительно всю молодежь Франции, устремлены на развитие общелитературного образования. Зато нет и земли, – так мне кажется – где бы масса первых познаний была более разлита на народ. Появление сочинителя из крестьян, которое обыкновенно приветствуется инде трубными звуками и предвещается за год кометой или по крайней мере северным сиянием, здесь такое обыкновенное дело, что Леру стихотворную часть своего «Revue» только и замещает стихами ремесленников ^{457}, и весьма пригожими! Теперь вы поймете резкое, но не совсем справедливое слово Дюпена ^{458}, который сказал: «La presse, c'est le metier de: celui, qui n'en a pas autre»⁵⁹. Сколько во всем этом народе законных и незаконных честолюбий, сколько движения, сколько деятельности, проявляющейся иногда уродливо, но никогда бессмысленно, идиотически. Бездну молодых сил и голов поглощают журналы...

Кстати о журналах. Прошлогодние попытки составить беспристрастные, независимые, с новыми направлениями журналы – все почти упали ^{459}, как и должно было ожидать, а ныне образовались с большою надеждою на долго-

⁵⁹ «Пресса – это такое же ремесло, как и всякое другое» (франц.).

вечие такие, которые хотят служить органами мнению, уже существующему и признанному за факт. Вот разница здешней и немецкой журналистики. Там журнал рождает партию, здесь – наоборот. Таким образом, первый признак жизни в палате пэров произвел газету «La Legislation»^{460}, а заметное соединение демократии с легитимизмом другую: «La Nation»^{461} и т. д. Есть исключения. Любуюсь и отдыхаю я, например, на журнале, которого не назову^{462}, чтоб заставить вас поломать голову над разгадкой его имени. Представьте себе вещь, не имеющую ни одной общей черты со столетием, в котором мы жить честь имеем, не соприкасающуюся ни в одной точке с нашими понятиями об обществе, морали, значении и будущности человека, вещь, осуществившую идею о человеке вне своего века так полно, как никогда не представлялась она самому пламенному воображению. Признаюсь, есть какое-то странное наслаждение прислушиваться к голосу, не радующемуся ни одной радости нашей и столь уединенному, что современные явления служат ему только темой для развития фантастической неудобновообразимой будущности... И вполовину не имеют этой занимательности некоторые литературные произведения, выплывшие на поверхность шумного ручья беллетристики, который несет к забвению пасквили, брошюры, романы и рассуждения. Впрочем, их и немного. Эжен Сю пишет «Тысячу одну ночь» из самой грязной закоулоч-

ной парижской жизни, назвав нескончаемый роман свой: «Mysteres de Paris»⁶⁰. Он имеет здесь успех^{463}, ибо нравится глазу рассчитанными переходами своими из адской темноты к бенгальскому огню княжского салона и проч. «La Gendeletrre»^{464} (нововыдуманное слово, дающее понятие о изысканности всего сочинения) Бальзака есть пасквиль на литературную братию, критиковавшую автора, пасквиль, который со своими разделениями, подразделениями, микроскопическими анализами и претензиями на глубокомыслие есть страшная вещь, отгоняющая сон и расстраивающая равновесие душевных сил. Всего более тронуло меня новое произведение Ламне: «Amschaspands et Darvands» (имена добрых и злых духов из восточной мифологии), последний вопль отчаяния человека, который сам потерялся в разрешении общественных и жизненных вопросов^{465}.

И хотелось бы мне, чтоб вы посмотрели, каким Фаустом сижу я в своих креслах, перед камином, окруженный книгами, которые присылает мне Галлио, журналами и revues, которые присылает мне Гальяни. Тогда Париж передо мною как орган. Я опираюсь на любую педаль, извлекаю длинную ноту и слушаю долго, долго – до утомления. Но в 6 часов выхожу я на улицу – обедать. После обеда Париж принимает совсем другой вид: улицы горят газом, окна магазинов и колоннады театров залиты огнем; полицейский офицер, меланхо-

⁶⁰ «Парижские тайны» (франц.).

лически прогуливающийся у дверей, за которыми бьет сильный свет, возвещает, что тут или публичный бал, царство лореток, или концерт, или магнетическое заседание, или религиозная конференция, или «сеанс фокусника. Говорить ли вам обо всем этом, говорить ли вам также о всех явлениях в театрах? Нет... Покуда перо будет выписывать заглавия пьес, они уже перейдут к вечной ночи. Ни с чем нельзя сравнить быстроты появления и исчезновения здешних театральных произведений, и кто бы теперь захотел говорить о «Галифаксе» Дюма, о «Сыне Кромвеля» Скриба, появившиеся в начале зимы, тот непременно получил бы прозвание рококо и ответ: «N'allez pas me parler de l'epoque Carlovingienne»⁶¹. Скажу одно: во всех театрах заметно *декоративное* направление^{466}. Вы уже знаете, что есть целые огромные увражи, где текст написан только для пояснения картинок Гранвиля, Жоанно^{467}, Гаварни^{468}. Итак, эта мода перешла на театры, и есть пьесы, написанные для связи великолепных декораций; но в первом случае можно вырвать текст, а тут уж пьесы никак не сорвешь с подмосток. В таком роде пьеса «Mille et une nuits»^{469} театра «Porte Saint-Martin», где вид Нанкина, моря в бурю, кладбища при лунном свете необычайно ловко сделаны.

Это да еще предстоящее открытие публичной выставки живописи приводит меня к мысли об искусстве. Припоми-

⁶¹ «Так было принято в эпоху Карловингов» (франц.).

наю, что сказал на днях один из здешних аристархов ^{470}, толкуя об этом предмете: «Теперь, – сказал он, – теперь, когда промышленность сделалась общим достоянием всех народов, когда воцарилось между ними почти равное соперничество и всякое новое открытие в этой области принадлежит равно всем, теперь пальма первенства останется за тем народом, который своими произведениями сообщит неуловимую для других печать вкуса, красоты, грации. Вот почему мы одобряем частые художественные выставки в Париже, которые развивают понятие об искусстве в народе. Преклонитесь перед этими ремесленниками, перед этими фабрикантами, которые ходят по великолепным залам Лувра и судят о произведениях искусства вернее всякого привилегированного знатока: им предстоит упрочить за отечеством эстетическую славу, как это уже начинается в отношении мод, бронз, рисунков для материй и проч.» Так, так!.. Это воззрение на искусство уже породило непрерывную, волшебную цепь картинок, рисунков, статуек, канделябров, люстр, часов, бронзы, диадем и проч., которым от Пале-Рояля через улицы Ришелье и Вивьенскую тянется до площади Бастилии, блистая за окнами магазинов всем, что роскошь, остроумие и сноровка могут только выдумать. Но... но с негодованием, вероятно, прислушиваетесь вы к этой новой теории искусства, вы, великие, заальпийские тени XIV и XV столетий!..

Примечания

«Письма из-за границы» писались Анненковым во время его первого зарубежного путешествия и по мере написания публиковались в журнале «Отечественные записки» за 1841–1843 гг., в отделе «Смесь».

Отдел был выбран не случайно: он позволил скрыть «Письма» от цензуры. Стиливая манера «Писем», их иронический тон, обилие информации о культурной жизни Запада, обилие имен второстепенных актеров – все направлено было к тому, чтобы отвлечь внимание цензуры от основного – социально-политической и философской информации. Всего было опубликовано тринадцать «Писем из-за границы».

Вторая публикация «Писем из-за границы» была осуществлена после смерти Анненкова, в 1892 г., в сб. «П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 гг.» СПб., 1892. Редактором сборника был Л. Н. Майков, на что есть прямое указание сына Анненкова – П. П. Анненкова (*ЦГАЛИ*, ф. 7, оп. 2, ед. хр. 14, с. 4).

Никакой существенной разницы в текстах первой и второй публикаций нет, поскольку в основу второй публикации была положена первая; есть лишь редакторская правка, которая свелась к следующему:

1. В первой публикации «Письма» названы: «Письмо I», «Письмо II» и т. д., во второй публикации оставлены лишь

римские цифры.

2. В первой публикации каждое письмо заключалось подписью «А – в», во второй письма даны без подписи.

3. Во второй публикации убраны редакторские примечания к тексту.

4. Текст второй публикации заново разбит на абзацы.

5. В первой публикации все иностранные фамилии, а также названия картин, книг, журналов и т. д. даны курсивом, во второй оставлен лишь смысловой курсив, а названия книг, журналов, газет и т. д. даны в кавычках.

6. В первой публикации фамилии русских друзей Анненкова обозначены начальной буквой, во второй они даны полностью.

7. Во второй публикации исправлено написание некоторых иностранных собственных имен.

8. В первой публикации к некоторым письмам в оглавлении была дана аннотация. Во второй публикации все аннотации убраны.

Во второй публикации допущено несколько опечаток: Письмо I, с. 108 – «казенные», в первой публикации «каменные». Письмо IV, с. 136 – «Баурер», в первой – «Бауер». Письмо V, с. 140 – «Вера», в первой – «Венера». Письмо XI, с. 227 – «подобные», в первой – «подробные». Письмо XII, с. 231 – «Пциферов», в первой – «Пфицеров».

В настоящем издании «Письма из-за границы» печатаются по тексту первой публикации с сохранением некоторых

редакторских поправок, сделанных во второй публикации, а именно: письма даны без подписи и обозначены лишь римской цифрой; редакторские примечания убраны из текста и оговорены в общих примечаниях; названия газет, журналов, книг и т. д. даны в кавычках; сохранены исправления в иностранных собственных именах.

При публикации «Писем из-за границы» в «Отечественных записках» в оглавлении соответствующего номера журнала к письмам, начиная с шестого, дается аннотация. Судя по принципу публикации следующего цикла зарубежных корреспонденции Анненкова «Парижские письма» (см. ниже), аннотации принадлежат автору, поэтому текст их приводится в примечаниях.

Комментарии

1.

Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – русский литератор, журналист; в 1830–1840-е гг. близок кружку В. Г. Белинского, сотрудник «Отечественных записок» и «Московского наблюдателя», первый переводчик на русский язык «Писем о природе» Ф. Шеллинга и лекций об эстетике Гегеля; в 1860–1880-е гг. – реакционный публицист, редактор журнала «Русский вестник».

2.

...как тень Сумбеки (в балете того же имени)... – Героический балет «Сумбека, или Взятие Казани», поставленный на сцене Большого театра в Петербурге в конце 1830-х годов, балетмейстером А. Бланшем, сыном парижского балетмейстера Ж. Бланша.

3.

Травемюнде – гавань в Любеке, куда всегда привозили русских путешественников, отправлявшихся за границу.

4.

...и девушку, и страдальца, и стихи, и фразу... – Имеется в виду романтическая повесть русского писателя Карамзина Николая Михайловича (1766–1826) «Остров Борнгольм» (1793), написанная под влиянием английского

романтизма. Цитата приведена Анненковым неточно. В повести Карамзина читаем: «В горестной задумчивости стоял я на палубе, взявшись руками за мачту. Вздохи теснили грудь мою; наконец, я взглянул на небо, и ветер снес в море слезу мою» (Карамзин Н. М. Избр. соч. М.; Л., 1964, с. 673).

5.

...болтая обо всех вас... – Имеются в виду В. Г. Белинский и его ближайшее окружение в Петербурге: Языков Михаил Александрович (? – 1885), промышленник и литератор, Панаев Иван Иванович (1812–1862), русский журналист и писатель, и др.

6.

...пояснили мне «Германа и Доротею» Гете... – Речь идет о поэме И. В. Гёте, повествующей в гекзаметрах о быте немецкого бюргерства (1797).

7.

...за исключением стен, разрушенных Наполеоном... – В 1806 г. город Любек был захвачен войсками Наполеона и в 1810 г. присоединен к французской империи; в 1814 г. Любек был освобожден и вместе с Гамбургом и Бременом вновь стал вольным городом, с собственной администрацией и на правах союзного государства, входящим в Германский

союз.

8.

Лютер Мартин (1483–1546) – деятель эпохи Реформации, основатель протестантизма (лютеранства) в Германии.

9.

...картина Иоганна Гемлинга, одного из учеников Дюрера... – Большой алтарный складень «Страсти Христовы» работы художника старонидерландской школы Мемлинга Гана (1433–1499), ошибочно называемого Гемлингом; Мемлинг – ученик немецкого художника Дюрера Альбрехта (1471–1528).

10.

Каиафа – иудейский первосвященник, собственное имя которого, по свидетельству Иосифа Флавия, римского историка, было Иосиф; согласно легенде, Каиафа был яростным врагом учения Иисуса Христа и повинен в его смерти.

11.

...кидающих жребий об одежде Христа... – Выражение восходит к библейской легенде, согласно которой воины, распявшие Христа, деля его одежду, метали жребий.

12.

Овербек Фридрих (1789–1869) – представитель позднего немецкого романтизма, принадлежал к школе т. н. «назарейцев», обществу австрийских и немецких художников, основанному в Риме в 1808 г.; школа стремилась к возрождению простоты и наивности религиозного монументального искусства средних веков.

13.

...для членов магистрата... – В Германии 1840-х годов магистратом называлась – совокупность городских учреждений.

14.

...расстрелянному в 1813 году за смелые слова... – Эпизод из восстания в г. Любеке против французского владычества в 1813 г.

15.

...маленький штраф за позднее вступление в город... – Намек на полицейский режим, усилившийся в Германии после французской революции 1830 г. и возродивший средневековый обычай.

16.

Меланхтон Филипп (1497–1560) – протестантский богослов,

сподвижник М. Лютера, вставший после его смерти во главе лютеранства в Германии.

17.

Франк Пауль (1540–1596) – фламандский художник, автор картины «Шествие на Голгофу».

18.

Stadt-театр – Городской театр, основанный после закрытия в 1768 г. Гамбургского национального театра.

19.

Гиммель, правильно Гуммель, Иоанн Непомук (1778–1837) – пианист и композитор, ученик В. А. Моцарта.

20.

Тальберг Сигезмунд (1812–1871) – австрийский пианист и композитор, ученик Гуммеля; гастролировал в России в 1839 г.

21.

Фильд Джон (1782–1837) – композитор, пианист и педагог; долгое время жил в России, упоминается в романе Л. Толстого «Война и мир».

22.

«Норма» – опера итальянского композитора В. Беллини (1801–1835), впервые поставленная в миланском театре в 1831 г.; написана по трагедии французского драматурга Ф. Сулье (1800–1847) на либретто итальянского драматурга Ф. Романи (? – 1865).

23.

«Лукреция» – «Лукреция Борджиа», опера итальянского композитора Г. Доницетти (1797–1848), написанная по драме В. Гюго того же названия на либретто Ф. Романи; впервые поставлена в 1833 г. в миланском театре «La Scalla».

24.

Я вам не говорю о бирже... – Знаменитая гамбургская биржа, открытая в 1554 г. В письме Анненкова к братьям из Гамбурга читаем: «Но самое главное в городе, так как он вольный и торговый, это биржа: просто старый, темный, готический навес, но в час под этим навесом собирается весь Гамбург, площадь между банком и биржей наводняется толпами, и тут кончаются все сделки и ворочаются миллионы» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 4).

25.

...ллойдовой кофейне Гамбурга. – Кофейня в Лондоне конца 17 – нач. 18 вв., принадлежала Эдуарду Ллойд, возглавлявшему английское акционерное общество

морского страхования.

26.

«Фрелих» – представление на открытой сцене (Freilichbuhne).

27.

...в погреб, где пьянствовал Гофман. – Немецкий писатель-романтик Гофман Эрнест Теодор Вильгельм Амедей (1776–1822), живя в Берлине, большую часть вечеров проводил в винном погребе Лютера и Вегнера, где его собеседником был немецкий актер, глава актерской династии Девриент Людвиг (1784–1838). В память об этих вечерах в погребе висела картина работы неизвестного художника, изображавшая собеседников.

28.

Вердер Карл (1806 —?) – немецкий философ и драматург, с 1834 г. приват-доцент на кафедре философии Берлинского университета.

29.

Гото Генрих Густав (1802–1873) – немецкий ученый гегелевской школы, историк и теоретик искусства, профессор Берлинского университета.

30.

Ранке Леопольд фон (1795–1886) – немецкий историк, основатель немецкой историко-критической школы.

31.

Фарнгаген, иначе Варнаген, Энзе Карл Август фон (1785–1858) – немецкий писатель и критик, много сделавший для популяризации русской литературы в Германии.

32.

...у Е<лагиных>... – Речь идет о популярном литературном салоне Москвы в 1830–1840-х годах, хозяйкой которого была Елагина (по первому мужу Киреевская) Авдотья Петровна (1789–1877), мать известных славянофилов И. В. и П. В. Киреевских.

33.

«Отечественные записки» – русский общественно-политический и литературно-художественный журнал демократического направления, выходил в Петербурге с 1839 по 1884 г., до 1866 г. под редакцией А. А. Краевского.

34.

...повесть Гребенки «Верное лекарство»... – Нравоописательная повесть украинского писателя Гребенки Евгения Павловича (1812–1848); повесть напечатана в

35.

...университет поглощает всю жизнь и все толки лучших умов Берлина... – Берлинский университет, основанный в 1808 г. немецким ученым В. Гумбольдом, был в первую половину XIX в. центром образования в Европе. В него стекались слушатели из всех европейских стран, в том числе и из России; Н. В. Станкевич, Н. П. Огарев, И. С. Тургенев, М. А. Бакунин были студентами Берлинского университета.

36.

Гропиус Фердинанд (1796 —?) – художник сцены, работал для Stadt-theatr, член известной фирмы Gebruder Gropius.

37.

...г-жа Тальони (сестра нашей по мужу)... – Брат известной итальянской балерины Марии Тальони, гастролировавшей в Петербурге, также танцовщик, был женат на балерине Амалии Гольстер.

38.

Зейдельман Карл (1793–1843) – немецкий актер, зачинатель реалистического театрального искусства в Германии, был близок прогрессивным культурным деятелям группы «Молодая Германия». По свидетельству К. Либкунхта,

любимый актер К. Маркса.

39.

...в роли Полониуса... – персонаж драмы Шекспира «Гамлет».

40.

... транспарант с изображением Мефистофеля, по рисунку Ретча... – «Гравюры в очерках» (28 листов) к драме «Фауст» Гёте, созданные немецким живописцем и гравёром Ретцшем Фридрихом Августом Морисом (1779–1857); гравюры Анненков видел у своего друга и друга В. Г. Белинского, Боткина Василия Петровича (1811–1869), известного русского литератора.

41.

...»Нафан Мудрый» Лессинга... – Речь идет о драме «Натан Мудрый» немецкого писателя и теоретика искусства Лессинга Готхольда Эфраима (1729–1781).

42.

Шинкель Карл Фридрих (1781–1841) – немецкий архитектор, автор проекта старого музея в Берлине.

43.

...я посетил прежнее жильё Фридриха Великого... –

Потсдам был резиденцией Фридриха II, прозванного Великим (1712–1786), прусского короля с 1740 г.

44.

Кистер – привратник в лютеранской церкви.

45.

...я говорю о поле битвы... – Речь идет о Лейпцигской битве 16–19 сентября 1813 г., в результате которой войска Наполеона I были разбиты войсками коалиции. В память об этой битве на холме «Трех монархов» была возведена пирамида, установлен памятник австрийскому фельдмаршалу Шварценбергу Карлу Филиппу (1771–1820) и камнем отмечено то место, где утонул маршал Понятовский Юзеф (1763–1813), а также место, где был расположен штаб Наполеона.

46.

...знаменитый погреб Ауэрбаха... – Винный погребок в Лейпциге, на Ауэрбаховом подворье, связанный с легендой о докторе Фаусте; в погребок находились две картины, изображавшие эпизоды из легенды.

47.

...бургомистр объявляет народу о побиении ганзеатических купцов в Новгороде... – Речь идет об уничтожении

новгородской конторы Ганзейского союза в Новгороде при великом московском князе Иване III.

48.

Валенштейн, правильно Вальдштейн, Альбрехт Венцлав Евсей (1583–1634), герцог Фридляндский и Мекленбургский, главнокомандующий имперскими войсками в Тридцатилетнюю войну; убит по приказу императора; герой драматической трилогии Ф. Шиллера, «Смерть Валенштейна» – заключительная часть трилогии (1789).

49.

...с остатками замка кровожадного Либуши... – Анненков допустил ошибку: Либуши (Libuse) – персонаж древних чешских сказаний, отличалась мудростью и даром предвидения; с именем этой мудрой девы, по преданию, связано основание Праги и установление первых чешских законов.

50.

...Богемия играла некогда добрую роль в европейской истории. – Имеются в виду революционное движение в Богемии, иначе Чехии, в XV в., известное как гуситская война, по имени ее вождя Яна Гуса, а также упорная борьба чешского народа против католицизма и габсбургского ига в

период Тридцатилетней войны (1618–1648).

51.

...но здесь совсем другая жизнь. – Намек на отсутствие всяких общественно-политических интересов в Вене, о чем непрестанно заботился австрийский канцлер Меттерних, вдохновитель Священного союза. На это же указывал и Ф. Энгельс в своей статье «Роль насилия в истории» (опубликована в 1895–96 гг.): «Внутри страна была застрахована от всякого, даже самого слабого, политического движения абсолютистским произволом, единственным в своем роде даже в Германии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 432).

52.

Штраус (Страус) Иоганн (1804–1849) – австрийский композитор, дирижер, автор популярных вальсов. Следуя привычке знакомиться с знаменитостями, Анненков познакомился и с И. Штраусом, о чем пишет братьям в письме из Вены: «Я сказал ему, что слава его весьма громка в Петербурге и что следовало бы ему приехать туда и самому удостовериться в ней, на что с улыбкой он ответил, что у него большая семья, т. е. 300 человек музыкантов, составляющих его оркестр, и что с ними трудно, а без них не для чего и ехать» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 14).

53.

Ланнер Иосиф Франц Карл (1801–1843) – австрийский композитор, автор танцевальной музыки, пианист и дирижер.

54.

...потанцевать на публичных балах, которых здесь бездна... – Имеется в виду стремление правительства отвлечь население столицы от политических интересов; в письме к братьям Анненков уточняет свою мысль: «Нигде не видел я такой заботы, чтобы веселились все классы общества, как здесь» (там же, л. 15).

55.

...нашел я здесь Заикина... – Заикин Павел Федорович (1810 —?), отставной гусар, университетский товарищ Белинского. В письме Анненкова к братьям о Заикине сказано: «Он из Москвы, служил в армейских гусарах и приехал сюда лечиться. Его знают Комаров и Белинский» (там же, л. 13 об.).

56.

Каравансерай – большое общественное строение на Востоке в средние века для приюта путешественников.

57.

...на который много действует пребывание в городе Лудвига Тика... – В 1825 г. немецкий писатель-романтик Людвиг Тик (1773–1853) был приглашен в качестве консультанта-режиссера в Дрезденский придворный театр, где проявил себя подлинным реформатором, следуя театральной эстетике Лессинга.

58.

...пьесы принцессы Амалии. – Имеются в виду пьесы Амалии Анны (1739–1807), герцогини Саксен-Веймарской, которая не только покровительствовала писателям и художникам, но и сама была автором пьес, игравшихся на придворном театре Дрездена.

59.

Бауер Каролина (1807–1877) – немецкая актриса, выступала в Вене, Дрездене» гастролировала в Петербурге.

60.

Паули Людвиг Фердинанд (1793–1841) – немецкий драматический актер.

61.

...муж и жена Девриенты... – Речь идет о немецких актерах из актерской династии Девриентов – Девриенте Эмиле (1805–1875) и его жене Девриент Доротее (1805–1882).

62.

...упомяну о музее Менгса... – Основатель музея скульптуры, преимущественно античной, в Берлине Менгс Антон Рафаэль (1728–1779), немецкий художник.

63.

...отыскивая всего более книг и табаку. – Намек на полицейский режим и политику государственных монополий, введенных канцлером Меттернихом. В письме к братьям Анненков пишет: «Забыл сказать, что нас три раза осматривали в Праге и в Вене, что по приезде все сами должны являться в полицию для получения дозволения жить в городе» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 13).

64.

...реакция Лютера была так сильна, что уничтожила все это. – В отличие от католицизма, протестантизм, насаждаемый в Северной Германии М. Лютером в 1520–1540-х годах, отказался от всякой излишней обрядности и внешней обстановки при богослужении, в том числе от икон и статуй святых, которые наполняли католические храмы.

65.

...книжками в руках. – Речь идет о Библии, которую Лютер положил в основу протестантской религии и перевел на

немецкий язык, чтобы сделать доступной народу.

66.

...при начале Тридцатилетней войны выброшены были депутаты. – Имеется в виду чешское восстание против австрийских Габсбургов, начавшееся 23 мая 1618 г., когда австрийские наместники в Чехии были выброшены восставшими из окна Пражского града; во главе восстания стоял граф Турн Генрих Матвей (1580–1646); чешское восстание явилось началом войны 1618–1649, известной под именем Тридцатилетней.

67.

...башня Делиборки... – Башня для особо важных преступников, названная по имени ее первого узника рыцаря Делибора из Казоеда, укрывшего в своем поместье восставших крестьян соседнего феодала.

68.

...старание писателей и ученых Богемии о сохранении народности и языка. – Речь идет об освободительном движении в Чехии конца XVIII и первой трети XIX вв., проходившем в условиях национального угнетения, глубокого упадка чешской культуры, а потому связанном с борьбой против насильственного онемечивания, за развитие национальной чешской культуры.

69.

Ганка Вацлав (1791–1861) – чешский ученый-филолог, отличавшийся русофильством.

70.

...дает им Краледворскую рукопись... – Памятник древнеславянской письменности, изданный впервые Ганкой в 1827 г. в «Strabyla skladane», в 1852 г. переведенный на все славянские и некоторые европейские языки. Впоследствии Краледворская рукопись была признана искусной подделкой самого Ганки.

71.

Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) – русский ученый-филолог, славист, этнограф. Его деятельность была необычайно многогранна и отличалась демократической направленностью. В 1839 г. Срезневский выехал за границу, где провел почти три года, изучая во время путешествия по Чехии, Моравии, Силезии, Черногории, Венгрии местные говоры и собирая славянский фольклор.

72.

...имеет право давать книги для чтения... – В письме к братьям Анненков уточняет: «Здесь никто не читает, и привычки такой нет. И только одна библиотека, где можно

подписывать книги, а в других запрещено и только велено продавать книги, да какие же и продают! «Робинзон Крузо», «Матильда, или Крестовые походы» (там же, л. 15).

73.

О многих творениях, известных всей Германии, и помину нет. – Имеется в виду политическая и интеллектуальная изолированность Австрии при Меттернихе. Об этом же Анненков писал и М. Н. Каткову, который остался в Берлине: «Австрию решительно считаю немецким Китаем» (ИРАН, 47 43 XXIV б.).

74.

Грильпарцер Франц (1791–1872) – австрийский писатель, драматург, исследователь театрального искусства; с 1832 г. находился на государственной службе, но не принимал меттерниховского режима и постоянно конфликтовал с цензурой. Ф. Энгельс писал о нем своему другу Ф. Греберу 5 февраля 1840 г.: «Я прочел очень милую комедию Грильпарцера из Вены «Горе тому, кто лжет»; она значительно выше всей той дребедени, которая именуется в наше время комедией. Там и сям дает себя чувствовать благородный, свободный дух, придавленный невыносимым бременем австрийской цензуры» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 41, с. 442).

75.

Анастасий Грюн (псевдоним графа Ауерсперга Антона) (1806–1876) – австрийский поэт, в своих произведениях выступал против реакционной политики Меттерниха.

76.

Морелли Аламанно (1812–1893) – итальянский композитор и дирижер.

77.

...о рококо-бале в Сперле... – Известный в Вене танцевальный зал «Zum Sperl», где выступали Ланнер и И. Штраус-отец со своими оркестрами.

78.

...о сувенир-бале в Бирне... – Венский танцевальный зал «Golden Birne».

79.

...о флора-бале в Элезиуме. – Венский театр «Neues Elysium», где с 1840 г. проводились костюмированные балы, ставились пантомимы и давались театрализованные представления.

80.

Ларош Карл (1794–1884) – немецкий комедийный актер, в

1830–1840 годах играл в венском Бург-театре.

81.

Нейман Луиза (1817–1888) – немецкая актриса, играла в комедиях и водевилях.

82.

Бург-театр – крупнейший австрийский театр, открытый в Вене в 1741 г. под названием Королевский театр при дворе. В 1840-е годы Бург-театр отличался антифеодальным, прогрессивным направлением, в нем ставились пьесы Шекспира, Шиллера, Лессийга, Грильпарцера.

83.

...ее три народных театра... – Театры в предместьях Вены, любимые простым народом. Особой популярностью пользовался Леопольдштадт-театр, открытый в 1786 г.

84.

Нестрой Иоганн Непомук (1801–1862) – австрийский драматург и актер, представитель венской народной комедии.

85.

Стирия, правильно Штирия – земля в Австрии.

86.

Иллирия – Иллирийские провинции, вассальное от Франции государственное объединение (в 1809–1814 гг.) словенских и хорватских земель. Решением Венского конгресса 1814–1815 гг. их территория была закреплена за Австрией, которой принадлежала до 1849 г. Название произошло от иллирийцев – племен, населявших в древности эту территорию.

87.

Коринтия, правильно Каринтия, или Корушна – словенская земля, входившая в Иллирийские провинции.

88.

...профессоров-славянофилов. – Представители одного из направлений русской общественной и философской мысли 1830–1840-х годов, такие, как Беляев Иван Дмитриевич, историк права, Попов Александр Николаевич, историк, и др., выдвигавшие теорию об особом пути развития России.

89.

...где был зарезан Винкельман. – Злодейское убийство немецкого ученого, искусствоведа, основателя классической археологии Винкельмана Иоганна Иоахима (1717–1768); совершено выпущенным из тюрьмы преступником, вкравшимся в доверие ученого.

90.

Портофранко – приморская гавань, пользующаяся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

91.

«Сильфида» – балет на музыку Ж. Шнейцгрффера, либретто Ц. Нодьера в постановке парижского балетмейстера Филиппа Тальони; в 1835 г. балет был поставлен на сцене Большого театра в Петербурге балетмейстером А. Титюсом по проекту Тальони; в 1837 г. на петербургской сцене в этом балете дебютировала знаменитая балерина Мария Тальони (1804–1884), дочь Ф. Тальони.

92.

Прокураторы – поверенные в делах, уполномоченные.

93.

Палладио Андреа (1508–1580) – итальянский архитектор.

94.

Лонген Балтазар (1598–1682) – венецианский архитектор.

95.

Сансовино Андреа (собственно Кентучи) (1460–1529) – итальянский скульптор и архитектор.

96.

Тассо Торквато (1544–1595) – итальянский поэт, жил при дворе герцогов д'Эсте, правителей Феррары.

97.

Рижский Иван Сергеевич (1761–1811) – профессор риторики и логики, автор сочинения «Опыт риторики, сочиненной и преподаваемой в С.-Петербургском горном училище» (1822, СПб., изд. 2-е).

98.

Индульгенции – покупаемые за деньги отпущения грехов.

99.

Фениче – один из крупнейших театров Италии, открытый в Венеции в 1892 г.

100.

Ронкони Джорджано (1810–1890) – итальянский оперный певец (бас).

101.

...хотя два солдата с ружьями и стоят по обеим сторонам оркестра... – Намек на реакционный режим Меттерниха, державшего под строгим надзором полиции и цензуры

культуру итальянских городов, входивших после 1815 г. в Австрийскую империю.

102.

...потолков лепантских победителей... – Подразумевается победа, одержанная венецианцами у г. Лепанто во время войны с Турцией в 1570–1573 гг.

103.

Иванов Николай Кузьмич (1810–1877) – русский певец-тенор, дебютировавший в 1841 г. на итальянской сцене.

104.

...венецианская школа живописи... – Одна из главных школ живописи Италии, сложилась в XVI в.

105.

Фальери Марино (1278–1355) – венецианский дож, был казнен после раскрытия заговора, целью которого было низложение Совета десяти, верховного правительства Венецианской республики.

106.

«Santa Maria, ora pro nobis!» – Начало известной католической молитвы: «Святая Мария, молись за нас...»

107.

Подеста – консул в средневековых итальянских городах.

108.

...шарадами князя Шаликова. – Шаликов Петр Иванович, князь (1767–1852), второстепенный русский поэт и журналист, эпигон романтизма; упоминаемую в тексте шараду Шаликова Анненков расшифровывает в письме к братьям: «Мое первое – река в Италии, мое второе – имя, а третье – происходит, когда на второе смотришь» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 25).

109.

...где жила прекрасная Леонора д'Эсте. – Дворец правителей Феррары, герцогов д'Эсте, к семье которых принадлежала Элеонора; в нее, по преданию, был влюблен Торквато Тассо; эта любовь послужила одной из причин, благодаря которым Тассо впал в немилость правителей Феррары и был заключен на восемь лет в госпиталь св. Анны.

110.

...в изображениях несчастной любви Торквато драматиками. – Трагедия Т. Тассо, как поэта и человека, не раз служила предметом поэтического творчества: о Тассо писал Н. К. Батюшков, Д. Г. Байрон, И. В. Гёте; последний написал драму «Торквато Тассо» (1780–1789), в центре

которой история любви поэта к Элеоноре д'Эсте.

111.

...творца «Орландо»... – Речь идет о итальянском поэте Ариосто Людовико (1474–1533), авторе знаменитой поэмы «Неистовый Роланд» (1516–1532).

112.

...устроился с жизнью лучше пылкого, несчастного Торквато.... – Л. Ариосто в продолжение большей части своей жизни пользовался покровительством кардинала Ипполита и брата его, герцога Альфонса Феррарского II; сам поэт, однако, очень тяготился этим покровительством.

113.

...неудачная ее революция... – Революционное восстание в Болонье, входившей в Папское государство, направленное против папы Григория XVI, известного реакционера; восстание продолжалось два года (1831–1832) и было жестоко подавлено австрийцами.

114.

...старый университет ее... – Болонский университет – один из старейших в Европе, основан в XII в.; слушатели стекались в него из всех стран мира, в их числе, как и в числе преподавателей университета, были женщины; болонский

университет окончили такие великие ученые, как Куза, Коперник, Ульрих фон Гуттен.

115.

...впал в летаргическое состояние... – После необычайной творческой активности великий итальянский композитор Россини Джоакино Антонио (1792–1868) с 1829 г., года окончания оперы «Вильгельм Телль», долгое время не писал оперной музыки.

116.

...имела свою школу живописи... – Болонская академическая школа живописи XVII–XVIII вв., основателями которой были итальянские художники братья Карраччи: Агостино (1557–1602), Аннибале (1560–1609) и Лодовико (1555–1619).

117.

Доминикино (Dominico Jampierri) (1581–1641) – итальянский художник, последователь братьев Карраччи.

118.

Рени Гвидо (1575–1642) – итальянский художник, гравер и скульптор, особенное значение имеют его ранние произведения, позднее в его живописи появляются черты академизма под влиянием братьев Карраччи.

119.

Павел апостол – по преданию, ученик Иисуса Христа.

120.

Иоанн евангелист – по преданию, автор одной книги евангелия, возвещающей учение Иисуса Христа.

121.

Августин Блаженный Аврелий (1354–1430) – христианский теолог.

122.

Мария Магдалина – персонаж истории христианства.

123.

Капуцины – члены монашеского католического ордена, основанного в 1525 г.; для этого ордена характерна фанатическая преданность папе и строгий устав; бедность соединялась у капуцинов с невежественностью, их называли пролетариями среди монахов.

124.

...королем своим считают дона Карлоса... – После смерти короля Испании Фердинанда VII претендентом на престол стал его брат, инфант испанский дон Карлос Мария

Исидор Бурбон де (1788–1855); он опирался на поддержку католических кругов Испании и папы; династический конфликт привел к первой карлистской войне (1834–1839); после поражения дон Карлос бежал во Францию.

125.

Кабрера (дон Рамон, граф Морелло) (1810–1877) – генерал-капитан карлистов.

126.

Эспартеро Бальдомеро (1792–1879) – испанский генерал и государственный деятель, отличился в борьбе с карлистами и в то же время возглавил оппозицию против регентши, королевы Марии Христины, жены Фердинанда VII; после ее бегства в Англию в 1841 г. был избран регентом.

127.

...и революционные мысли свои... – Правление Марии Христины, регентши при малолетней дочери, королеве Изабелле, отличалось некоторым либерализмом, она вела упорную борьбу с карлистами, опирающимися на клерикалов; после выхода замуж за королевского телохранителя, по требованию кортесов, отреклась от престола и покинула Испанию.

128.

... отыскал Гоголя, который и указывает мне точки для наблюдения... – Н. В. Гоголь с осени 1840 г. жил и работал в Риме. Приехав в Рим, Анненков поселился рядом с Гоголем, переписывал под его диктовку 1-й том «Мертвых душ», который Гоголь готовил к изданию, и был попутчиком писателя в его прогулках по окрестностям Рима.

129.

Miserere – псалом, начинающийся словами: «miserere mei, Domine» – «Помилуй мя, боже».

130.

Адрианова гробница – гробница римского императора Адриана (76–138 н. э.).

131.

Мигуэль Мария Эверест дон (1802–1866) – третий сын португальского короля Иоанна IV, сторонник абсолютной монархии; добивался с оружием в руках королевской власти и не раз высылался из Португалии; конец жизни провел в Германии.

132.

Летиция Рамолино (? – 1836) – жена корсиканского дворянина Карло Мария Бонапарте, мать Наполеона I.

133.

...художническое воззрение на жизнь. – Имеются в виду «Римские элегии» Гёте, написанные в 1790 г. на основе итальянских впечатлений.

134.

...жил рядом, об стену с Гоголем и в сообществе трех или четырех русских художников... – По приезде в Рим Анненков поселился рядом с Гоголем, возобновив старые приятельские отношения; Гоголь познакомил его со своими друзьями, художниками из России, которые жили в Риме; это художник Иванов Александр Андреевич (1806–1858), скульптор Пименов Николай Степанович (1812–1864), скульптор Логановский Александр Васильевич (1810 (или 1812) – 1855) и гравер на меди и стали Иордан Федор Иванович (1800–1883). Подробно о своей жизни в Риме Анненков сообщал братьям: «Пишу вам, любезные братья, последнее письмо из Рима, почти перед отъездом в Неаполь; провел я здесь три месяца, больше, чем хотел: долго буду помнить об этом городе. Причина этому – главное Гоголь, а потом несколько русских художников, с которыми познакомился я, и жили мы, таким образом, весело, осматривая все, что есть лучшего, обедали вместе – не видели, как пролетели три месяца» и дальше: «К пяти часам уже дома и отдыхаю до 6 или 7, а потом обед и после – поездка на загородную виллу Боргезе или Памфила-

Дориа, и там, под кипарисами, платанами, кустами роз, гуляли до времени захождения солнца. Вечером у нас (мы живем об дверь с Гоголем, на горе Пинчино, где были сады Нерона и где он погребен, в частном доме, платим 30-х в месяц, а за прислугу 5-х) образуем из вышеупомянутых лиц бостончик по 1 1/2 копейки, и по окончании всегда выходит, что либо 30 копеек проиграл, либо 15 копеек выиграл» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 35; письмо частично и с искажениями опубликовано в ЛН, т. 58, с. 605). См. также: Лит. воспоминания, с. 89–91.

135.

«Появление Мессии» – первоначальное название картины Иванова «Явление Христа народу».

136.

...статуями Бабочника и Сваечника. – Скульптуры Пименова «Русский парень, играющий в бабки» (1836) и Логановского «Русский юноша, играющий в свайку» (1835).

137.

...а la Rousseau... – Руссо Жан Жак (1712–1878), французский писатель и философ, проповедовавший в своих сочинениях необходимость для человека вернуться назад к природе, к естественному состоянию.

138.

...в национальных праздниках июня месяца ... – Эти праздники восходят к глубокой древности и связаны с культом богини Юноны.

139.

Женсано, иначе Дженсано – об обычае этого города выкладывать улицы замысловатыми узорами из цветов писал Гоголь в статье «Рим».

140.

Дориа – знаменитый генуэзский род, правивший в Генуе в XIII–XIV вв.

141.

Пиомбино – знатный итальянский род.

142.

Сан-Карло – известный неаполитанский театр, открытый в 1737 г., на его сцене ставились оперы Россини и Доницетти.

143.

Лукулл Луций Лициний (ок. 117 – ок. 56 до н. э.) – римский полководец и политический деятель, прославившийся роскошью жизни и богатством пиров, вошедших в поговорку («лукуллов пир»).

144.

Тиверий, правильно Тиберий, Клавдий Нерон (42 до н. э. – 31 н. э.) – римский император в 14–37 гг. н. э.

145.

...Капуя скульптуры... – Музей с богатым собранием античных и средневековых произведений искусства в главном городе Кампании Капуе.

146.

«Обозрение» – «Revista teatrale, Geurnal draraatico, musicale et coregrafico», ежемесячная газета, издавалась в Неаполе в 1831–1848 гг.

147.

...критики, написанные Олиным, Измайловым и проч. – Русские критики 1820-х годов, отличавшиеся крайним примитивизмом своих суждений: Олин Виктор Николаевич (1788–1840), писатель, издатель и критик; Измаилов Александр Ефимович (1779–1831), баснописец, журналист и критик.

148.

...монастырь траппистов... – Монастырь монахов католического церковного ордена с очень строгим уставом,

требовавшим обета молчания; орден основан во Франции в 1636 г.

149.

Кармелиты – монахи церковного католического ордена, основанного в XII в. в г. Кармеле, в Палестине.

150.

св. Розалия – Розалия, племянница неаполитанского короля Вильгельма Доброго; за свою отшельническую жизнь была канонизирована церковью, считалась покровительницей г. Палермо, вблизи которого жила; день ее именин отмечался с большой пышностью 11–15 июня.

151.

... который в нашем веке знает употребление кинжала... – Намек на восстание в Палермо в 1820 г., во время которого народ сверг австрийский муниципалитет и образовал новый, демократический и национальный по своему составу; восстание было подавлено неаполитанскими и австрийскими войсками.

152.

Сцилла и Харибда – по верованиям древних греков, на прибрежных скалах по обе стороны Мессинского пролива обитали два чудовища Сцилла и Харибда, виновники

кораблекрушений.

153.

...Черткова «Путешествие по Сицилии»... – Чертков Алексей Дмитриевич (1789–1858), председатель общества Истории и древностей Российских; 1822–1824 годы провел в путешествиях, результатом которых была книга «Воспоминания о Сицилии» (М., 1835–1836) в 2-х частях с приложением атласа и рисунков.

154.

...ожидают съезда ученых итальянских и других во Флоренции... – Один из девяти конгрессов итальянских ученых, проводимых в период 1839–1847 гг. в разных итальянских городах вопреки воле Меттерниха; среди участников конгресса были те самые лица, которые в 1847–1848 гг. сыграли большую роль в освободительном движении Италии.

155.

Тирабоски Джиролимо (1731–1796) – итальянский историк литературы, автор многотомного труда «Storia della letteratura italiana» (1772–1781).

156.

Ланци Луиджи (1732–1816) – аббат, итальянский археолог

и историк искусства.

157.

Альфьери Витторио, граф (1749–1803) – итальянский драматург и поэт, основатель новой итальянской трагедии.

158.

...приехал умирать во Флоренцию... – После длительных странствий по Европе Альфьери вернулся в Италию, певцом свободы и национального возрождения которой он всегда был как в своих трагедиях «Филипп II», «Антигона», «Саул», так и в своих страстных сонетах; скончался Альфьери во Флоренции.

159.

Острацизм, правильное остракизм – в Древней Греции изгнание путем народного голосования на 10 лет гражданина, признанного опасным для общества; имя изгоняемого писалось на особых черепках (ostrakon), откуда название.

160.

...прервано всякое сообщение мысли с Европою... – Имеется в виду тираническая политика моденского герцога Франца IV, сторонника Австрии; во время его правления, 1814–1846 гг., в Модене не было никакой гарантии личной

свободы и безопасности, печать притеснялась.

161.

Супруги Наполеоновой не было в Парме... – Вторая жена императора Наполеона I, Мария Луиза (1791–1847), получившая по решению Венского конгресса в свое владение герцогства Парму, Пьяченцу и др., не пользовалась популярностью в Италии, особенно среди простого народа, что и вынудило ее после революции 1831 г. покинуть Парму.

162.

...к строгому христианскому началу... – См. прим. к Письму I, п. 12.

163.

«Пират» («Pirata») – итальянский литературно-театральный журнал либерального направления, издавался в Милане с 1835 по 1891 г.

164.

Регли Луиджи – итальянский публицист и журналист, театральный критик, был близок миланским музыкальным кругам.

165.

Самойлова Юлия Павловна, графиня – приятельница

и восторженная поклонница русского художника Карла Павловича Брюллова, светская красавица, обладательница колоссального состояния, славилась своим независимым образом жизни и любовью к искусству; покинув Россию, графиня поселилась в Милане и благодаря графу Джулио Помпео Литте стала обладательницей роскошных дворцов и вилл в Милане и его окрестностях, посещавшихся известными итальянскими музыкантами, которым она оказывала материальную поддержку.

166.

Собор удивителен. – Имеется в виду громадный Миланский кафедральный собор, вмещающий до 40 000 человек; постройка его в готическом стиле начата в 1386 и закончена в 1856 г.; собор сложен из больших кусков белого мрамора, снаружи украшен двумя тысячами статуй.

167.

delia Scalla – итальянский оперный театр, открытый в Милане в 1776 г.

168.

Каталани Анджелика (1780–1849) – оперная и камерная певица (сопрано), в 1820-х годах гастролировала в Петербурге.

169.

Паста Джудитта (1797 или 1798–1865 или 1867) – итальянская оперная певица (сопрано).

170.

Зонтаг Генриета (Гертруда Вальпургис Зоннтаг) (1806–1854) – немецкая оперная певица (колоратурное сопрано).

171.

Мезонески Виценти – архитектор и театральный художник; в первую половину XIX в. художественный руководитель театра Сан-Карло в Лиссабоне.

172.

Роллер Андреа Леонгард (1805–1891) – живописец и театральный художник; в 1833 г. был приглашен в Петербург на должность декоратора и главного машиниста сцены императорских театров.

173.

...Швейцария... в каком-то судорожном состоянии... – В 1840-х годах в Швейцарии обострилась политическая обстановка в связи с открытой агитацией католического духовенства против либерально-демократических преобразований в стране.

174.

Пикеты – старинные карточные игры, изобретенные в XIV в. французами.

175.

Экарте – французская карточная игра для двоих.

176.

...кантон есть государство независимое... – Мнение Анненкова о замкнутости и ограниченности швейцарской демократии перекликается с мнением Ф. Энгельса, который писал в статье «Гражданская война в Швейцарии» (1847): «Старая Швейцария, напротив, только то и делала, что боролась против централизации. С чисто животным упрямством она отстаивала свою оторванность от всего остального мира, свои местные нравы, моды, предрассудки, всю свою местную ограниченность и замкнутость» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 355).

177.

Сисмонди Жан Шарль Леонард (1773–1842) – швейцарский экономист классической школы; в его экономическом учении причудливо сочетаются научные принципы с реакционным мелкобуржуазным романтизмом.

178.

Ферней, правильно Ферне – местечко в Швейцарии на границе с Францией, где с 1760 г. жил Ф. М. А. Вольтер; Диодатти – вилла недалеко от Женевы, где в 1816 г. после отъезда из Англии жил Д. Г. Байрон; Коппет, правильно Коппе – местечко в Швейцарии, на берегу Женевского озера, где в замке родителей жила французская писательница Сталь (Stael-Holstein) Анна Луиза Жермена, баронесса де (1766–1817) в 1793–1796, 1804–1805, 1811–1813 гг.

179.

Минос – легендарный царь Кноса.

180.

Солон (между 640 и 635 – ок. 559 до н. э.) – афинский законодатель.

181.

На лебедянской скачке... – Имеются в виду офицерские скачки, ежегодно проводимые в первой половине XIX в. на призы военного министерства в г. Лебедяни Тамбовской губернии.

182.

Десточка – 24 листа писчей бумаги (от слова – десть) (перс).

183.

Пале-Рояль – дворец в Париже, на территории которого в 1840-е годы были расположены лучшие магазины и рестораны города.

184.

Историческая ночь короля Лира... – Имеется в виду 2 и 4 сцены IV акта трагедии В. Шекспира «Король Лир».

185.

Кок Шарль Поль де (1794–1871) – французский романист.

186.

...Кадм отказался бы от чести изобретения азбуки... – Мифический основатель – г. Фивы, древней столицы Египта, которому приписывали изобретение азбуки.

187.

Вери, Вефур, Trcis freres Provencaux (Трое братьев провансальцев) – названия популярных ресторанов Парижа.

188.

...vol-au-vent, котлеты a la victime... – Волован – слоеный пирог, котлеты наподобие жертвы – популярные в 1840-х годах блюда парижской кухни.

189.

...в трехрублевом леграновском обеде... – Обед в популярном ресторане Леграна на Невском проспекте.

190.

...диеппских женщинах... – Женщины портового г. Дьеппа в Нормандии.

191.

...оглушительный вопль разнородных мнений... – В период Июльской монархии в Париже необычайное развитие получила периодическая печать; на протяжении 18 лет правления Луи Филиппа выходило более 700 наименований газет и журналов, большинство из них в Париже. Правительственной прессе противостоял, с одной стороны, воинствующий отряд республиканской и социалистической печати, с другой – династической оппозиции. Французский журналист Ипполит Кастель называл прессу тех лет «четвертой силой» в государстве.

192.

...энигматическим названием... – загадочным названием (от франц. *enigmatig*).

193.

«Debats» – «Journal des debats politiques et litteraires» – «Журнал политических и литературных дебатов»,

французская газета, выходила в Париже с 1789 по 1864 г.; во время Июльской монархии – правительственный орган; во время революции 1848 г. – орган консервативной оппозиции; ведущие редакторы и сотрудники Жюль Жанен. и Сен-Марк-Жирарден.

194.

«National» – «Le National, feuille politique et litteraire» – «Национальная политическая и литературная газета», выходила в Париже ежедневно с 1830 по 1851 г.; во время Июльской монархии – орган республиканской оппозиции, в период революции 1848 г. – правительственный орган; редактор Арман Марраст.

195.

«Commerce» – «Le Commerce, journal des progres moraux et materiels» – «Коммерция, газета морального и материального прогресса», французская ежедневная газета буржуазно-республиканского направления, выходила в Париже с 1837 по 1848 г.; редактор Арнольд Шеффер.

196.

Sainte-Pelagie – Сант-Пелажи, долговая тюрьма в Париже.

197.

...самое смертоносное орудие – денежный штраф... –

В 1835 г. во Франции был введен закон о печати, согласно которому с редактора журнала, обвиняемого в антиправительственных выступлениях, взимался денежный штраф, отчего страдала демократическая пресса, материально плохо обеспеченная.

198.

«Presse» – «La Presse» – «Пресса», французская ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Париже с 1836 по 1866 г.; в период Июльской монархии – умеренно-оппозиционный орган, в период революции 1848 г. – орган буржуазных республиканцев, после революции – орган бонапартистов; редактор Эмиль Жирарден.

199.

«Messenger» – «Le Messenger politique, litteraire et industriel» – «Вестник политики, литературы и индустрии», французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1834 по 1848 г.; в период Июльской монархии – орган правительства, в период революции 1848 г. – орган консервативной оппозиции.

200.

«Constitutionnel» – «Le Constitutionnel, journal du commerce, politique et litteraire» – «Конституционалистическая газета политики, коммерции и литературы», французская

ежедневная газета, выходила в Париже с 1819 по 1870 г.; в период Июльской монархии – орган конституционной оппозиции, в период революции 1848 г. – орган консерваторов, после революции – орган бонапартистов; редактор Адольф Гранье-Кассаньяк.

201.

«Siccle» – «Le Siccle» – «Век», французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1836 по 1866 г.; в период Июльской монархии – орган оппозиции, а период революции – орган умеренных буржуазных республиканцев; редактор Геркулес Гуллемон.

202.

«Courrier Francais» – «Le Courrier francais» – «Французский курьер», ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Париже с 1819 по 1851 г.; в период Июльской монархии – орган оппозиции, в период революции 1848 г. – орган умеренных буржуазных республиканцев; редакторы О. И. Керетри и Ф. М. Ш. Ремюза.

203.

«Journal du Peuple» – «Журнал народа», французская общественно-политическая ежедневная газета, выходила в Париже с 1834 по 1842 г., оппозиционный республиканский орган; редакторы и основатели П. Ф. Андре де Паравеон и

Ж. Ш. Дюпон де л'Эр.

204.

«Gazette de France» – «Французская газета», ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Париже с 1681 по 1914 г., в период Июльской монархии и революции 1848 г. – орган легитимистов.

205.

«Quotidienne» – «La Quotidienne» – «Ежедневная газета», французская общественно-политическая газета крайне монархического направления, выходила в Париже ежедневно с 1815 по 1847 г.; редактор Ж. Ф. Мишо.

206.

«Charivari» – «Le Charivari» – «Шаривари» («Гвалт»), французская ежедневная юмористическая газета с иллюстрациями, выходила в Париже с 1832 по 1866 г.; в период Июльской монархии – орган республиканской оппозиции, в период революции 1848 г. – орган республиканцев; редактор Филиппон Шарль (1802–1862), французский публицист, рисовальщик, карикатурист, прозванный королем сатиры, привлек в журнал первоклассных очеркистов демократического направления Ф. Пиа, Ф. Сулье, а также видных художников и рисовальщиков А. О. И. Домье, Г. Ш. Гаварни, Ж.

И. Гранвиля и др., чьи рисунки часто играли в газете самостоятельную роль, заменяя фельетоны. В письме к братьям Анненков писал: «Между тем есть один листок, под названием «Шаривари», который аккуратно каждый день поставляет провизию острот и каламбуров на все, что происходит, что только случается, начиная с уличной драки и до министерских распоряжений... Пародируются речи депутатов, подымается на смех все решительно, и не спасают тебя ни лета, ни заслуги, и даже тайны семейной жизни выводятся на позор и поругание. Притом же вдобавок еще к статьям прилагается и карикатура описываемых лиц, нарисованных, признаться надо, мастерски» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 52).

207.

«Corsaire» – «Le Corsaire, journal des spectacles, de la littérature, des arts, mœurs et modes» – «Корсар, газета театров, литературы, искусства, нравов и моды», французская ежедневная юмористическая иллюстрированная газета, выходила в Париже с 1822 по 1852 г.; в период Июльской монархии – орган оппозиции, в период революции 1848 г. – орган умеренных буржуазных республиканцев; редакторы Альфонс Карр, Леон Гозлан. С 1847 г. газета выходила под названием «Le Corsaire-Satan» под редакцией Сант-Альма.

208.

«Le XIX Siecle» – «Le Dix-neuvieme siecle, journal politique, quotidien, des interets nationaux et du commerce» – «XIX век, ежедневная политическая газета, выражающая национальные и коммерческие интересы», орган республиканской оппозиции, выходила в Париже в 1841 г. под редакцией Эжена Пеллетана.

209.

...как распространено здесь чтение журналов. – В 1840-х годах французская пресса носила массовый характер и имела широкое распространение. Бедные слои населения, не имея средств покупать газеты, читали их в кабачках и кафе. Оппозиционные газеты распространяли специальные разносчики, за которыми постоянно охотилась полиция.

210.

...Сент-Бёв разбирает поэтов французских, которые существовали до Буало... – Сент-Бёв Шарль Огюст (1804–1869) – французский критик, историк и писатель, создатель тонких характеристик писателей и поэтов, т. н. литературных портретов, особенно XVI–XVII вв. Французский поэт Буало Депрео Никола (1636–1711) – автор знаменитого стихотворного трактата «Поэтическое искусство» (1694), в котором он сформулировал принципы классицизма.

211.

«Revue Independante» – «Независимое обозрение», общественно-политический и литературный журнал, выходил в Париже два раза в месяц с 1841 по 1848 г. с перерывами, пропагандировал социалистические идеи. Основатель журнала Леру Пьер (1797–1871), французский философ, социалист-утопист и общественно-политический деятель; первоначально придерживался сенсимонизма, а затем разработал собственную философскую доктрину, близкую христианскому социализму; в ее основе лежало пантеистическое мировоззрение и идея бесконечного общественного прогресса. Помощником Леру по редактированию журнала был Виардо Луи (1800–1883), французский журналист, критик и писатель социалистического направления. Активное участие в журнале принимала Жорж Занд, которая в этот период находилась под сильным влиянием Леру.

212.

В программе сказано... – Изложение программы журнала Анненковым отличается, видимо, по цензурным соображениям, от программы, приведенной в № 1 «Revue Independante» за январь 1841 г., где сказано: «Философам и политикам: о современном состоянии ума человеческого. Рабочим: о правильном понимании

собственности и подлинном источнике богатства. Ученым: пророчества истории о нашей эпохе. Деятелям искусства: об искусстве нашего времени. Буржуазии и пролетариату: об индивидуализме и социализме».

213.

«Revue Britannique» – «Британское обозрение», французский ежемесячный журнал, выходил в Париже с 1825 г. сдвоенными книгами шесть раз в год; журнал давал обозрение английской и американской литератур; придерживался умеренно-республиканского направления; редактор журнала Пишо Амеде (1796–1877), французский писатель и переводчик.

214.

...статья об Эстонии... – Статья «l'Estonie» из раздела «Vouages-Moeurs» сентябрьской и октябрьской книги «Revue Britannique» за 1841 г.; в сноске к статье указано, что она взята из «Letters form the Baltic 2 vol. Londers 1841».

215.

...упомяну о так называемых «физиологиях». – Французские нравоописательные очерки, впервые появившиеся в 1838 г. в «Шаривари»; они стали чрезвычайно популярными в 1840-х годах. Лучшие из них имели демократическое направление и принадлежали перу

Ш. Филиппона, Ф. Пиа, Ф. Сулье; иллюстраторами их были А. О. И, Домье, Г. Ш. Гаварни, Ж. И. Гранвиль. Часто физиологические очерки издавались отдельными брошюрами малого формата, отсюда название «карманные физиологии». Термин вошел в обиход с появлением книжечки Б. Саварена «Физиология вкуса» (1824).

216.

«Les Gueres» – «Осы», французский ежемесячный сатирический журнал, выходил в Париже с 1839 по 1847 г., придерживался республиканского направления; редактор Альфонс Карр.

217.

Карр Альфонс (1808–1890) – французский писатель и журналист; романы и повести Карра проникнуты мелкобуржуазным сентиментализмом, лучший роман «Под липами»; успех имели сатирические очерки.

218.

«l'Almanach populaire» – «Народный альманах», французский ежемесячный литературно-общественный журнал, выходил в Париже с 1841 по 1844 г., придерживался либерального направления; редактор Паньер Лоран Антуан.

219.

Дюма Александр (1802–1870) – французский романист; в 1848 г. депутат Учредительного собрания.

220.

Сю Эжен (1804–1857) – французский писатель, автор сентиментальных нравоописательных романов на актуальные социальные темы с демократическим направлением.

221.

Гюго Виктор Мари (1802–1885) – французский писатель, глава демократического романтизма, в 1848 г. депутат Учредительного собрания.

222.

Ламартин Альфонс Мари Луи (1790–1869) – французский поэт, историк и политический деятель; в период революции 1848 г. министр иностранных дел и фактически – глава Временного правительства.

223.

«Nouvelles a la main» – «Les Nouvelles a la main» – «Подручные новеллы», французский сатирический журнал, выходил ежемесячно в Париже с 1840 по 1844 г., придерживался республиканского направления, редактор Нестор Рокеплан.

224.

Сорбонна – первоначально богословская школа, основанная в 1253 г. Робертом де Сорбонной; в 1808 г. указом Наполеона I была слита с университетом, которому и передала свое имя.

225.

Ройе-Коллар Пьер Поль (1763–1845) – французский политический деятель Великой французской революции, после революции 1830 г. отошел от политики, стал профессором Сорбонны, придерживался монархических взглядов, возглавлял школу «доктринеров».

226.

Кабалистический – таинственный, загадочный (восходит к евр. каббала – мистическое учение).

227.

Нострадамус (настоящее имя Мишель де Нотр-Дам) (1503–1566) ^французский врач и астролог, публиковал свои прогнозы о будущем.

228.

Семнадцать – кроме концертов и панорам! – В период Июльской монархии в Париже было свыше 20 театров,

главные из них: Гранд-Опера, Итальянская опера, Опера-Комик, Амбигю-комик, Французский театр, или Одеон, Французская комедия, театр Пале-Рояль, театр Порт-Сен-Мартин, Гэте, Варьете, Водевиль, Фолие, Буфф. Фонамбюль, Жимназ.

229.

Адмиралтейская часть – в 1840-х годах Петербург был разделен на пять частей, первая из них называлась Адмиралтейской.

230.

«La Grace de Dieu» – «Божья милость», комедия французского писателя-демократа, автора многих сатирических комедий из жизни современного французского общества, очеркиста Сулье Фредерика (1800–1847).

231.

Аллан, полное имя Аллан-Депрео Луиза Розали (1810–1856) – французская актриса, воспитанница Ф. Ж. Тальма.

232.

Дежазе Виржини (1798–1875) – французская актриса, популярная в 1840-х годах, играла во многих театрах; расцвет творчества связан с театром Пале-Рояль.

233.

Театр Palais-Royal – Пале-Рояль, небольшой парижский театр, построенный на территории дворца в 1784 г.; под названием Пале-Рояль был открыт в 1831 г.; на его сцене работали известные актеры Дежазе, Буфф и др., ставились комедии и водевили.

234.

Соваж, правильно Зоваж Мари – французская драматическая актриса театров Водевиль и Варьете.

235.

Театр Varietes – Варьете, один из старейших в Париже, основан в 1720 г., после 1807 г. переместился на бульвар Монмартр; в 1840-е годы на его сцене работали Дежазе, Арналь и др.

236.

Арналь Этьен (1794–1872) – французский актер и драматург.

237.

Театр Vaudeville – Водевиль, открыт в Париже в 1792 г., принадлежал к так называемым театрам на бульварах; на его сцене ставились комедии и водевили; привлекал

демократические круги населения.

238.

Буффе Мария (1800–1880) – французский актер, очень популярный в 1840-х годах, создатель многих комических образов в театрах Жимназ, Варьете, Водевиль.

239.

Театр Caite – Гэте, открыт в Париже на бульваре Темпл; на его сцене работали многие известные французские актеры, в том числе Буффе.

240.

«Gamin de Paris» – «Парижский гамен», популярный водевиль французского драматурга Баяра Жана Франциска Альфреда (1796–1853).

241.

Плесси, правильно Плесси-Арну, Жанна (1819 —?) – французская актриса; с середины 1840-х годов до 1855 г. жила в России и выступала на сцене Михайловского театра в Петербурге.

242.

Анаис Паулина (1802–1871) – французская актриса, работала на сцене театров Водевиль и Французская комедия.

243.

Ламенель Луи (1800 —?) – французский актер комедийного амплуа, работал в театре Гёте.

244.

Гиацинт Пьер – французский актер театра Пале-Рояль.

245.

Равас – французский актер драматических театров.

246.

Левассор Пьер Тома (1808–1870) – французский актер, пародист, исполнитель комических куплетов.

247.

Theatre Francais – Французский театр, или Одеон, по названию площади, на которой был открыт в 1783 г.; с 1807 г. был включен в число привилегированных театров; в последние годы Июльской монархии в Одеоне, под руководством известного актера Пьера Бокажа (1799–1862) шли антиправительственные пьесы и устраивались бесплатные спектакли для студентов и рабочих.

248.

Theatre Porte Saint-Martin – Театр Порт-Сен-Мартен, открыт

в Париже на бульваре Темпл в 1781 г.; подлинного расцвета достиг в 1830-х годах при постановке драм В. Гюго и А. Дюма; в 1840-е годы на его сцене шли главным образом мелодрамы; театр пользовался любовью у молодежи и демократических кругов населения.

249.

Рашель, собственно Феликс Элиза Рашель (1821–1858) – французская трагическая актриса, возродившая в театре классическую школу актерского искусства. В письме к братьям Анненков писал о ней: «Фаворитка, избалованное дитя публики – эта Рашель, как знаете, играет в классических трагедиях. Жалко, что не знаю Семенову, а то бы хорошо было сличить. Рашель играет как-то скачками, т. е. все идет обыкновенно, благополучно, как у всякой актрисы, да вдруг в каком-нибудь месте побледнеет, задрожит и вырвется у нее что-нибудь такое, что подерет по коже» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 53).

250.

Фредерик Леметр (псевдоним, настоящее имя Леметр Антуан Луи Проспер) (1800–1876) – французский актер, очень популярный в 1830–1840-е годы.

251.

Тальма Франсуа Жозеф (1763–1826) – французский актер.

252.

Жюль-Жанен вздумал было разрушить собственное свое дело... – Французский фельетонист, писатель и критик Жанен Жюль Габриель (1804–1874), один из основных сотрудников консервативного правительственного журнала «Деба», отличался переменчивостью своих симпатий. Стремясь противостоять демократической романтической драме, Жанен способствовал популярности Рашели, игравшей в классическом репертуаре, но когда искусство Рашели приобрело героический характер и стало поддерживаться демократическими кругами, Жанен стал третировать актрису в своих театральных обозрениях.

253.

...«Ногасе» Корнеля... – Драма французского драматурга Пьера Корнеля (1606–1684) «Гораций».

254.

...в новой освистанной трагедии Вьенне «Арбогаст»... – Французский драматург Вьенне Жан (1797–1863), прозванный за свои политические симпатии «бардом Июльской монархии», воскрешал в своих трагедиях, в том числе и в «Арбогасте», написанной в 1820 г. по образцу трагедии Расина, отжившие традиции классического искусства и монархическое направление; его пьесы

вызывали протест в демократических кругах общества.

255.

«Ричард Дарлингтон» – социальная драма А. Дюма «з политической жизни Англии, впервые поставлена в театре Порт-Сен-Мартен в 1831 г.; исполнитель главной ролю в пьесе был Фредерик-Леметр.

256.

Тамбурины Антонио (1800–1876) – итальянский оперный певец (баритон).

257.

Лаблаш Луиджи (1794–1858) – итальянский оперный певец (бас).

258.

Персиани Фанни (1812–1867) – итальянская оперная певица.

259.

Рубини Джованни Баттиста (1795 или 1794–1854) – итальянский оперный певец (лирический тенор).

260.

«Жидовка» – «Жидовка, или Дочь кардинала», опера

французского композитора Галеви (правильно Алеви (Halevy), настоящее имя Леви Фромантель Жак) (1799–1862); либретто оперы написано французским драматургом Огюстином Эженом Скрибом (1791–1861); впервые поставлена в Гранд-Опере в 1835 г.

261.

«Роберт» – «Роберт-Дьявол», опера французского композитора Мейербера Джакомо (1791–1864); либретто для оперы написано Скрибом.

262.

Дюпре Жильберт (1806–1896) – французский оперный певец и композитор.

263.

Фиц-Джеймс – французская балерина.

264.

...гремят трубы Франкони... – Цирковая семья Франкони стала в Париже преемницей знаменитой английской цирковой семьи Астлеев; в 1840-х годах Франкони содержали цирк в Париже, перестроив его помещение и обновив репертуар.

265.

Лукзорский обелиск – египетский обелиск, вывезенный Наполеоном I во время египетского похода; получил свое название по имени г. Луксора, близ Фив, древней столицы Египта.

266.

...новой оперой Галеви... – Опера «Кипрская красавица», впервые поставлена в Гранд-Опера в 1831 г.

267.

...приговором к смерти трех заговорщиков... – Имеется в виду процесс Кенисе, стрелявшего в герцога Омальского, четвертого сына Луи Филиппа; в прошлом Кенисе был солдатом и служил в войсках под командованием герцога.

268.

...суждением журналиста Дюпоти... – Редактор оппозиционной газеты «La Presse» Дюпоти Шарль Дизере (1798–1865), французский журналист, был осужден за «моральное соучастие» Кенисе; французское правительство воспользовалось процессом Кенисе для сведения счетов с оппозиционной прессой.

269.

Я присутствовал на весьма важном заседании палаты пэров... – В письме к братьям Анненков сообщает:

«Алек<сандр> Иванов<ич> (Тургенев. – И. К.) достал мне билет в палату пэров на процесс Кенисе, стрелявшего в принца, как вы знаете, и я видел как знаменитое судилище, так и всех обвиняемых» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 52).

270.

Вандик, правильно Ван-Дейк, Антонис (1599–1641) – фламандский живописец.

271.

Геберт, правильно Эбер (Hebert). Мишель Пьер Александр (1799–1887) – французский юрист и политический деятель, с 1841 г. главный прокурор королевского суда.

272.

...манифест журналистов, с которого началось постыдное кровопролитие 1830 года. – Имеется в виду коллективный протест оппозиционной французской прессы 26 июля 1830 г. против ультрареакционных ордонансов (чрезвычайных указов) Ж. О. Полиньяка, главы французского кабинета, изданных в нарушение французских законов; протест послужил одним из сигналов к восстанию в Париже 1830 г., перешедшему в революцию.

273.

...выпущен был из темницы Ламне. – Речь идет об

освобождении из тюрьмы французского аббата, философа и писателя Ламенне Фелисите Робера (1782–1854), представителя христианского социализма, автора «Слова верующего» – трактата, направленного против католической церкви и режима Июльской монархии; Ламенне в 1840-е годы неоднократно подвергался преследованиям.

274.

Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787–1874) – французский историк и политический деятель; в период Июльской монархии – министр иностранных дел, премьер-министр, фактически глава государства.

275.

Блакфорт, настоящее имя Дюпати Луи Эммануил Шарль Марсье (1775–1851) – французский литератор, драматург, автор популярных водевилей и сатирических обзоров.

276.

...осуществляя таким образом возможность сказки Гофмана. – Имеются в виду проделки волшебника Коппелиуса, сведшие с ума студента в сказке немецкого писателя-романиста Э. Т. В. А. Гофмана «Песочный человек» (1815); впервые на русском языке – «Телескоп», 1831, № 6.

277.

«Фигаро», «Le Figaro» – французская общественно-политическая ежедневная газета консервативного направления, выходит в Париже с 1826 г.

278.

Челлини Бенвенуто (1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир и медальер.

279.

...выучить басенке г. Б. Ф. – Речь идет о русском писателе Федорове Борисе Михайловиче (1794–1875), авторе книги «Эзоповы басни в стихах» (1829).

280.

Вакханалии – праздники в Древней Греции в честь бога вина Вакха.

281.

Ауперкалии – древнеримский праздник, отмечающийся 15 февраля в честь фавна Луперка.

282.

Опера Comique – Комическая опера, французский театр, основанный в Париже в 1715 г., на сцене которого шли оперы популярных французских композиторов Обера Даниэля

Франциска Эсприта (1782–1870), автора «Фенеллы», «Фра-Дяволо», и Адана Адольфа Шарля.

283.

...пансионеров Карла X. – Речь идет о французских аристократах, чьи земли были конфискованы в период Великой французской революции; в 1825 г., во время правления короля Карла X (1757–1836, правил с 1824 по 1830 г.), им в качестве компенсации был выплачен миллиард.

284.

Беррье Пьер Антуан (1790–1868) – политический и юридический деятель, легитимист.

285.

...изверг хулу на англичан... – Имеется в виду соглашение 1822 г., дававшее право Англии осматривать корабли, прибывающие в английские порты и подозреваемые в провозе рабов.

286.

...кто считает городок этот смесью крови и грязи... – Подразумеваются русские писатели охранительной партии, в первую очередь Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч, не раз обвинявшие Париж в бунтарстве и разврате.

287.

College de France – Коллеж де Франс, старейший французский университет, основанный Франциском I в 1530 г.; в период Июльской монархии – передовое учебное заведение Франции.

288.

...лекции... принадлежат к числу парижских зрелищ... – В письме Анненкова к братьям читаем: «...хожу слушать лекции публичные, которые нечто вроде репрезентаций. Теперь читает только Мицкевич – славянскую литературу и Шевалье – политическую экономию; в январе будут читать свои курсы, при немалом количестве дам, Ампер, Филарет Шаль и проч. и проч. Все это имеет для меня необыкновенную занимательность, хотя большей частью не удовлетворяют меня, особливо против германских идей, но внимание совершенно сковано, так что вряд ли не более имеет интереса театральных представлений» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 52 об.).

289.

Ампер Жан Жак (1800–1864) – французский филолог и литературный критик, сын знаменитого физика.

290.

Монтань – Монтень Мишель Эйнем де (1533–1592), французский философ и писатель.

291.

Шаррон Пьер (1541–1603) – французский философ-моралист.

292.

Паскаль Блез (1623–1662) – французский физик, математик и философ, автор знаменитого философского труда «Мысли».

293.

Людовик XIV – французский король (1638–1715), правил с 1643 г.

294.

Озанам Антуан Фредерик (1813–1853) – французский писатель, филолог, специалист по германским литературам, профессор Коллеж де Франс.

295.

«Нибелунги» – «Песнь о Нибелунгах», немецкая эпическая поэма, относящаяся приблизительно к 1200 г.

296.

«Гудруна» – немецкая эпическая поэма, относящаяся приблизительно к 1240 г.

297.

Миннезингеры – поэты немецкого Средневековья, представлявшие рыцарскую лирику XII–XIII вв.

298.

Шаль Виктор Эфемион Филарет (1798–1873) – французский писатель и филолог.

299.

Кине Эдгар (1803–1875) – французский писатель, историк и политический деятель; в период правления Луи Филиппа был настроен оппозиционно, участник февральской революции, после революции 1848 г. стал на сторону партии порядка.

300.

...издатель «Франкфуртского журнала» Дюран. – Дюран (Dugand) Ипполит (1805–1861), французский журналист, редактировал «Francfurter Journal fur kunst, literatur und theater», который выходил во Франкфурте-на-Майне с 1836 по 1866 г.

301.

Тургенев Александр Иванович (1784–1845) – русский литератор, брат декабриста Николая Тургенева, друг Пушкина, покровитель Анненкова за границей.

302.

...путешествие Гюго на Рейн – скучно... – Книга путевых очерков В. Гюго «Рейн» (1842).

303.

«Майорка» – путевые записки Жорж Занд, написанные ею под впечатлением поездки с Фредериком Шопеном и детьми на испанский о. Майорку, где в г. Пальма она провела зиму 1838–1839 гг.

304.

«Записки двух девушек» – роман О. Бальзака «Переписка двух молодых дам» (1841).

305.

«Кавалер Армантель» – первый исторический роман-фельетон А. Дюма, написанный им в соавторстве с Маке Августом (1813–1888).

306.

...с прекрасными карикатурами Гранвиля... – Французский рисовальщик Гранвиль (Gerard, по прозвищу Granville) Жан

Исидор (1803–1847), сотрудник и соратник Филиппона, после суровых законов о печати 1835 г. вынужден был отказаться от политических шаржей; его специальностью стало осмеивание характеров и нравов буржуазии под видом животных, что дало повод называть его «звериным Лабрюером».

307.

...вымощенных уже bois de pallisandre... – т. е. палисандровым деревом, древесиной тропических деревьев, употреблявшейся для изготовления дорогой мебели.

308.

«Виконт Леторьер» – популярный водевиль французского драматурга Ж. Бояра; главную роль исполняла В. Дежазе.

309.

«Палатин» – «Великий палатин» («Великий наместник»), водевиль в трех действиях; автора установить не удалось.

310.

Лафон Пьер Шери (1797–1873) – французский актер.

311.

«Электрическая цепь» – комедия в двух действиях французского драматурга Тома – Фредерика (1814–1884).

312.

«Синий чулок» – водевиль в одном действии французского драматурга Лангле Огюста.

313.

Вольпи, настоящее имя Фэ Леонтина (1810–1876) – французская актриса, выступавшая главным образом в водевилях и комедиях.

314.

«Парижские феи» – французский водевиль; автора установить не удалось.

315.

...посмотреть гробницу Карла Великого... – Карл Великий (742–862), король франков с 768 г., был погребен в Аахене.

316.

...поклониться в Саар даме великому русскому имени. – Речь идет о Петре I (1672–1725), который в молодости работал семь дней на Саардамской верфи в Голландии под именем волонтера Петра Михайлова во время своей поездки за границу с русским посольством в 1697 г.

317.

...народная песня Беккера: Sie werden ihri (Рейн) nicht haben. – «Они его (Рейн) не получат»; патриотическая песня немецкого бюргерства о Рейнской границе, отошедшей французам, написанная немецким поэтом Беккером Николаусом (1809–1845), под названием «Немецкий Рейн».

318.

Только и толков по обеим сторонам реки, что о реке... – Об этих толках писал Энгельс: «Глупую болтовню нескольких французских журналистов по поводу рейнской границы считают заслуживающей пространных возражений, которых французы, к сожалению, совсем не читают, и песню Беккера «Они его не получают» хотят par force (наильно. – И. К.) сделать народной песней» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 41, с. 129).

319.

...но согласиться на действительнейшую меру к прекращению ее – нет. – Намек на бесконечные дебаты о прекращении торговли неграми, которые велись с начала 1820-х годов в Европе. «Отечественные записки» писали по поводу этих дебатов; «С тех пор, как английский парламент (1807 г.) в первый раз внимательно рассмотрел вопрос о рабстве негров, завязалась об этом предмете борьба мнений, которая увеличивается с каждым днем, и по своей живости и увлечению едва ли в новейшее время может сравниться

с чем-нибудь» («Торг неграми в новейшее время». 1842, т. XXII, отд. «Смесь», с. 1).

320.

Брольи Ашиль Шарль Леон Виктор, герцог (1785–1870) – французский государственный деятель, орлеанист, ряд лет министр иностранных дел; один из инициаторов соглашения пяти держав: России, Англии, Пруссии, Австрии и Франции против торговли неграми, заключенного в 1841 г.

321.

Гранье-Кассаньяк Адольф де (1806–1880) – французский журналист, публицист, беспринципный политик; до революции 1848 г. орлеанист, затем бонапартист, в период Второй империи депутат Законодательного корпуса.

322.

«Le Globe» – «Le Globe, gazette des deux mondes» – «Глобус, газета Старого и Нового света», французская газета республиканского направления, выходила в Париже с 1837 по 1845 г. под редакцией Гранье-Кассаньяка.

323.

Токвиль, правильно Токвилль Алексис Карл Генри Глер (1805–1859) – французский историк, писатель и государственный деятель, сторонник конституционной

монархии; в период революции 1848 г. принадлежал к республиканцам и вел активную борьбу с социалистами.

324.

...Балланшу, с его «Паленгенезией»... – «Возрождение» (1818), сочинение французского писателя и поэта, – мистика Балланша Пьера Симона (1776–1847), в котором развивается мистическое учение о возрождении живых существ после смерти, откуда и получило свое название.

325.

Дюваль Жорж (1772–1853) – французский писатель и драматург.

326.

Пакье Этьен Дени, герцог (176? – 1862) – французский политический деятель, президент палаты пэров при Луи Филиппе.

327.

Патен Генри Жозеф Гильом (1793–1876) – французский писатель, профессор латинской и греческой поэзии в Сорбонне.

328.

Виньи Альфред де (1787–1863) – французский писатель романтического направления.

329.

Минье Франсуа Огюст Мари (1796–1884) – французский историк, создатель нового направления в историографии, участник революции 1830 г.

330.

...открыл настоящий век религиозною песнью... – Речь идет о французском писателе и политическом деятеле Шатобриане Франсуа Огюсте Рене де (1768–1848), авторе «Гения христианства», произведения, написанного им в изгнании в 1802 г., в котором разуму противопоставляется вера.

331.

Рекамье Юлия Аделаида (1777–1849) – парижская красавица, хозяйка известного салона, посещаемого многими знаменитыми людьми Франции; особую популярность салон Рекамье приобрел в эпоху Реставрации (1814–1830).

332.

Тенерани Пьетро (1789–1869) – итальянский художник и скульптор, ученик Кановы.

333.

Жерар Франсуа (1770–1837). – Французский живописец, ученик Давида; прославился светскими портретами.

334.

Гарсиа-Виардо Мишель Полина (1821–1910) – французская певица (меццо-сопрано), педагог и композитор.

335.

Барант Амабль Гильом Проспер Брюшар (1782–1866) – французский государственный деятель, монархист, историк, публицист, переводчик Шиллера.

336.

...кончает теперь глубоким, суровым мистицизмом янсенистов. – Речь идет о творческой эволюции французского писателя и критика Ш. О. Сент-Бёва, авторе знаменитого «Volupte» – «Утешения», написанного под влиянием Ф. Ламенне; в этом психологическом романе показана борьба мистических настроений с энергией и ясностью молодости; роман был высоко оценен А. С. Пушкиным. Постепенно Сент-Бёв подпал под влияние янсенистов (оппозиционное учение внутри католицизма, основанное Корнелием Янсением и отличавшееся мистицизмом); под влиянием этого учения

Сент-Бёв принялся за пятитомный труд «Port-Royal» – «Убежище королей», в котором дал ряд психологических портретов янсенистов, связанных с этим янсенистским женским монастырем близ Парижа; труд был окончательно завершён в 1860 г.

337.

Декарт Рене (Renatus Cartesius) (1596–1656) – французский философ и математик.

338.

Ленорман Шарль (1802–1859) – французский ученый, археолог.

339.

Фориель Клод Шарль (1772–1844) – французский историк литературы и критик.

340.

Сен-При Феликс (1801–1851) – французский политический деятель, сторонник Бурбонов, депутат Учредительного собрания.

341.

Юлия, Офелия – героини трагедий Шекспира «Ромео и Джульетта» и «Гамлет»; Мария Стюарт (1542–1587),

королева Шотландская.

342.

Сен-Марк-Жирарден (Saint-Marc-Girardin) (1801–1873) – французский писатель, критик, профессор Сорбонны, автор популярных статей о литературе в «Journal des débats».

343.

Дюпанлу Феликс Антон (1802–1878) – аббат, французский проповедник, богослов, профессор Сорбонны, член французской Академии, клерикальный публицист.

344.

Абеляр Пьер (1079–1142) – французский философ и богослов.

345.

Сен-Сиран или Дювержье де Горан Жан (1581–1643) – французский философ и богослов.

346.

Корф Модест Андреевич (1800–1872) – русский государственный деятель, реакционер, соученик А. С. Пушкина по Царскосельскому лицей.

347.

...современных драматических писателей он уничтожает... – Речь идет о драматургах демократического романтизма во главе с В. Гюго, против которых в период Июльской монархии ополчились литераторы, группировавшиеся вокруг правительственного консервативного «Journal des débats»: Ж. Жанен, Ф. Шаль, Сен-Марк Жирарден.

348.

Мишле Жюль (1798–1874) – французский ученый, историк, обратившийся к исследованию народных движений и положения народных масс в различные эпохи; был настроен оппозиционно к режиму Июльской монархии.

349.

Шевалье Мишель (1806–1879) – экономист французской классической школы, в молодости сен-симонист, впоследствии сторонник умеренной конституционной монархии, один из основателей общества свободной торговли; выступал с публицистическими статьями в «Journal des débats».

350.

Равиньян Густав Франсуа Ксавье (1795–1858) – французский проповедник, принадлежал к школе воинствующих иезуитов.

351.

...составляют первые звенья той религиозной реакции, которая обнаружилась в последнее время в Париже. – Реставрация католицизма, начавшаяся во Франции после восстановления ордена иезуитов в 1815 г., особенно усилилась в период Июльской монархии и сопровождалась развитием религиозного красноречия. Знаменитые проповедники, на проповеди которых стекался весь Париж, касались самых животрепещущих вопросов. Католицизм стремился подчинить себе культурную жизнь страны, даже образование, что вызвало тревогу правительства. В 1845 г. Гизо направил в Ватикан для секретных переговоров с папой профессора П. Л. О. Росси, итальянца по происхождению; миссия Росси увенчалась успехом, и количество иезуитских домов в Париже несколько сократилось.

352.

...о изнеможении и апатии его. – В письме к М. Н. Каткову в Берлин от 17 марта 1842 г. Анненков писал: «А под прикрытием этой апатии Гизо сильнее, чем за год назад, и делает бесчинства. Не знаю, перед бурей ли это спокойствие, но знаю только, что если новые избирательства не создадут Палаты несколько энергичнее, потеряет Франция драгоценный подарок Европы, эти развитые учреждения для

возможно более личной свободы каждого, потеряет, будь шельма, потеряет» (Русский вестник, 1896, № 12, с. 51).

353.

Я был на некоторых из этих поучений... – В письме к братьям Анненков пишет: «Посещаю проповеди в церквах известных проповедников. Последнее однако же даром не обходится. Как только кончается проповедь, красавицы самого высшего общества, графини и герцогини, становятся у дверей, на том месте, где обыкновенно стоят нищие, и собирают милостыню для бедных в бархатные мешочки». И тут же, намекая на ханжество этих дам, добавляет: «драгоценности, на них надетые, стоят в несколько раз больше собранных ими денег» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 52 об.).

354.

Ботен Август – французский аббат, богослов; проповедовал преимущественно в аристократических кругах.

355.

Шатель – французский аббат, вел борьбу за независимость французской церкви от Ватикана, создал общину «независимой католической церкви» («галльский примас»), которая в 1842 г. была закрыта; близок христианскому социализму.

356.

«Les lamentation sociales» – «Общественные бедствия», книга французского публициста, социалиста Боналя Луи Габриэля Амброзия (1778–1848).

357.

...о конкурсе на сооружение памятника Наполеону... – 15 декабря 1840 г. прах Наполеона I был перевезен с острова св. Елены в Париж и объявлен конкурс на сооружение надгробия, в связи с чем во Франции возник настоящий культ Наполеона, объединивший различные слои общества, настроенные оппозиционно к режиму Июльской монархии. В письме к братьям Анненков приводит слова сторожа из Инвалидного дома, где в боковой часовне стоял гроб Наполеона: «Вы не можете себе представить, какая любовь у всех членов общества к этому человеку. Кучера, работники, прачки прослезятся при его имени, оправятся и скажут: это хорошее было время, сударь» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 3, л. 59).

358.

Folies – Фоли, Шалость, один из старинных французских театров, построенных на бульварах в конце XVIII в.

359.

«Палермский трибун» – драма в пяти действиях

французского писателя и драматурга Латура де Сент-Ибара.

360.

«Кедрик-Норвежец» – социальная драма французского писателя, журналиста и драматурга Пиа Феликса (1810–1869), оппозиционно настроенного против Июльской монархии.

361.

«Плутни Кинолы» – социальная комедия Бальзака Оноре (1799–1850), в центре которой столкновение творческой личности с буржуазным и аристократическим миром; в начале 1840-х годов Анненков довольно критически относился к творчеству Бальзака, впоследствии это отношение сменилось полным признанием.

362.

...с тех пор, как Франция открыла Шекспира... – В 1821 г. в Париже было издано полное собрание сочинений В. Шекспира с предисловием «Опыт о жизни и творчестве Шекспира»; в этом исследовании Ф. П. Г. Гизо выступил пропагандистом эстетических принципов творчества Шекспира, противопоставляя их обветшалым традициям классицизма и реакционного романтизма. В 1826 г. появляется трактат Стендаля «Расин и Шекспир», также пропагандирующий творчество

Шекспира. Некоторую роль в пропаганде Шекспира сыграли драматурги из кружка Деляклюза Этьена Жана (1781–1863), писавшие литературные драмы в подражание шекспировским «Хроникам».

363.

...актеров Вильямова балагана... – Знаменитый театр Шекспира «Глобус» отличался почти полным отсутствием декораций и народными традициями исполнения.

364.

«Цыган Парис» – мелодрама популярного в 1840-х годах французского драматурга Бушарди Жозефа (1816–1870), с запутанной интригой, нагромождением ужасов, нелепыми ситуациями «черного жанра».

365.

Ашар Пьер Фредерик (1808–1856) – французский актер-комик, с 1836 г. постоянный актер театра Пале-Рояль.

366.

Дош Шарлотта Мария (1821–1900) – французская актриса.

367.

Gymnase – Жимназ, театр на бульваре Бон-Нуviel в Париже, открытый в 1820 г. для учебной практики

студентов консерватории; был любим буржуазией за свой репертуар, основное место в котором принадлежало драмам французского драматурга Скриба Огюстино Эжена (1791–1861), автора многочисленных комедий, мелодрам, водевилей, популярных в 1830–1840 годах.

368.

Мюзар Франц Генри (1793–1859) – французский музыкант, композитор, устроитель публичных балов и маскарадов в Париже.

369.

...на курс френологии с опытами. – Френология создана немецким врачом Галлем Францем Иосифом (1758–1828); эта псевдо-наука о связи между психическими функциями мозга и строением черепа пользовалась особой популярностью в Париже в период пребывания там Галля (1810–1820 гг.); после его смерти ученики открыли в Париже специальные кабинеты френологии.

370.

Salle Saint-George, La grande Chaumiere – известные танцзалы в Париже 1840-х годов.

371.

Гальяни – глава знаменитой книжной фирмы, которая

содержала известный на весь Париж книжный магазин и кабинет для чтения, где получались все периодические издания Европы.

372.

Дюмон-Юрвиль Жюль Себастьян Цезарь де (1790–1842) – французский путешественник-натуралист.

373.

...об аллеманских государствах... – Название германских государств по имени племени аллеман, ветви швабского племени, некогда в них обитавшего.

374.

...по выражению Хлестакова... – Персонаж из комедии Гоголя «Ревизор» (1836 г.)

375.

«Рождай мне только дочерей, Рейн!»... – Перифраз реплики Макбета, героя одноименной трагедии Шекспира: «Рождай мне только сыновей».

376.

Лафатер Иоганн Каспар (1741–1801) – швейцарский пастор и писатель, в своих «физиологических фрагментах» пытался доказать, что по чертам лица можно определить характер

человека.

377.

...с неописанным выражением довольства, благополучия, душевного мира и желанного состояния совести. – Характеристика филистеров у Анненкова перекликается с характеристикой, данной Марксом в те же годы: «Существование страдающего человечества, которое мыслит, и мыслящего человечества, которое подвергается угнетению, должно неизбежно стать поперек горла пассивному, бессмысленно наслаждающемуся животному миру филистерства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 378).

378.

Еще Байрон заметил эту особенность... – «Дон Жуан» Байрона, 62 строфа 10-й песни: «Был в Кёльне, каждый там неотвратимо почтить святые кости принужден одиннадцати дев блаженных и потому, наверное, нетленных» (Байрон Д. Г. «Дон Жуан». М., 1959, с. 59).

379.

...кёльнская католическая протестация... – Иначе «кёльнская смута» – конфликт между прусским правительством и католической церковью по поводу вероисповедания детей при смешанных браках (католиков

с протестантами); прусское правительство капитулировало перед Ватиканом.

380.

...ганноверская оппозиция... – В 1837 г. король Ганновера отменил буржуазно-либеральную конституцию и в 1840 г. провел закон, который свел до минимума права представительных учреждений, что вызвало недовольство в либеральных кругах Ганновера, нашедшее свое выражение в протесте геттингентских профессоров, поданном королю.

381.

Берне Людвиг (1786–1837) – немецкий писатель, публицист и критик либерального направления.

382.

«Фенелла» – «Фенелла, или Немая из Портичи», опера французского композитора Обера, впервые поставленная в Париже в Гранд-Опера в 1828 г., очень популярная в 1830–1840-х годах.

383.

...в арзамасскую академию искусств... – Школа иконописного и живописного дела, основанная в Арзамасе Нижегородской губернии в 1802 г. А. В. Ступиным.

384.

Тимбукта, ныне Томбукта – город в республике Мали; кафры – название, данное европейскими колонизаторами южноафриканскому народу коса; Вандименова земля – остров в юго-восточной Австралии, открытый в 1642 г. голландским мореплавателем А. Я. Тасманом; в 1788 был объявлен английским владением под названием земли Ван-Димена; в 1853 г. назван Тасманией.

385.

Джиото, правильно Джотто ди Бондоне (1276–1337) – итальянский художник.

386.

Фра-Беато, правильно Фра-Джованни да Фьезоле, прозванный Беато А. (1400–1455), итальянский художник.

387.

Массачио (Massazza du Valdondona) Паоло Антонио, граф (1711–1785) – итальянский художник и архитектор.

388.

...в лавке Исакова... – Магазин иностранной книги на Невском в Петербурге, принадлежавший книгопродавцу и издателю Исакову Якову Алексеичу (1811–1881); впоследствии книготорговля Исакова стала одной из первых

в России; Исакову принадлежит издание сочинений А. С. Пушкина.

389.

...три восточные царя, шедшие за звездой в Назарет... – Библейская легенда о трех царях, или волхвах, Каспаре, Мельхиоре и Валтазаре, которые, руководимые звездой, показывающей им путь, пришли в Вифлеем на поклон новорожденному младенцу Иисусу.

390.

Типография Котты – издательская фирма, тесно связанная с историей немецкой литературы. Иоганн Фридрих Котта, особенно много сделавший для процветания фирмы, был основателем одной из самых популярных немецких газет «Allgemeine Zeitung», издававшейся в Аугсбурге в 1810–1882 гг.; газета придерживалась консервативного направления.

391.

«Конетабль Честерский» – «Конетабль Честерский, или Обручение», роман Вальтера Скотта из эпохи Крестовых походов.

392.

...«чаши, во истину дьяволу обреченные»... – Цитата из

сочинения кн. Курбского Андрея Михайловича (1528–1583), русского политического деятеля и писателя эпохи Ивана Грозного («Сказания кн. А. Курбского». СПб., 1822, с. 84).

393.

Лютих – старое название бельгийского города Льежа.

394.

Начались выборы. – Выборы в Палату депутатов в Париже в августе 1842 г.

395.

Полуимпериал – русская золотая монета; империал равен был 15 рублям ассигнациями.

396.

...мать Родшильдов... – Речь идет о банкирской династии; Джеймс Ротшильд (1792–1863) – глава банкирского дома.

397.

Лессинг Карл Фридрих (1808–1880) – немецкий художник-пейзажист и исторический живописец, представитель Дюссельдорфской школы живописи.

398.

Данекер, правильно Даннекер, Иоганн Генрих (1758–1841) – немецкий скульптор и художник, автор мраморной скульптуры «Ариадна на пантере» (1809).

399.

Бекманский сад – Франкфуртский музей Бетмана. Назван по имени Бетмана Симона Морица (1763–1816), основателя банкирской династии во Франкфурте-на-Мдйне, уроженца Голландии; был возведен в австрийское дворянское достоинство; отличался благотворительностью и покровительством наукам и искусствам.

400.

...на улице Гроссен-Хирш-Грабен... – Имеется в виду улица и дом, где родился И. В. Гёте и где им были написаны первая драма «Гец фон-Берлихинген» (1771–1773) и роман «Страдания молодого Вертера» (1774).

401.

...которые еще обстраиваются... – Штутгарт, Дармштадт и Карлсруэ приобрели вид европейских городов только в XIX в.

402.

...заметили вы справедливо... – К этому тексту в журнальной публикации есть примечание от редакции: «Это

относится к письму, полученному автором в ответ на предыдущее».

403.

...заседает та баденская палата... – Вторая баденская палата, которая в 1842 г, настаивала на принятии закона об ответственности министерства, отмене барщины, десятинной подати и других подобных требованиях; палата была распущена.

404.

...существование Ицштейнов, Пфицеров и проч.... – Ицштейн Иогани Адам (1755–1858) – немецкий политический деятель, один из руководителей либеральной оппозиции в баденском ландтаге; Пфицер Павел (1801–1867) – немецкий публицист и либеральный политический деятель, член второй баденской палаты с 1831 г.

405.

...соперничает с Лейпцигом. – В Штутгардте, столице Вюртембергского герцогства, проводились ежегодные книжные ярмарки, и по оборотам книжной торговли Штутгардт занимал второе место в Германии после Лейпцига, где также проводились ежегодные книжные ярмарки.

406.

...происходило знаменитое confession d'Augsbourg... – Аугсбургское исповедание – важнейший символ веры в лютеранской церкви; в основу первой части исповедания положено 17 правил Лютера, объединявших учение реформатской и лютеранской партий. Труд этот был обработан соратником Лютера Ф. Меланхтоном и получил название Аугсбургского, поскольку был представлен Карлу V в Аугсбурге.

407.

Фохг Николас (1653–1733) – немецкий художник и гравёр.

408.

В замену изгнанных из него умственных интересов настроены дворцы, церкви и галереи... – Во второй четверти XIX в. Мюнхен был превращен в один из главных художественных центров Германии; в него были приглашены видные художники, скульпторы, зодчие, создавшие специальную мюнхенскую школу, отличавшуюся пышностью и декоративностью.

409.

Базилика – храм в виде четырехугольника с портиками и колоннами.

410.

Глиптотека – собрание скульптурных произведений, особенно античных. Глиптотека в Мюнхене, огромное здание в ионическом стиле, пользовалась особенной известностью.

411.

...как рыцарь Жуковского, вспоминающий о далекой Палестине над вывезенной им пальмой... – Имеется в виду баллада русского поэта Жуковского Василия Андреевича (1783–1852) «Ветка Палестины» (1832), вольный перевод стихотворения Людвиг Уланда «Боярышник графа Эбенгардта»; ветку боярышника Жуковский в своей балладе заменил веткой оливы.

412.

...страницу Карамзина о Рейнском водопаде... – Описание Рейнского водопада в «Письмах русского путешественника» (1791) Н. М. Карамзина.

413.

...пропало даже и поколение умных лодочников с Карамзина... – Подразумевается фраза из «Писем русского путешественника»: «Лодочник почел за нужное сказать нам, что в Америке есть подобный водопад» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. СПб., 1884, с. 213).

414.

...основана твердо ее материальная и нравственная сила. – Имеется в виду борьба за левый берег Рейна, отошедшего по решению Венского конгресса к Франции. Суждение Анненкова по этому вопросу совпадает с суждением молодого Энгельса, который писал в статье «Эрнст Мориц Арндт», опубликованной в журнале «Telegraph fur Deutschland» в январе 1841 г.: «Дело в том, что я придерживаюсь, – может быть, в противоположность многим, взгляды которых я вообще разделяю, – той точки зрения, что для нас возврат говорящего по-немецки левого берега Рейна – дело национальной чести...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 41, с. 130).

415.

...получило великолепное развитие в Шеллинге. – Речь идет о религиозно-мистическом направлении в немецкой философии, так называемой позитивной философии, центром которой был Мюнхен; это направление выступило с критикой философии Гегеля и пыталось подчинить философию религии; дальнейшее свое развитие оно получило в философии Шеллинга. Мысль о связи позитивной философии с философией Шеллинга развивал Ф. Энгельс в статье «Шеллинг и откровение»: «В первый раз за последние пятьсот лет выступает герой науки и объявляет

последнюю служанкой веры» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 41, с. 201). Первоначально статья Энгельса вышла отдельной брошюрой в Лейпциге в 1842 г.

416.

...переходом Мергейнеке к так называемой правой стороне гегельянства... – После смерти Гегеля в 1831 г. в Германии произошло размежевание его сторонников. Старогегельянцы, или правогегельянцы, выступили с открытой защитой юнкерства, прусской монархии, церкви и пытались интерпретировать учение Гегеля в церковно-христианском духе. На сторону правогегельянцев открыто стал протестантский теолог Мархейнеке Филипп Кондрад (1780–1846), выпустив в 1842 г. книгу «Введение в публичные лекции о значении гегелевской философии для христианской теологии». Берлин, 1842. По поводу этой книги К. Маркс писал А. Руге в 1842 г.: «Старый Мархейнеке счел, по-видимому, необходимым подтвердить документально перед всем миром всю импотентность старогегельянства. Его вотум – это позорный вотум» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 365).

417.

Салат Якоб (1766–1850) – немецкий ученый, философ-идеалист, правый гегельянец, профессор Мюнхенского университета.

418.

...разговор с ним Н. А. Мельгунова... – Имеется в виду статья русского писателя, публициста Мельгунова Николая Александровича (1804–1867) «О новой философии Шеллинга», опубликованная в «Отечественных записках», 1839, т. 3.

419.

Уланд Людвиг (1787–1862) – немецкий поэт-романтик и политический деятель консервативного направления.

420.

Сольмс-Лих Людвиг (1805–1880) – прусский помещик и политический деятель, сторонник монархии.

421.

Об оппозиции всему этому... – Имеется в виду литературно-общественная группа «Молодая Германия», объединявшая наиболее прогрессивных немецких поэтов и писателей, критически относившихся к прусскому режиму: Г. Гейне, К. Гуцкова, Л. Берне и др., и прогрессивная немецкая пресса, в частности жури. «Deutsche Jahrbücher», орган левых гегельянцев, издававшийся А. Руге.

422.

...читаю энергическое проклятие Анастасия Грюна... – Поэма «Прогулка венского поэта», вышедшая анонимно в 1831 г. и проникнутая оппозиционными настроениями против режима Меттерниха.

423.

Рюккерт Фридрих (1788–1866) – немецкий поэт-романтик, переводчик восточной поэзии. Мнение Анненкова о Рюккерте перекликается с мнением молодого Энгельса, который писал: «Как поэта любви, его можно было бы сопоставить с Гейне...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 41, с. 362).

424.

Алгамбра – крепость-дворец мавританских царей близ Гренады, памятник средневековой мавританской архитектуры.

425.

«Аугсбургский журнал» – «Allgemeine Zeitung», немецкая ежедневная газета консервативного направления, выходившая в Аугсбурге с 1810 по 1882 г.; основана в 1798 г.

426.

...порода Арминиевых детей... – Герман (Арминий), вождь племени херусков, возглавил германские племена,

разбившие римские легионы в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.).

427.

Млйербер Джакомо (настоящее имя Якоб Либман Бер) (1791–1864) – композитор, автор опер «Роберт-Дьявол» (1837) и «Гугеноты» (1836).

428.

Мендельсон Моисей (1729–1786) – немецкий философ-просветитель и писатель.

429.

...как Каратыгин в «Ермаке» г. Хомякова... – Речь идет о русском актере Каратыгине Василии Андреевиче (1802–1853), исполнителе главной роли в трагедии русского писателя Хомякова Алексея Степановича (1804–1860) «Ермак».

430.

...Дюссельдорфе – столице нового воззрения на живопись... – Имеется в виду Дюссельдорфская школа – наиболее значительная из местных школ немецкой живописи XIX в. Сложилась в связи с основанием (1819 г.) Академии художеств в Дюссельдорфе, объединяла художников различных направлений; для творчества некоторых, в том числе К. Ф. Лессинга, характерен

просветительский взгляд на искусство и реалистическое направление; своей творческой зрелости школа достигла к середине 1840-х годов.

431.

Гусе, правильно Гус, Ян (1371–1415) – профессор Пражского университета, вождь чешского национально-освободительного движения, был обвинен в ереси и сожжен на костре.

432.

Геценберг Жозеф (XVII в.) – немецкий скульптор и гравер, автор фресок в Боннском университете.

433.

...франкфуртскую картину Овербека... – Картина «Триумф религии в искусстве» (1840) немецкого художника, представителя «назарейцев». См. также прим. к первому «Письму из-за границы», п. 12.

434.

Корнелиус Питер (1783–1849) – немецкий художник, первый директор Дюссельдорфской Академии живописи.

435.

Гесс Карл Адольф (1769–1849) – немецкий художник и

педагог.

436.

Каульбах Вильгельм (1805–1874) – немецкий живописец и рисовальщик, ученик П. Корнелиуса.

437.

Циммерман Клемен (1789–1869) – немецкий живописец, работал по украшению мюнхенской глиптотеки и столовой залы в мюнхенском королевском дворце.

438.

Шлотгауер (1800 —?) – немецкий резчик по дереву и рисовальщик.

439.

Бюргер Август (1749–1794) – немецкий поэт-романтик, автор популярных баллад и поэм, в том числе известной поэмы «Ленора», переведенной на русский язык В. А. Жуковским.

440.

Анакреон, правильно Анакреонт – древнегреческий поэт (ок. 570–487 до н. э.).

441.

Торвальдсен Бертель (1768 или 1770–1844) – датский скульптор.

442.

...оглянулся назад, как Орфей... – Древнегреческий миф о поэте-певце Орфеев спустившемся в ад за своей умершей женой Эвридикой; во время возвращения на землю Орфей оглянулся на Эвридику, нарушив данное обещание, и потерял ее навеки.

443.

«Моисей» – «Моисей в Египте», опера Д. Россини (1827).

444.

Палата представляет вид страшного смятения. – В письме к братьям Анненков писал: «Я был свидетелем одного такого бурного заседания. Всего более шумела левая сторона, оппозиционная под председательством Одилона Барро, Лафита и Араго. Пощады нет ни министру, никому. Вильмен, министр просвещения, был оглушен страшным воплем, Дюшатель – хохотом от одной фразы, не слишком ловкой. А когда попадаетея новичок, так из рядов выскакивают остроты, смущающие бедного оратора... Когда говорит Ламартин – это орел! Какая быстрота соображения, какой поток сравнений, метафор, картин. Когда говорит Беррье – это огонь! Что за увлечение, что за жар, что за

количество доказательств, которые гонят один другого и жмут противника до появления крови, т. е. до вскрика, как это часто случалось. Когда говорит Гизо – это рассудок в полном величии. Он разбирает и разлагает каждый порыв оратора и в минуту, когда Палата находится в энтузиазме, выливает на нее ушат холодной воды своими стойкими рассуждениями» (ИРАК, ф. 7, ед. хр. 3, л. 60).

445.

Перье Казимир (1811–1876) – французский политический деятель, дипломат; в период Июльской монархии принадлежал к оппозиции.

446.

Ше д'Эст-Анж (Chaix d'Est-Ange) Андре (1800–1876) – французский адвокат.

447.

Марье Пьер Томас (1795–1870) – французский политический деятель, адвокат.

448.

«Вишь, куда метнул, какого туману напустил!» – Реплика городничего в адрес Хлестакова из комедии Гоголя «Ревизор» (1836).

449.

...магистрат назначается пожизненно... – Во Франции магистрат – судейский персонал с включением прокуратуры; согласно французскому гражданскому кодексу от 1807 г., мировые судьи после пятилетней службы получали грамоту на пожизненное отправление своих обязанностей.

450.

...который стоит между двумя партиями – римской и чисто национальной... – Согласно закону об образовании 1821 г., во французской средней и высшей школе господствовало классическое образование, а курс естественно-математических дисциплин был сокращен, что в 1840-х годах привело к усилению влияния церкви на образование; национальная партия во главе с Ж. Мишле и Э. Кине стремилась высвободить образование во Франции из-под влияния церкви.

451.

Бيران Франц Пьер де (1766–1824) – французский философ.

452.

Жуффруа Теодор Симон (1796–1842) – французский философ.

453.

Бартеlemi Сент-Илер Жюль (1805–1895) – французский философ и политический деятель консервативного направления.

454.

Гранье Жозеф (1813–1881) – французский ученый.

455.

Симон Жюль Франсуа Сюсе (1814–1898) – французский политический деятель, буржуазный республиканец, профессор философии, член Академии наук.

456.

...и нормальной – Ecole normal, школа для подготовки учителей; во Франции в 1840-х годах было несколько десятков подобных школ, лучшей считалась парижская.

457.

...только и замещает стихами ремесленников... – В «Revue Independante» П. Леру печатались стихи рабочих поэтов с указанием их профессии и фамилии; публиковались статьи о рабочей поэзии, принадлежавшие Ж. Занд; «Диалоги о пролетарских поэтах», «О народных поэтах» и др.

458.

Дюпен Андре Мари Жан Жак, барон (1783–

1865) – французский государственный деятель, юрист, отличавшийся умением приспособливаться ко всяким правительствам.

459.

...все почти упали... – Видимо, ежедневная газета «XIX Siecle», стоявшая в оппозиции к Июльской монархии.

460.

«La Legislation» – «La Legislation, journal theorique et pratique» – «Законодательство, теоретическая и практическая газета», орган монархистов, выходила в Париже в 1843 г.

461.

«La Nation» – «La Nation, journal des droits et des interets de tous» – «Нация, газета прав и интересов большинства», французская ежедневная газета буржуазно-республиканского направления, выходила в Париже с 1843 по 1846 г.; редактор Д. Э. Женуд.

462.

...которого не назову... – Видимо, жури. «Phalange, revue de la science sociale» – «Фаланга, журнал социальных наук», издававшийся последователями французского социалиста-утописта Ш. Фурье в Париже в разном объеме и под

разными названиями с 1832 по 1849 г. Мнение Анненкова о журнале перекликается с высказыванием Ф. Энгельса, который писал об этом журнале в 1846 г.: «...этот журнал – чисто денежная спекуляция фурьеристов и публикуемые в нем рукописи Фурье имеют очень различную ценность. Издающие этот орган господа фурьеристы стали похожими на немцев напыщенными теоретиками, и на место юмора, с которым их учитель разоблачал буржуазный мир, они поставили священную, основательную, теоретическую, угрюмую ученость, за что они по заслугам были осмеяны во Франции, а в Германии получили признание» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42, с. 308).

463.

Он имеет здесь успех... – Роман Эжена Сю «Парижские тайны» публиковался в «Journal des debats» в течение 1842–1843 гг. и имел огромный успех: у дверей редакции каждое утро выстраивался хвост очереди нетерпеливых читателей, стремившихся пораньше узнать продолжение. Ф. Энгельс полагал причиной успеха романа внимание автора к бедственному положению низших сословий (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 542).

464.

«La Gendeleltre» – третья часть романа О. Бальзака «Утраченные иллюзии», вышедшая в Париже в 1843 г.

и вызвавшая бурю возмущения в журналистских кругах, особенно у сотрудников «Деба», узнавших себя в персонажах романа.

465.

...сам потерялся в разрешении общественных и жизненных вопросов. – Имеется в виду противоречивость мировоззрения и действий Ф. Ламенне, который, будучи католическим пастором, восстал против католицизма; начав с борьбы против Июльской монархии, за что неоднократно подвергался преследованиям, Ламенне отходит от политической борьбы и становится идеологом христианского социализма.

466.

...декоративное направление. – Начиная с постановки романтической драмы А. Дюма «Генрих IV и его двор» в 1828 г. в театре Французской комедии, все парижские театры стали уделять большое внимание оформлению спектаклей. Стремясь воспроизвести местный колорит и дать почувствовать эпоху, оформители возводили на сцене замки, монастыри, тюрьмы, использовали предметы быта прошедших эпох, соответственно оформляли и костюмы актеров.

467.

Жоанно Тони (1803–1853) – французский художник, рисовальщик и гравёр, один из первых иллюстраторов книг; иллюстрировал Мольера, Сервантеса, французских поэтов-романтиков.

468.

Гаварни, собственно Сюльпис Гийом Шевалье (1804–1866) – французский рисовальщик и художник демократического направления, сотрудник «Шаривари» и «Карикатюр».

469.

«Mille et une nuits» – «Тысяча и одна ночь», феерия в четырех действиях и одиннадцати картинах, впервые поставлена в Париже в 1842 г.

470.

Аристархи – ученые, придирчивые критики; восходит к собственному имени александрийского ученого Аристарха Сиракузского (ок. 217–145 до н. э.), прославившегося придирчивой критикой и исправлениями поэм Гомера.